"The A B C of Social Science."—Modern Western Civilisation.
The XVII & XVIII century
By N. Flerovsky.

Выпускъ 11-ый Цѣна 1 ш. (1 фр. 25 сант.; 25 цент.).

АЗБУКА СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ.

XVII и XVIII ВѢКА

Современной западно-европейской цивилизаціи

Н. Флеровскаго

Автора «Положеніе Рабочаго Класса въ Россіи», «Свобода Рѣчи и пр.» «Философіи Безсознательнаго» и пр., и пр.

1894.

Published by «The Fund of the Russian Free Press.» — London.

(*All rights reserved.*)

3-ья Тысяча.

ф в.р.п.
ф.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии наук СССР

2150
53

ЛОНДОНСКІЙ ФОНДЪ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ основанъ нижеподписавшимися лѣтомъ 1891 года при помощи взносовъ, сдѣланныхъ нѣсколькими русскими, имѣющими легальное положеніе въ Россіи. Цѣль его удовлетвореніе ощущаемой въ настоящую минуту въ Россіи потребности въ свободномъ печатномъ словѣ. Изданія фонда будутъ выходить отдѣльными брошюрами не періодически, касаясь какъ злобы дня, такъ и общихъ вопросовъ. Считая будущее русскаго народа результатомъ всѣхъ существующихъ попутныхъ теченій и мнѣній въ Россіи, издатели не намѣрены ограничиваться опубликованіемъ только своихъ личныхъ воззрѣній, но приглашаютъ и другихъ авторовъ, не вполнѣ согласныхъ съ ними, но могущихъ доставить рукописи, цѣнныя по своему фактическому содержанію, или въ какомъ нибудь другомъ отношеніи, принять участіе въ изданіяхъ фонда за своей собственной или псевдонимной подписью. Ко всѣмъ-же тѣмъ, кто живо чувствуетъ въ Россіи униженіе невольнаго молчанія и сознаетъ свой нравственный долгъ по отношенію къ массѣ трудящагося народа, населяющаго русскую территорію, мы обращаемся за посильной помощью средствами и литературнымъ матерьяломъ. Мы охотно беремъ на себя всѣ хлопоты по опубликованію всѣхъ присылаемыхъ намъ цѣнныхъ рукописей и аккуратной доставкѣ въ Россію отпечатаннаго.

Тѣ, кто не имѣютъ съ нами связей черезъ нашихъ друзей въ Россіи, могутъ обращаться къ намъ лично или письменно изъ-за границы. Деньги можно пересылать или переводами черезъ одинъ изъ лондонскихъ либо парижскихъ банковъ, или почтовыми переводами (mandats, postal orders) или ассигнаціями любой страны, въ заказныхъ письмахъ.

КОМИТЕТЪ ФОНДА:

Ф. Волховскій (*F. Volkhovsky, 4, Stamford Brook Road, Hammersmith, London, W.*).

В. Войничъ (*W. Voynich-Kelchevsky, 15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.*).

С. Степнякъ (*S. Stepniak, 31, Blandford Road, Bedford Park, London, W.*).

Н. Чайковскій (*N. Tchaykovsky, Harrow, England*).

Л. Шишко (*L. Shishko*, — адресъ лондонскаго склада.

ИЗДАНІЯ ФОНДА:

—o—

1-ый выпускъ. — «Чего Намъ Нужно и Начало Конца». **С. Степняка.** Два изданія, 8000 экз. Цѣна 2 пен. (25 сант. 10 центовъ).

2-ой выпускъ. — «Заграничная Агитація». **С. Степняка.** 5000 экземпляровъ. Цѣна 2 пен. (25 сант.; 10 центовъ).

3-ій выпускъ. — «Еврей къ Евреямъ». **Е. Хасина.** 5000 экз. Цѣна 4 пен. (40 сант.; 20 центовъ).

4-ый выпускъ. — «П. К. Домбровскій, Членъ 'Пролетаріата'» (Революціонеръ-Самоучка). Біогр. очеркъ. 5000 экз. Цѣна 2 пен. (25 сант.; 10 центовъ).

5-ый выпускъ. — «Чудная.» Очеркъ. **В. Короленко.** 5000 экз. Цѣна 1 п. (10 сант.; 5 центовъ).

6-ой выпускъ. — «Подпольная Россія». **С. Степняка.** 4000 экз. Цѣна 2 ш. (2,50 фр.).

Тоже. Съ портретами и въ переплетѣ. 1000 экз. Цѣна 3 ш. 3 п. (4 фр.; 75 центовъ).

7-ой выпускъ. — «Конституція графа Лорисъ-Меликова». 5000 экз. Цѣна 3 п. (30 сант.; 6 центовъ).

8-ой выпускъ. — «Чему учитъ 'Конституція графа Лорисъ-Меликова'». **Ф. Волховскаго.** 5000 экз. Цѣна 4 п. (40 сант.; 6 центовъ).

9-ый выпускъ. — «Кто чѣмъ живетъ». **С. Дикштейна.** Народное изданіе съ портретомъ автора. 5000 экз. Цѣна 3 п. (30 сант.; 6 центовъ).

10-ый выпускъ. — «Азбука соціальныхъ наукъ». Греко-римская цивилизація, средніе вѣка, возрожденіе наукъ. **Н. Флеровскаго.** 5000 экз. Цѣна 1 ш. 3 п. (1 фр. 60 сант.; 30 центовъ).

11-ый выпускъ. — «Азбука соціальныхъ наукъ» XVII и XVIII вѣка современной западно-европейской цивилизаціи **Н. Флеровскаго.** 5000 экз. Цѣна 1 ш. (1 фр. 25 сант.; 25 цент.).

12-ый выпускъ. — «Азбука соціальныхъ наукъ». XIX вѣкъ современной западно-европейской цивилизаціи **Н. Флеровскаго.** 5000 экз. Цѣна 2 ш. (2 фр. 50 сант.; 50 центовъ).

13-ый выпускъ. — «Зарницы». Драматическія сцены. **Н. Старикова.** Цѣна 3 п. (30 сант.; 6 центовъ).

Кромѣ того **Фондомъ В. Р. П.** публикуются отъ времени до времени отрывочныя новости, замѣтки и сообщенія на отдѣльныхъ летучихъ листкахъ. Цѣна за каждые 4 экз. 1 пенни (10 сант., 10 пфен. или 2 цента). На пересылку прилагается за каждую дюжину или часть дюжины ½ пенни или 5 сант.

НЕОБХОДИМОЕ РАЗЪЯСНЕНІЕ.

Особыя условія, въ которыхъ написана была «Азбука соціальныхъ наукъ» не даютъ возможности издать теперь-же сочиненіе это вполнѣ. Однако-же XVII, XVIII и XIX вѣка западно-овропейской цивилизаціи выпускаются въ обращеніе, такъ какъ они имѣютъ свое особое значеніе, независимо отъ полнаго изданія. Очеркъ древней русской исторіи (борьба анархіи съ приручеміемъ), античная цивилизація, средніе вѣка, возрожденіе наукъ (критика христіанской религіи, идей свободы и свободнаго договора) философское основаніе идей азбуки соціальныхъ наукъ будутъ обнародованы въ самомъ непродолжительномъ времени. Вышедшія въ 1870 году первыя двѣ части Азбуки будутъ выпущены вторымъ изданіемъ особо; время выпуска опредѣлить нельзя.

XVII и XVIII

ВѢКА

современной западно-европейской цивилизаціи

СОВРЕМЕННАЯ

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦІЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Деспотическое управленіе, какъ начало паразитизма при раздѣленіи труда.

ЕСЛИ мы отъ организма перейдемъ къ человѣческому обществу, то мы увидимъ, что и въ немъ существуетъ то начало, изъ котораго вытекаютъ основныя условія организаціи, — а именно раздѣленіе труда. Въ человѣческомъ обществѣ точно такъ-же, какъ и въ организмѣ, раздѣленіе труда лишаетъ отдѣльнаго члена общества способности къ самостоятельной жизни и вызываетъ явленіе паразитизма, какъ неизбѣжное его послѣдствіе. Точно такъ-же, какъ среди организмовъ этотъ паразитизмъ можетъ быть двоякаго рода: — онъ можетъ быть основанъ на началахъ эксплуатаціи или на началахъ взаимности. При господствѣ эксплуатаціи паразитизмъ прекращаетъ развитіе въ тѣхъ-же самыхъ размѣрахъ, въ которыхъ онъ распространяется; паразитирующіе организмы бичъ для органическаго міра, точно такъ-же, какъ паразитирующіе части человѣческаго общества бичъ для этого общества. При этомъ какъ паразитъ, такъ и эксплуатируемый одинаково подвергаются деградаціи. Въ органическомъ мірѣ паразиты носятъ на себѣ всѣ признаки упадка органическаго развитія и обыкновенно принадлежатъ къ низшимъ организмамъ:

въ человѣческомъ обществѣ эксплуатирующій паразитизмъ породилъ два великихъ зла: постоянный переходъ отъ приученія къ анархіи и обратно, и явленіе религій.

Приученіе посредствомъ деспотическаго управленія, гдѣ правительство смотритъ на себя, какъ на господина, а на народъ, какъ на рабовъ, неизбѣжно заставляетъ управляющихъ противопоставлять свой интересъ интересу управляемыхъ и заботиться объ одномъ: о возможномъ разширеніи и упроченіи своего господства на счетъ этихъ управляемыхъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ такое стремленіе породило двѣ системы управленія, которыя однако-же въ окончательномъ результатѣ одинаково привели къ упадку государства чрезъ умственную и нравственную деградацію, какъ правителей, такъ и управляемыхъ. Типическими представителями первой системы были государства пиринейскаго и аппенинскаго полуостровъ, а второй Франція и Турція. Первые заботились исключительно объ упроченіи своего господства, а потому порождали крайнюю централизацію во всѣхъ областяхъ политической и соціальной жизни. Крупное землевладѣніе, монополіи въ торговлѣ и промышленности, концентрированная зависимость всѣхъ отъ немногихъ въ органахъ управленія и въ духовной іерархіи были послѣдствіями этой системы. Они обезпечили такимъ образомъ и себѣ и тѣмъ, черезъ которыхъ держали государство въ своихъ рукахъ безпечальное и бездѣятельное житье, но за то-же они убили всякое умственное и нравственное развитіе во всемъ народѣ и въ себѣ и въ своихъ сподвижникахъ прежде всего. Умственное и научное развитіе, которое въ XVII-мъ вѣкѣ стояло въ Италіи выше, чѣмъ гдѣ-либо, пало и было убито; — Испанія и Португалія чрезъ свои великія морскія открытія могли-бы сдѣлаться центромъ всемірной торговли; къ довершенію выгодности положенія эти два государства, половина Италіи, Нидерланды и даже Англія въ XVI-мъ вѣкѣ имѣли возможность соединиться подъ однимъ скиптромъ Филиппа II и Маріи. Онѣ находились въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы сдѣлаться первенствующей въ Европѣ державой по просвѣщенію, которое такъ высоко стояло въ Нидерландахъ и Италіи, по развитію торговли и промышленности; но государи управляли страною такъ, какъ часто управлялись деспотическія государства Азіи: — казалось, что они прямо изъ дома умалишенныхъ попали на престолъ.

По одному своему самодурству и безумію они мучили своихъ подданныхъ безмѣрной и невѣроятной жестокостью. Въ то время, когда такъ сильна была потребность въ централизаціи, государство распалось. Англія и Голландія спаслись этимъ, выступили на новый путь, сдѣлались первостепенными державами и стали забирать въ свои руки всемірную торговлю, а Испанія, Португалія и Италія погибли. Просвѣщеніе у нихъ было убито, онѣ утратили всѣ свои торговыя и промышленныя преимущества, фабрики и мастерскія закрывались, общественныя сооруженія приходили въ упадокъ, разработка рудниковъ прекращалась, воздѣланныя поля обращались въ пустыри, населеніе уменьшалось, деревни, города пустѣли. Размножались монахи и разбойники, кромѣ разбойниковъ грабили солдаты, не получавшіе жалованья, а дворяне и духовные принуждали населеніе продавать себѣ произведенія по непомѣрно низкимъ цѣнамъ. Лѣнь и безсовѣстность овладѣли всѣми и умственный упадокъ былъ такъ великъ, что эти страны должны были заимствовать изъ-за границы интеллигентныхъ людей для всѣхъ отраслей дѣятельности, требующихъ знанія и искусства, даже для управленія государствомъ. Повсемѣстно населеніе бунтовало и ничто не могло быть ужаснѣе вида этихъ раззоренныхъ податями и безобразнымъ управленіемъ людей, которые съ отчаяньемъ въ душѣ и безъ всякой надежды на успѣхъ становились подъ знамена перваго проходимца, чтобы послѣ всѣхъ бѣдствій мятежа подпасть подъ карающую руку безчеловѣчнаго правительства.

Разсматривая сущность этихъ организацій съ деспотическою властью во главѣ, вы видите, какъ тутъ повторяются тѣ-же самыя основныя черты, которыя отличали ихъ втеченіе тысячелѣтій предшествующихъ цивилизацій и которыя неизбѣжно обусловливали періодическое возвращеніе къ анархіи. Прежде всего правители рѣзко противопоставляютъ себя управляемымъ и въ своихъ дѣйствіяхъ слѣдуютъ своимъ личнымъ страстямъ, причудамъ и интересамъ. Для нихъ въ подданныхъ существуетъ одна добродѣтель — безусловное и притомъ безмолвное повиновеніе. Старое, исконное воззрѣніе деспотическихъ странъ на отношеніе государя къ подданнымъ продолжало господствовать; подданные существуютъ для государя, а не государь для подданныхъ. Агенты государя заботятся только объ укрѣпленіи его власти; по ихъ мнѣнію и по-

требности подданныхъ должны быть удовлетворяемы только въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ это нужно и желательно для государя. Подобный взглядъ на вещи до такой степени присущъ деспотическому управленію, что даже въ XIX-мъ вѣкѣ законодательство императора Николая I смотрѣло съ этой точки зрѣнія: землею надѣлялись разныя сословія крестьянъ, мастеровыхъ, иррегулярныхъ войскъ и т. д. не для личнаго своего благополучія, а исключительно для выполненія податей и повинностей и въ томъ размѣрѣ, въ которомъ это необходимо для обезпеченія такого выполненія.

Въ Испаніи и Португаліи короли въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкѣ систематически раззоряли и опустошали тѣ страны, которыми управляли, какъ злѣйшіе ихъ враги. Они посылали войска противъ подданныхъ, какъ противъ внѣшняго непріятеля въ то время, когда эти подданные проявляли самыя миролюбивыя наклонности и безпрепятственно обращались въ католическую религію. Для этого достаточно было увѣренія какого-нибудь негодяя, что они не усердные католики; войско грабило и звѣрствовало съ жестокостью и свирѣпостью монголовъ: доведенные до отчаянья жители возставали и тогда имѣлся дѣйствительный предлогъ къ дальнѣйшимъ неистовствамъ. Войска, разумѣется, не получали жалованья и имъ предоставлялось вознаграждать себя грабежомъ мирныхъ и цвѣтущихъ городовъ. Раззоренное населеніе облагалось непомѣрными податями и этимъ опять порождались грабежи и военныя экзекуціи. На пиринейскомъ полуостровѣ эти безобразія упорно продолжались до тѣхъ поръ, пока богатыя Испанія и Португалія не были превращены въ мрачную и безплодную пустыню. Дворянство и даже духовенство обнищали, потому что все трудолюбивое и предпріимчивое населеніе, на счетъ котораго они существовали было или избито, или раззорено или изгнано изъ страны. Даже папа протестовалъ противъ такого безчеловѣчія, производимаго надъ каголиками; но льстецы королей увѣряли ихъ, что чѣмъ больше они изобьютъ своихъ подданныхъ, тѣмъ большаго они удостоятся райскаго блаженства. Отупѣвшіе отъ лѣни и разврата короли вѣрили имъ и показали до какихъ невѣроятныхъ предѣловъ можетъ дойти презрѣніе деспота къ жизни и благосостоянію своихъ подданныхъ и въ какихъ размѣрахъ ихъ страданія могутъ сдѣлаться его потѣхой.

Чтобы создать себѣ преданныхъ помощниковъ, они сплочиваютъ организацію чрезъ привилегированныя сословія, которыя смотрятъ на себя точно такъ-же, какъ на паразитовъ, живущихъ, чтобы ничего не дѣлать и, не принося никакой пользы, сосать инстинктивную организацію, во главѣ которой они поставлены. Стоящіе наверху управляющей іерархіи высасываютъ народъ посредствомъ своихъ подчиненныхъ, на которыхъ и сваливаютъ свою работу государственнаго управленія; господствующіе въ духовной іерархіи точно такимъ-же образомъ эксплуатируютъ религію народа; монополисты и откупщики эксплуатируютъ плательщиковъ податей, промышленный народъ и покупающую публику, привилегированные крупные землевладѣльцы сельское населеніе. Понятно, что при такомъ направленіи, даваемомъ государями внутренней политикѣ, не можетъ быть и рѣчи о возникновеніи общественнаго интереса; идея сдѣлать что-нибудь для государства никому не можетъ прійти въ голову, — всякій знаетъ, что всѣмъ, что сдѣлано будетъ для общества, воспользуются тѣ, кто, паразитируя, сосетъ это общество. Эгоистическій интересъ не только проникаетъ насквозь все общество, но поощряется наравнѣ съ религіознымъ ханжествомъ; эти два качества считаются краеугольными камнями, на которые престолъ государя можетъ спокойно упираться. Господство эгоизма, исключительная дума о себѣ одномъ не только не увеличиваетъ благополучія привилегированныхъ и избранныхъ въ этомъ обществѣ, а напротивъ служитъ яркимъ доказательствомъ, какъ мало могутъ дать людямъ власть и богатство, если они вмѣстѣ съ тѣмъ производятъ въ нихъ умственный и нравственный упадокъ.

На все общество и на отдѣльныхъ людей паразитизмъ въ этихъ государствахъ дѣйствовалъ совершенно такъ-же, какъ паразитизмъ дѣйствуетъ на организмы. Люди высшихъ классовъ претерпѣвали такую органическую деградацію, что пріобрѣтали свойства старикovъ, впадающихъ въ преждевременное дѣтство. Ихъ времяпровожденіе наполнялось сплошь такимъ-же ребячествомъ, какъ игры дѣтей; — всевозможныя церемоніи, обряды и зрѣлища, домашнія, придворныя, религіозныя, военныя, театральныя наполняли у нихъ всѣ дни; — иногда они отличались поразительнымъ звѣрствомъ, напр. сжиганіе еретиковъ, бой быковъ. Свободное время, которое у нихъ оставалось, посвящалось отвратительному обжорству и пьянству, злоупотребленію сладострастіемъ и азартнымъ

играмъ. Для придворныхъ, временщиковъ и министровъ искусство удовлетворять этимъ потребностямъ государей стояло на первомъ планѣ, потому что черезъ нихъ добывались высшія въ государствѣ мѣста. Государственныя дѣла всегда уступали имъ первенство, а внутреннія отодвигались даже на послѣдній планъ. При королѣ испанскомъ Филиппѣ III вся забота государственныхъ людей сосредоточена была на томъ, чтобы выдумывать забавы для этого вѣчно скучающаго и лѣниваго государя, а государство превращалось въ пустыню отъ безобразнаго управленія. Подчиненные по отношенію къ своимъ начальникамъ разсуждали точно такъ-же. Выдающееся качество, посредствомъ котораго люди достигали власти и богатства, состояло въ пронырствѣ; невѣжество и грубость давали гораздо болѣе шансовъ къ возвышенію, чѣмъ знаніе и умъ, потому что невѣжественный и грубый человѣкъ гораздо болѣе образованнаго способенъ былъ къ льстивому и низкопоклонному поведенію и гораздо легче переносилъ то высокомѣрное и дерзкое обращеніе, въ которомъ высшіе созерцали осязательный признакъ своего величія. Но между людьми такого сорта и развитыми и образованными существовала инстинктивная и жестокая антипатія, поэтому они ихъ ненавидѣли и преслѣдовали. Даже тамъ, гдѣ повидимому личный интересъ долженъ былъ-бы побуждать къ выбору умныхъ и развитыхъ людей, невѣжественные пройдохи брали надъ ними верхъ. Подобно министрамъ богатые монополисты и землевладѣльцы предпочитали невѣжественныхъ слугъ, потому что ихъ можно было ругать, бить и сѣчь; государи сѣкли своихъ приближенныхъ. Происходившіе отсюда нравственный упадокъ и загрубѣлость доходили до того, что министръ не былъ свободенъ отъ подозрѣнія, что онъ, подобно мелкому воришкѣ, можетъ произвести кражу у своего государя изъ кармана. Мильоны государственныхъ денегъ умышленно не записывались ни въ какія книги и потомъ пропадали неизвѣстно гдѣ. Крайняя грубость и крайнее легкомысліе дѣлались основными чертами характера знатныхъ и богатыхъ; они до такой степени мучили своихъ домочадцевъ, женъ, дѣтей, слугъ, что только безграничное честолюбіе и корыстолюбіе могли побуждать людей сдѣлаться ихъ приближенными. Отдача дочерей въ монастырь только потому, что не подыскивалось для нихъ блестящей партіи, составляла самый обыкновеный пріемъ.

Тѣ, которые ушли отъ самодурства, въ самое короткое время ставили себя въ отчаянное положеніе своимъ легкомысліемъ, проигрывая и прокучивая все, что имъ попадало въ руки. Вырожденіе расы было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ у знатныхъ и богатыхъ родовъ; отъ пьянства отцовъ и матерей дѣти рождались нервными идіотами. Скука, глупость и бездѣлье доводили ихъ до самыхъ противоестественныхъ и безобразныхъ пороковъ. Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не можетъ увидать въ такой деградаціи благопріятныхъ условій для человѣческаго счастья. Въ рабочихъ классахъ народа такое управленіе порождало семейный деспотизмъ. Если государь и высшіе классы общества смотрѣли на народъ съ эгоистическимъ бездушіемъ, то въ народѣ мущина съ такимъ-же бездушіемъ смотрѣлъ на жену и дѣтей. И не могло быть иначе, бездушное отношеніе къ семейству дѣлало мущину лѣнивымъ и безпечнымъ, а лѣнь и безпечность были единственными качествами, которыя могли его спасти отъ отчаянья; онъ подвергался самому грубому обращенію со стороны высшихъ, и къ плодамъ его трудовъ относились самымъ безцеремоннымъ образомъ. Чего стоило напр. въ Испаніи одно право на выгонъ, которое сгавило интересы овцы гораздо выше интересовъ человѣка; слишкомъ часто для жителя пиринейскаго полуострова и южной Италіи оставался одинъ исходъ — сдѣлаться разбойникомъ. Въ этихъ странахъ множество крестьянъ не имѣли даже жилья и круглый годъ проводили подъ открытымъ небомъ; господа присвоивали себѣ всѣ произведенія ихъ труда.

Государи дѣлались нѣсколько болѣе внимательными къ управленію государствомъ только въ томъ случаѣ, когда они были завоевателями. Такому государю необходимы были талантливые слуги, съ бездарными пьяницами нельзя одерживать побѣдъ и одно это обстоятельство существенно измѣняло видъ дѣла. Великими завоевателями слыли турки, но къ половинѣ XVII-го вѣка кончилась ихъ завоевательная дѣятельность и Турція стала управляться не лучше Испаніи. Въ это время въ качествѣ побѣдоносной державы заблистала Франція, и Людовикъ XIV покрылъ себя такою славою, что даже XVII вѣкъ получилъ названіе вѣка Людовика XIV-го. Онъ окружилъ себя замѣчательными полководцами и замѣчательными людьми; вліяніе этихъ умныхъ людей на дворъ подняло его умственный уровень — появился блестящій дворъ и блестящая литература. Но этотъ примѣръ еще яснѣе по-

казалъ, почему при новыхъ условіяхъ жизни процвѣтаніе народа было окончательно несовмѣстимо съ деспотическимъ управленіемъ. Въ душѣ государя завоевателя деспотическія наклонности получали максимумъ своего развитія, Людовикъ XIV говорилъ про себя: «государство — это я»; его величали именемъ: «Франція» (la France). Такія наклонности никакъ не могли мириться съ самостоятельной умственной дѣятельностью ученыхъ XVII-го вѣка. Людовику XIV-му, въ качествѣ завоевателя, болѣе, чѣмъ кому-либо, нужно было безусловное повиновеніе; поэтому умственная жизнь отнюдь не могла быть поощряема и существованіе при дворѣ умственно сильныхъ людей отразилось на немъ только развитіемъ вкуса и легкаго остроумія. Однако-же и такой шагъ по направленію къ интеллигентности существенно измѣнилъ положеніе дѣла.

Хотя деспотическіе государи и заботились всего болѣе о всеобщемъ разоруженіи народа, о томъ, чтобы народъ отучался въ возможно большей степени отъ всякаго стремленія вмѣшиваться въ политику, отъ всякой наклонности къ политическимъ организаціямъ и комбинаціямъ, о томъ, чтобы люди сосредочивались исключительно на своихъ эгоистическихъ интересахъ, но этимъ они не могли измѣнить природы человѣка, уничтожить въ немъ основные инстинкты, укоренившіеся втеченіе многихъ тысячъ лѣтъ существованія человѣчества. Человѣкъ только потому сдѣлался человѣкомъ, только потому онъ такъ существенно отличился отъ прочихъ животныхъ, что въ немъ организаціонные инстинкты существовали въ гораздо болѣе высокой степени, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ животныхъ породахъ. Поэтому страсть нравиться, внушать къ себѣ любовь, а если возможно восторги и поклоненіе, была и оставалась господствующей страстью въ сердцѣ человѣческомъ, страстью, которая царила надъ всѣми его потребностями, и которой всѣ они должны были покоряться. Все высшее сословіе мучило и ставило себя въ безвыходное положеніе необузданнымъ тщеславіемъ и честолюбіемъ; казалось, что эти люди только тогда и были въ состояніи остановиться на стезѣ тщеславныхъ и честолюбивыхъ затѣй, когда они каждую минуту своей жизни стояли надъ бездною и малѣйшая случайность могла надѣть имъ петлю на шею, всей своей массою они до того запутывались въ казнокрадствѣ, ради хвастливой пышности, они изъ тщеславія

на каждомъ шагу совершали такія крупныя преступленія, что ихъ безъ малѣйшаго труда можно было свергать съ высоты величія въ самый низшій слой поддонковъ общества. Духовенство и люди религіозные, чтобы пріобрѣсти въ глазахъ толпы вѣнецъ мученичества, терзали себя безобразнымъ аскетизмомъ и въ то-же время раззорялись отъ безумной роскоши религіозныхъ церемоній. Ясно, что инстинктъ, о проявленіяхъ котораго мы здѣсь говоримъ, дѣйствовалъ въ людяхъ съ той-же силой, какъ и во всякія другія времена, но онъ былъ извращенъ въ своемъ существѣ до крайнихъ предѣловъ возможнаго.

Чѣмъ болѣе угнетался народъ, чѣмъ ниже былъ тотъ уровень благосостоянія и умственнаго развитія, на которомъ его удерживали, однимъ словомъ, чѣмъ безцеремоннѣе государи относились къ счастью и благосостоянію своихъ подданныхъ, чѣмъ болѣе они имъ дѣлали зла, тѣмъ болѣе они возвышались въ ихъ глазахъ. Мотлей описываетъ прощанье Карла V съ нидерландскимъ дворянствомъ; онъ перечисляетъ все зло, которое императоръ сдѣлалъ этому дворянству и прибавляетъ, что когда Карлъ обратился къ нимъ съ прощальною рѣчью, они всѣ громко разрыдались. Такъ было при Карлѣ; — припомнимъ деспотизмъ, суровость котораго превосходила тиранію Карла во много разъ, припомнимъ древнюю Персію. Когда взоръ Ксеркса омрачился при Саламинѣ при видѣ бѣгства его кораблей, тогда его приближенные, чтобы показать свое сочувствіе его горю, лишали себя жизни у него на глазахъ, и онъ принималъ это какъ должную ему дань. Деспотъ, который подобно испанскому королю держалъ своихъ подданныхъ въ грубомъ невѣжествѣ и понизилъ уровень образованія и въ высшихъ классахъ до того, что самые гордые гранды, какъ лакеи, выслушивали его приказанія у порога и не смѣли пошевелиться; такой деспотъ встрѣчался народомъ съ пламенными выраженіями восторга и всѣ уста называли его богомъ земнымъ. Передъ еще болѣе суровымъ восточнымъ деспотомъ народъ падалъ ницъ, какъ передъ настоящимъ божествомъ; тамъ, гдѣ народъ стоитъ еще одной ступенью ниже, гдѣ нравы еще грубѣе, народъ падаетъ ницъ передъ всякимъ знатнымъ человѣкомъ; еще одинъ шагъ далѣе и достаточно было быть старшиною округа, не превышающаго волость, чтобы вызвать такое поклоненіе. Чѣмъ ниже былъ умственный уровень человѣка, тѣмъ болѣе онъ показывалъ безразличія къ

происхожденію власти и богатства, и къ образу дѣйствія того, кто ими пользовался; — достаточно было одного факта обладанія властью и богатствомъ, чтобы вызывать восторги и поклоненіе. При такомъ условіи лица, стоявшіе во главѣ общества и государства, побуждались и своими эгоистическими и своими альтруистическими инстинктами къ подавленію въ народѣ просвѣщенія и благосостоянія и къ удержанію его на возможно низкой степени грубости и бѣдности, потому что, чѣмъ онъ былъ бѣднѣе и грубѣе, тѣмъ болѣе удовлетворенія находили въ высшихъ классахъ самые могущественные изъ ихъ инстинктовъ — инстинкты альтруистическіе, тѣмъ болѣе поклоненія они вызывали къ себѣ въ тѣхъ, кто ихъ окружалъ и въ народѣ.

Пріемы, которыми вызывалось это поклоненіе располагали государей прежде всего къ распространенію въ народѣ вѣры безъ критики, вѣры, которая учила ненавидѣть науку и прославлять бога и государя даже тогда, когда черезъ нихъ сыпались на человѣка всѣ возможныя злополучія. Мудрено-ли послѣ этого, что люди въ деспотическихъ государствахъ никакъ не могли усмотрѣть дѣйствія альтруистическихъ инстинктовъ; вмѣсто того, чтобы располагать высшіе классы къ дѣятельности на пользу массъ, они приводили къ тому, что даже желаніе возвышаться въ общественномъ мнѣніи дѣлало ихъ еще болѣе эгоистичными и суровыми; къ эгоизму прибавлялись самодурство и жестокость, потому что чрезъ эти качества они становились страшными и увеличивали низкопоклонство. Поэтому совершенно справедливо утверждаютъ, что деспотическое управленіе есть режимъ самаго суроваго эгоизма. Въ сферѣ деспотическаго режима существовала только одна сторона, которая вмѣсто неизбѣжнаго упадка могла породить нѣкоторое развитіе. То-же самое стремленіе къ поклоненію, которое дѣлало государей врагами всякаго развитія, могло дѣлать ихъ завоевателями, и на примѣрѣ Франціи мы видимъ государство, которое такимъ образомъ поднялось изъ грязи. Однако-же рядомъ съ нимъ существовало другое, столь-же славное своими завоеваніями — Турція, и она пала ниже всѣхъ. Если мы будемъ вникать въ причины этого паденія, то оно на первый взглядъ покажется намъ непонятнымъ.

Въ западной Европѣ самой существенной причиной паденія дѣлалось одно изъ проявленій альтруистическихъ инстинктовъ —

фанатизмъ государей, выгекавшій вышеуказаннымъ образомъ изъ ихъ расположенія къ католической религіи. Исторія этого паденія показываетъ намъ путь, которымъ религія, проповѣдующая самоотверженіе, неизбѣжно приводитъ людей къ грубѣйшему эгоизму. Въ этомъ отношеніи Турція стояла несомнѣнно въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ чѣмъ Испанія, Италія и даже Франція. Въ то время, когда въ помянутыхъ выше трехъ государствахъ религіозное разномысліе уничтожено было мѣрами неслыханной жестокости, въ европейской Турціи до сихъ поръ число христіанъ значительнѣе числа магометанъ. Кромѣ того Турція обладала еще однимъ весьма существеннымъ преимуществомъ: разоруженіе народа встрѣчало тамъ препятствіе въ духѣ магометанской религіи и обычай носить оружіе продолжалъ имѣть всеобщее распространеніе. Вооруженныхъ людей всегда гораздо труднѣе притѣснять; въ Турціи ношеніе оружія давало такое-же привилегированное положеніе, какимъ пользовались у насъ казаки. Въ первой половинѣ XVII-го вѣка турки были завоевателями такъ-же, какъ французы при Людовикѣ XIV, и все таки это ихъ не оградило отъ крайняго упадка. Выше мы показали, что главной причиной упадка Турціи послужила религія, и послужила именно потому, что ея основатель Магометъ былъ болѣе просвѣщенный человѣкъ, чѣмъ Христосъ, что раціонализмъ коснулся его въ гораздо болѣе значительныхъ размѣрахъ, и что поэтому ученіе его имѣло несравненно болѣе законченности и опредѣленности. Въ то время, какъ христіанское ученіе о семействѣ и бракѣ оставляло все въ безвыходномъ туманѣ противорѣчій, Магометъ создалъ опредѣленно выраженный институтъ многоженства. Ему, конечно, невозможно было предусмотрѣть, что этотъ институтъ принесетъ гибель магометанству; но такова участь религіи въ царствѣ раціонализма; она тѣмъ вѣрнѣе погубитъ своихъ поклонниковъ, чѣмъ опредѣленнѣе выразитъ свое ученіе.

На первый взглядъ многоженство могло показаться имѣющимъ свою хорошую сторону; гораздо справедливѣе, чтобы мущина высшаго класса содержалъ на равной ногѣ всѣхъ своихъ женъ и дѣтей; гораздо безнравственнѣе содержать только одну жену и ея дѣтей, а любовницъ своихъ и незаконнорожденныхъ дѣлать предметомъ общественнаго презрѣнія и бросать на произволъ судьбы. Кажется, не было причины, которая могла-бы дать многоженству

такое громадное вліяніе на судьбу умственнаго развитія въ Турціи — и все таки вліяніе это существовало. Чтобы его понять, какъ слѣдуетъ, мы должны сдѣлать отступленіе.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Почему органическій міръ слѣдуетъ раздѣлить на три отдѣла: растенія, животныя, человѣкъ. Семья, какъ источникъ коммунистическихъ идей и чувствъ. Вліяніе семьи на созданіе интеллигенціи во время возрожденія наукъ. Стремленіе интеллигенціи къ новой формѣ государственнаго устройства. Откуда возникла идея индивидуальной свободы.

ЧЕЛОВѢКЪ только медленно и постепенно дѣлался человѣкомъ труда. Сначала онъ былъ охотникомъ, рыболовомъ, такимъ-же хищникомъ, какъ всякое животное, обладающимъ одной способностью захватывать то, что уже изготовлено органическою жизнію въ природѣ. Становясь приручителемъ стадъ, человѣкъ является впервые съ своей отдѣльной человѣческой физіономіей; но и тутъ доля труда очень не велика. Только тогда, когда онъ начинаетъ воздѣлывать землю, онъ становится труженикомъ, человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова, существомъ, отличающимся отъ всѣхъ другихъ животныхъ видовъ. Можно раздѣлить органическій міръ на три отдѣла: первый отдѣлъ составятъ растенія, у которыхъ общее мышленіе организма остается почти въ полномъ отсутствіи развитія; второй отдѣлъ — животныя, гдѣ общее мышленіе организма составляетъ типическую черту организаціи, но это общее мышленіе направлено исключительно къ голой эксплуатаціи природы; третій отдѣлъ — трудящійся человѣкъ, который создаетъ между собою и тѣми организмами, которыми онъ пользуется для удовлетворенія своихъ потребностей, связь взаимной помощи; онъ ихъ роститъ, кормитъ и ограждаетъ отъ неблагопріятныхъ условій жизни съ тѣмъ, чтобы воспользоваться ихъ трудомъ или питаться ими. Такимъ образомъ скотъ, злаки,

плодовыя деревья и проч. могутъ существовать и процвѣтать въ такихъ климатахъ и въ такихъ условіяхъ, гдѣ они безъ помощи человѣка никогда не могли-бы появиться; конечно, отношеніе человѣка къ этимъ организмамъ остается чисто эксплуататорскимъ; помогая имъ существовать, онъ имѣетъ единственную цѣль — воспользоваться ими для удовлетворенія своихъ потребностей, и, разъ они ему вмѣсто пользы приносятъ вредъ или непріятность, онъ ихъ истребляетъ съ такимъ же усердіемъ, какъ размножаетъ. Но за то-же онъ еще болѣе заслуживаетъ причисленія къ особому третьему отдѣлу органическаго міра тѣмъ, что онъ животную стадность стремится превратить въ человѣческую организацію, совершенство которой увеличивается съ возрастаніемъ солидарности частей, т. е. солидарности интересовъ отдѣльныхъ индивидовъ, точно такъ-же, какъ совершенство организма опредѣляется степенью взаимной солидарности клѣточекъ его составляющихъ. Разумѣется и способность къ организаціи возрастаетъ въ немъ только медленнымъ историческимъ путемъ развитія, такимъ-же медленнымъ, какимъ растутъ его знанія вообще.

Естественная органическая связь, порождаемая существованіемъ дѣтей, искажается въ своихъ основныхъ принципахъ немедленно послѣ своего появленія. Если существованіе дѣтей и родовой союзъ питаютъ и развиваютъ въ людяхъ коммунистическія идеи и чувства, то за то-же родъ относится ко всякому другому роду не только такъ, какъ человѣкъ относится къ своему скоту или къ плантаціямъ, которыя онъ воздѣлываетъ, но гораздо хуже; онъ относится къ нему прямо, какъ животное относится къ такому животному, которымъ оно питается. Человѣческаго въ этомъ отношеніи нѣтъ ровно ничего, это одна чисто животная похоть эксплуатаціи. Между людьми начинается безконечная мрачная борьба съ ея неисчислимыми переходами отъ анархіи къ прирученію и отъ прирученія къ анархіи. Истинно человѣческое проявляется только въ отношеніи человѣка труда къ своей семьѣ. Семья дѣлаетъ человѣка труда покладливымъ, работящимъ, миролюбивымъ и вырабатываетъ въ немъ все, что въ немъ есть истинно человѣческаго, а животная похоть приручителей и анархистовъ стремится неустанно разрушить эту семью и на мѣстѣ домашняго очага поставить казарму, которая подобно римской виллѣ превратила-бы людей въ стадо рабовъ, со всѣми инстинктами живот-

наго стада. Все таки человѣческій образъ отца, трудящагося на свою семью, до извѣстной степени отражался на высшихъ классахъ, зарождалъ и въ нихъ нѣчто похожее на истинно человѣческія чувства. Онъ создавалъ чувства и стремленія, побуждавшія людей въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ трудиться для общаго блага; безъ извѣстной доли такого стремленія никакая организація не могла-бы держаться. Постепенно человѣкъ сталъ отличать человѣка вообще отъ другихъ животныхъ; онъ сталъ понимать, что относиться къ человѣку даже такъ, какъ онъ относится къ домашнимъ животнымъ зло и преступленіе; — у него явилась идея нравственности. Прогрессъ нравственныхъ идей былъ однакоже такъ слабъ, что идея законности рабства, приравнивающаго человѣка къ домашнему животному, уничтожена была только въ самое послѣднее время современной цивилизаціей.

Такъ шли тысячелѣтія, но какъ скоро западно-европейская цивилизація дожила до того времени, когда развитіе науки на основаніи правильнаго синтеза получило полный ходъ, прибавилось нѣчто новое, до того времени не бывалое. Чтобы человѣку познакомиться съ наукой на столько, насколько это нужно для вполнѣ успѣшнаго работника въ области интеллигентнаго труда, ему необходимо было не работать, а только учиться цѣлую треть своей жизни и даже болѣе. Мало этого, образованіе такого человѣка требовало столько дорогихъ приспособленій, что оно для массы было вовсе недоступно, а для всего такъ называемаго средняго класса могло сдѣлаться доступнымъ только при помощи государства, обществъ или корпорацій, учреждающихъ съ этой цѣлью публичныя заведенія. Такое новое обстоятельство имѣло рѣшительное вліяніе на судьбу различныхъ государствъ Европы. Въ прежнія времена мы неоднократно встрѣчаемъ страны, стоявшія во главѣ цивилизаціи и гдѣ высшій и средній классъ поголовно жили въ многоженствѣ. Съ появленіемъ науки, создаваемой правильнымъ синтезомъ, многоженство сдѣлалось не согласимымъ съ развитіемъ общества и государства.

При естественномъ ходѣ вещей властный, имущій и средній классы общества увеличивались вообще быстрѣе, чѣмъ чернорабочій, съ одной стороны потому, что они пользовались большимъ благосостояніемъ и лучше могли удовлетворять своимъ потребностямъ, а съ другой потому, что изъ массы наиболѣе способныя

личности протискивались до среднихъ и даже высшихъ положеній. Но отсюда естественно вытекало, что съ увеличеніемъ населенія высшіе и средніе классы, питавшіеся плодами трудовъ массы, должны были становиться все болѣе бѣдными. Это дѣлало ихъ воинственными, идея борьбы за существованіе вошла у нихъ въ плоть и кровь; но, увы, самая борьба слишкомъ часто ухудшала ихъ положеніе вмѣсто того, чтобы его улучшать. Съ развитіемъ науки, работающей по правильному синтезу, то-же условіе, т. е. тенденція пользующихся благосостояніемъ размножаться въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ размножается чернорабочая масса, осталась неизмѣнной, но появилась возможность для родителей подъ условіемъ единоженства помѣшать обѣдненію своихъ дѣтей. Для этого нужно было давать имъ солидное научное образованіе и открывать имъ возможность обезпечивать себя высоко вознаграждаемымъ трудомъ. Высшій классъ въ извѣстныхъ условіяхъ сталъ даже прямо выбиваться изъ сѣдла среднимъ, который, благодаря своему образованію и своимъ солиднымъ знаніямъ, отстранялъ его отъ наиболѣе выгодной дѣятельности. Отсюда явилась въ среднемъ классѣ жгучая потребность и страсть давать дѣтямъ своимъ высшее образованіе; дѣлались крайне напряженныя усилія и на этотъ предметъ жертвовались послѣднія средства. Въ XVII-мъ вѣкѣ ни одна страна Европы не имѣла такихъ богато снабженныхъ средствами высшихъ учебныхъ заведеній, какъ Англія; нигдѣ ученые не имѣли столько удобства для занятій и развитія, но за то-же тамъ люди, принадлежащіе къ высшимъ классамъ, вынуждены были болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, заботиться объ основательномъ воспитаніи своихъ дѣтей, чтобы почва не ускользала изъ подъ ихъ ногъ. Все это было однако-же вѣрно только тамъ, гдѣ господствовало единоженство; тутъ отецъ подпадалъ неизбѣжному семейному вліянію своей жены, которая и вызывала въ немъ склонность сосредоточивать свои мысли на воспитаніи дѣтей. Отсюда вытекали даже весьма оригинальныя явленія. Въ сѣверной Германіи, гдѣ духовенство жило въ бракѣ, было то. что повторилось у насъ, въ Россіи; лютеранское духовенство относилось къ наукѣ съ такой-же нетерпимостью, какъ и наше православное, а между тѣмъ оно такъ-же, какъ и наше, жертвовало послѣднимъ грошемъ, чтобы давать своимъ дѣтямъ высшее образованіе и открывать этимъ передъ ними карьеру.

Стремленіе давать образованіе своимъ дѣтямъ заставляло средній классъ употреблять все свое вліяніе на общество и на правительство, чтобы побуждать ихъ учреждать высшія и среднія школы, которыя облегчали-бы ему задачу образованія своихъ дѣтей. Поэтому среднія и высшія учебныя заведенія распространялись гораздо энергичнѣе, чѣмъ народная школа. Послѣ тридцатилѣтней войны въ сѣверной Германіи среднее и высшее образованіе быстро оправилось и разцвѣло, а народная школа завяла.

Совсѣмъ другой видъ получало дѣло въ Турціи, гдѣ господствовало многоженство. Въ западной Европѣ высшій классъ имѣлъ женъ и любовницъ, плодилъ дѣтей законныхъ и незаконныхъ, въ Турціи при многоженствѣ всякая жена имѣла такое-же положеніе, какъ въ западной Европѣ любовница, находящаяся въ милости или въ отставкѣ. Число дѣтей считалось иногда сотнями, и въ огромномъ числѣ случаевъ у высшаго и средняго класса было очень велико; въ магометанскихъ странахъ духовенство гораздо многочисленнѣе, чѣмъ у насъ; почти каждая деревня имѣетъ мечеть, и сельскій мулла не рѣдко имѣетъ до четырехъ женъ. Чтобы понять, какъ размножается при этихъ условіяхъ высшій и средній классъ, стоитъ вспомнить о желтопоясникахъ и красноясникахъ въ Китаѣ; происходя отъ царствующей династіи, они въ весьма короткій промежутокъ времени наполнили собою даже ряды низшаго чиновничества и жили въ самой скудной бѣдности. При подобныхъ условіяхъ невозможно было и думать о такомъ воспитаніи дѣтей, какое давалось на западѣ среднимъ классомъ; многоженство естественно вырабатывало въ среднемъ классѣ воззрѣнія на воспитаніе дѣтей, которое заставляло его все болѣе отставать отъ западной Европы въ своей цивилизаціи. Теперь, когда высшее образованіе сдѣлалось для турокъ единственнымъ средствомъ къ спасенію отъ гибели, потребность давать своимъ дѣтямъ такое образованіе распложаетъ среди магометанъ единоженство.

На первый взглядъ кажется, что магометанскій гаремъ создаетъ отношеніе болѣе совершенное, чѣмъ единоженство у нашихъ государей и высшихъ классовъ; кажется это вѣрнымъ по крайней мѣрѣ для тѣхъ случаевъ, гдѣ магометанинъ имѣетъ не рабынь, а женъ. По требованіямъ корана магометанинъ всѣхъ своихъ женъ и ихъ потомство долженъ содержать одинаково; у насъ высшій

классъ дѣлаетъ существенное различіе между женой и любовницей и ихъ дѣтьми. На дѣлѣ-же выходитъ, что при магометанскомъ строѣ жизни государь или вельможа относится къ своему гарему такъ-же, какъ онъ относится къ своимъ подчиненнымъ или къ народу, которымъ управляетъ; — онъ смотритъ на нихъ, какъ на орудія для удовлетворенія своихъ страстей и потребностей и какъ на предметъ эксплуатаціи. Въ Европѣ же, при господствѣ единоженства, государь и вельможа существенно отличаетъ свое законное семейство отъ всѣхъ прочихъ людей, оно ни въ какомъ отношеніи не служитъ для него предметомъ эксплуатаціи; въ половомъ отношеніи онъ эксплуатируетъ свою любовницу; законное-же семейство служитъ для него предметомъ заботъ. Въ концѣ концовъ законное семейство представляетъ для него единственный кругъ людей, съ которымъ онъ чувствуетъ солидарность интересовъ. Тутъ одичавшее отъ властолюбія существо становится человѣкомъ. Смягчающее вліяніе законнаго семейства создало крупную разницу между восточнымъ деспотомъ, котораго вѣчно сторожитъ тайный убійца въ стѣнахъ гарема и сераля, и неограниченнымъ монархомъ христіанской Европы. Такое смягчающее нравственное вліяніе въ извѣстныхъ предѣлахъ распространилось на окружающихъ и, наконецъ, на весь народъ. Циническое отношеніе между мужемъ и женами составляло непзмѣнное правило и въ высшемъ и въ среднемъ классѣ магометанскаго общества. Мужъ жестоко и безжалостно эксплуатировалъ жену ради удовлетворенія своихъ страстей: онъ поступалъ съ ней хуже, чѣмъ европеецъ съ своей любовницей, онъ держалъ ее въ тюрьмѣ. А жена, подобно европейской любовницѣ, думала объ одномъ, какъ-бы его обобрать; гаремъ дѣлался источникомъ самыхъ грубыхъ и циническихъ чувствъ и воззрѣній, которыя магометанинъ потомъ переносилъ на общество. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ вспомнить, что турки въ XVI-мъ и XVII-мъ вѣкѣ поразительно отличались въ войнахъ своихъ жестокостью отъ западныхъ европейцевъ и это въ то время, когда жестокость западно-европейскихъ полководцевъ повидимому достигала геркулесовыхъ столбовъ звѣрства. Въ результатѣ получались турецкая отсталость и турецкое невѣжество.

Въ западной Европѣ существовалъ только одинъ классъ людей, который представлялъ изъ себя явленіе, подобное магометанскимъ

многоженцамъ, то было католическое духовенство. Оно цѣликомъ жило въ самомъ грубомъ прелюбодѣяніи, его отношеніе къ своимъ любовницамъ и дѣтямъ было гораздо мрачнѣе и суровѣе, чѣмъ у магометанъ; поэтому въ тѣхъ странахъ западной Европы, гдѣ католическому духовенству удалось получить преобладающее вліяніе въ государствѣ, вліяніе это приводило къ упадку цивилизаціи. Всего сильнѣе такое вліяніе было въ Испаніи и Италіи и если эти страны пали не такъ сильно, какъ Турція, то только потому, что кромѣ духовенства тамъ былъ многочисленный и вліятельный классъ, жившій въ единоженствѣ. Послѣ успѣха контръ-реформаціи въ юго-восточной Германіи, эта часть страны стала отставать отъ сѣверной и западной; въ XIX-мъ столѣтіи такая отсталость сдѣлалась уже весьма замѣтной и между австрійской имперіей и Пруссіей разница была видная и существенная. Пруссія шла впередъ, а Австрія оставалась позади и наконецъ вовсе была исключена изъ имперіи. На Польшѣ усиленіе католическаго духовенства отозвалось еще существеннѣе, чѣмъ на Австріи и въ то время, когда дикая Россія подвигалась отъ варварства къ образованію, Польша получила обратный ходъ отъ образованія къ варварству и подпала, наконецъ, владычеству этой невѣжественной и бѣдной страны.

Результатомъ всего вышеизложеннаго движенія было созданіе небывалаго въ исторіи явленія, — порожденіе интеллигенціи. Въ прежнія времена существованіе интеллигенціи было невозможнымъ просто потому, что интеллигенція была произведеніемъ науки, работающей по правильному синтезу, а такая наука появилась только нѣсколько столѣтій тому назадъ. Интеллигенція составила классъ общества, имѣющій свои потребности и особенности существованія. Прежде всего это былъ классъ, несомнѣнно существующій, и все таки такой, который никакимъ законодательствомъ не могъ быть признанъ сословіемъ, корпораціей или чѣмъ нибудь подобнымъ. Вліяніе этого класса на цивилизацію было первостепенное, онъ былъ источникомъ появленія и развитія всѣхъ идей, обращавшихся въ обществѣ, и все таки онъ никогда не могъ составить господствующей силы. Причина заключалась въ томъ, что во главѣ его стояли передовые умы и великіе мыслители; эти мыслители были тѣмъ болѣе передовыми и великими, чѣмъ болѣе они создавали новыхъ, глубокихъ и недоступныхъ

обыкновенному пониманію идей. Но именно потому, что эти идеи были новы и пониманіе ихъ было трудно, онѣ распространялись только медленно и постепенно, а когда онѣ дѣлались, наконецъ, достояніемъ массы и чрезъ нее могли стать общественной силой, тогда онѣ уже переставали быть отличительной чертой интеллигенціи, которая опять таки группировалась около новыхъ мыслителей съ новыми, мало доступными, идеями. Такимъ образомъ интеллигенція сдѣлалась неистощимымъ источникомъ развитія цивилизаціи общества и государствъ во всѣхъ направленіяхъ. Оказывая человѣчеству неисчислимыя услуги, она однако-же никогда не могла заслужить за это признаніе своихъ достоинствъ; всякое признаніе, всякое подчиненіе ея вліянію и авторитету было только кажущимся; признавались не творцы великихъ мыслей, а тѣ, которые дѣлали идеи достояніемъ массъ чаще всего въ искаженномъ и изуродованномъ видѣ. Слава доставалась тѣмъ, которые ихъ уродовали или вслѣдствіе непониманія (послѣдователи Ньютона) или вслѣдствіе стремленія доставить имъ популярность съ помощью уступокъ предразсудкамъ массъ и требованіямъ партій.

Все таки пониманіе необходимости ограждать отъ искаженія полную истину, какъ святыню, давать поборникамъ истины возможность дышать и жить, не могло не быть живучимъ въ средѣ интеллигенціи. Эта потребность опредѣляла ихъ взглядъ на условіе прогресса общественной жизни и создало между ними энтузіазмъ свободы. Существенную необходимость составляла для нихъ именно индивидуальная свобода, свобода творить и распространять идеи, не раздѣляемыя правительствомъ и обществомъ; научныя воззрѣнія, противъ которыхъ вооружались общественные предразсудки и вѣрованія. Идея индивидуальной свободы была въ XVII-мъ вѣкѣ именно тѣмъ, въ чемъ всего болѣе нуждались религіозные вольнодумцы, а въ такихъ странахъ, какъ Англія, Голландія и Швейцарія, они составляли тотъ центръ, около котораго сосредоточивалась общественная борьба. Государи, стремившіеся къ неограниченной власти, повсемѣстно стояли за интересы католическаго духовенства. Если мѣстами, напр. въ сѣверной Германіи, было иначе, то на это всегда существовали какія-либо особыя причины; сѣверо-германскихъ государей побуждало къ лютеранству желаніе сдѣлаться самостоятельными отъ императора. Но даже и въ этихъ случаяхъ они проповѣдывали не свободу вѣры, а свое главенство

надъ церковью и духовенствомъ. Понятно, если интеллигенція, а съ нею вмѣстѣ и религіозные вольнодумцы возставали противъ абсолютизма и искали другую форму общественной жизни. Основнымъ принципомъ для этой формы они признавали свобоу, которую противопоставляли деспотизму, указывая на древнія греческія республики.

Мы уже выше говорили о томъ, что идея индивидуальной свободы въ томъ видѣ, въ какомъ она проповѣдывалась въ XVII-мъ вѣкѣ интеллигенціей, не составляла правильнаго синтеза, и что ея осуществленіе должно было привести къ анархіи, а не къ сознательной организаціи, потому что осуществленіе свободы немыслимо въ обществѣ, гдѣ каждый противопоставляетъ свое личное счастье благополучію всякаго другого человѣка и того общества, среди котораго онъ живетъ, и гдѣ каждый убѣжденъ, что эксплуатація своихъ ближнихъ и всего общества есть именно путь, которымъ онъ можетъ достигнуть максимумъ своего счастья. Но если отвлеченные мыслители не руководствовались правильнымъ синтезомъ при созданіи основной идеи государства, то практическіе дѣятели, которые стремились замѣнить абсолютную монархію другой, болѣе совершенной формой политическаго устройства, поступали такъ, какъ умные и практическіе люди поступаютъ всегда при достиженіи своихъ цѣлей, — они руководствовались правильнымъ синтезомъ. Создавая новую форму общественной жизни на основаніи идеи свободы, они создали вовсе не то, къ чему стремился народъ, вовсе не свобода, а нѣчто совсѣмъ другое легло въ основаніи новаго государственнаго устройства, нѣчто до такой степени неожиданное и не предугаданное, что оно имъ и въ голову не приходило. Ученымъ нужно было порядочно времени только для того, чтобы усмотрѣть и понять это порожденіе новѣйшей формаціи.

Если вы обратитесь къ изученію центральнаго пункта, въ которомъ развивались въ XVII-мъ вѣкѣ новыя политическія идеи, къ Голландіи и Англіи, то вы увидите, что идея индивидуальной свободы играла дѣйствительно первостатейную роль въ исторіи политической борьбы этихъ странъ. Но пройдя XVII вѣкъ отъ начала до конца, вамъ придется сказать, что они не только не осуществили въ это время идею индивидуальной свободы, но скорѣе принуждены были окончательно отказаться отъ осуществленія

такой идеи. Центральный пунктъ политической борьбы составляла борьба религіозная; если голландцы и англичане XVII-го вѣка стремились къ свободѣ мышленія, вѣрованій, рѣчи, собраній, ассоціацій, то они дѣлали это съ весьма малой долей убѣжденія въ полезности такого режима. Втеченіе всего XVII-го вѣка они обнаруживали только такія-же тенденціи, какъ и правительства неограниченныхъ монархій, они стремились наказаніями и преслѣдованіями не только принуждать другихъ дѣйствовать такъ, какъ того требовалъ личный ихъ интересъ, но заставлять всѣхъ вѣровать и думать такъ, какъ желательно было для ихъ самодурства, они поступали такъ безъ всякаго личнаго интереса, исключительно по причинѣ укоренившихся въ нихъ деспотическихъ привычекъ. Весь XVII вѣкъ прошелъ въ томъ, что каждая религія, забравши въ руки свои власть, начинала преслѣдовать всѣхъ прочихъ самымъ безцеремоннымъ образомъ; каждая, смѣнившая свою соперницу, стремилась мстить ей жестокими репрессаліями. Тягость борьбы увеличивалась взглядомъ того времени, когда понятія должности и собственности часто смѣшивались; если властедержители устраняли своихъ противниковъ отъ должностей, то противники кричали, что у нихъ отбираютъ собственность, а власть, отбирая права на должности, на томъ-же основаніи отбирала и собственность и раздавала своимъ; порождался искусственный личный интересъ въ преслѣдованіи — интересъ грабежа.

Воспринимая впечатлѣнія ужасовъ, которые воспроизводились тогда религіозной борьбою во всей Европѣ, нельзя не прійти къ заключенію, что въ исторіи человѣчества рѣдко встрѣчалось время, когда бы весь вредъ религіи выступалъ наружу въ такомъ отвратительномъ свѣтѣ кроваваго образа лжи и преступленія. Тутъ было достаточно данныхъ, чтобы глубоко призадуматься надъ мрачными послѣдствіями заблужденія, когда люди провозглашаютъ лживое увѣреніе святой истиной и предметомъ поклоненія, и когда они готовы на всякое безчеловѣчіе и на всякое преступленіе, чтобы заставить другихъ искренно или лицемѣрно преклониться передъ ихъ святыней. Если мы разсмотримъ источники, изъ которыхъ вытекали дѣйствительно практиковавшіяся идеи нравственности того времени, то мы убѣдимся, что, несмотря на громадное свое значеніе въ качествѣ бича истины и человѣчества религія стояла отъ нравственныхъ идей совершенно въ сторонѣ.

Какъ у всѣхъ неразвитыхъ народовъ, она была чисто формальная и суевѣрная: нужно соблюдать извѣстные, никакого разумнаго значенія не имѣющія формальности, такъ или иначе креститься, такъ или иначе совершать богослуженіе, поститься, причащаться, вѣнчаться и т. д. Дѣйствительно практиковавшіяся нравственныя идеи и воззрѣнія создавались отдѣльными классами, каждымъ для себя, и вытекали изъ ихъ юридическаго, политическаго и соціальнаго положенія. Интересы, порождаемые этимъ положеніемъ, вызывали съ одной стороны понятіе о наилучшемъ поведеніи, обязательномъ для того, чтобы пользоваться уваженіемъ. Такъ создались понятія о рыцарской чести, благородствѣ, джентльменствѣ. Съ другой стороны ими-же вырабатывались нравы и обычаи класса, которые служили истиннымъ мѣриломъ уровня его нравственности. Все это было далеко не высокой пробы; господствующіе классы создавали въ своей средѣ такіе нравы и обычаи, которые вынуждали и лучшихъ между ними дѣлаться эксплуататорами массы; презрѣніе и ненависть клеймили того, кто говорилъ имъ истину. Польское дворянство погубило своими нравами и своимъ общественнымъ мнѣніемъ Польшу, шведское растеряло половину государства.

Чтобы показать, какъ ничтожно было значеніе религіозныхъ предписаній, я приведу одинъ, хотя рѣзкій примѣръ. Что можетъ быть рѣзче такого дѣйствія, какъ убійство; между тѣмъ на убійство смотрѣли весьма различно: убійство, совершенное разбойникомъ, считалось преступленіемъ, — убійство на дуэли долгомъ чести, убійство на войнѣ добродѣтелью и подвигомъ. Эти главныя категоріи имѣли безчисленныя видоизмѣненія и бросали весьма различные оттѣнки свѣта на убійцу, смотря по обстоятельствамъ, которыми убійство сопровождалось. Воззрѣнія общества имѣли не рѣдко большую опредѣленность и разнообразились въ различныхъ странахъ и у различныхъ классовъ общества, но въ образованіи всѣхъ этихъ мнѣній съ ихъ оттѣнками религіозная заповѣдь «не убей» не играла никакой роли. Религіозные фанатики обращали на нее еще менѣе вниманія, чѣмъ прочіе. Убійца Вильгельма Оранскаго былъ провозглашенъ мученикомъ и его головѣ поклонялись, какъ святымъ мощамъ. Никогда въ исторіи убійство изъ за угла не практиковалось надъ первостепенными общественными дѣятелями въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ во время ре-

литіозныхъ смутъ, и духовенство неизмѣнно провозглашало его верхомъ добродѣтели.

Причина, по которой религія не играла никакой роли въ созданіи нравственныхъ идей общества, заключалась въ томъ, что она прежде всего и болѣе всего старалась поражать воображеніе тѣмъ, что она не отъ міра сего, что она нѣчто неземное, небесное, для людей совершенно недоступное; а потому въ нравственныхъ своихъ идеяхъ она старалась уничтожать своей небесной непостижимостью. Въ сущности она молола жалкую чепуху въ родѣ предписанія жить какъ птицы небесныя (почему птицы, а не змѣи, чѣмъ птицы лучше змѣй?), но она молола ее такъ, что воображеніе недальновидныхъ ея почитателей было поражено и отуманено. Этимъ однако-же и ограничивалось ея вліяніе; такъ какъ она была вовсе не приспособлена къ дѣйствительной жизни, то она или никакихъ результатовъ не давала или давала самые нелѣпые и безобразные. Чѣмъ болѣе каждому классу людей приходилось призадумываться надъ его положеніемъ среди общества и государства, чѣмъ болѣе на него воздѣйствовало критически мышленіе интеллигенціи, тѣмъ болѣе измѣнялись и совершенствовались его взгляды на достойное уваженія поведеніе; они всегда принимали приспособленную къ обстоятельствамъ и практически примѣнимую при данныхъ условіяхъ развитія людей форму, поэтому они много или мало, но постоянно измѣняли понятіе о справедливомъ и хорошемъ. Съ точки зрѣнія религіи и вѣрующихъ въ нее по отношенію къ ея предписаніямъ ни о какой справедливости не могло быть и рѣчи; эти предписанія были такъ священны, что малѣйшее ихъ нарушеніе составляло великое преступленіе; величайшій злодѣй признавался настолькоже грѣховнымъ, какъ и семнадцатилѣтняя дѣвочка, которая по одному своему общественному ничтожеству, по полной своей зависимости отъ другихъ людей не могла даже сдѣлать никакого зла. Такія несчастныя, легковѣрныя дѣвочки сходили съ ума и погибали отъ чахотки подъ вліяніемъ грозныхъ проповѣдей, провозглашавшихъ ихъ великими преступницами. Уничтоженныя рабяніемъ, онѣ все таки и на волосъ не подвигались въ своемъ нравственномъ развитіи, потому что ихъ учитель, т. е. религія, была олицетвореніемъ самой возмутительной несправедливости.

Глава одинадцатая.

XVII-ый вѣкъ (продолженіе). Какимъ образомъ Голландія и Англія доходили до новой формы политической организаціи.

Основныя два качества, которыя религія привила своимъ служителямъ, а чрезъ нихъ и всѣмъ христіанамъ, составляли лицемѣріе и бездушную жестокость. Если человѣкъ, который ничего особенно дурного не дѣлалъ, признавалъ себя великимъ злодѣемъ и грѣшникомъ, онъ лгалъ и лицемѣрилъ. Уничтожая такимъ образомъ всякую справедливую мѣру для опредѣленія нравственнаго достоинства поступковъ, вѣрующіе создавали въ своей душѣ безвыходный хаосъ понятій, въ которомъ блуждали какъ въ лѣсу, какъ при опредѣленіи своихъ пороковъ, такъ и своихъ добродѣтелей. Человѣкъ ни за что, ни про что съ лицемѣрнымъ или искреннимъ смиреніемъ признавалъ себя великимъ грѣшникомъ и въ то-же время считалъ себя великимъ великодушнымъ благодѣтелемъ человѣчества потому, что сыпалъ кругомъ себя деньгами, выжатыми у тѣхъ, кто ему попался въ лапы. Какой-нибудь мушина-франтъ, надѣвъ на себя костюмъ, стоившій сто тысячъ рублей, выжатыхъ у просителей взятками, являлся въ немъ въ церковь восхищать дамъ своимъ благочестіемъ (обыкновенное явленіе того времени). Самой-же худшей стороной религіозной нравственности была та сухая, черствая жестокость, которую плодилъ въ вѣрующихъ аскетическій закалъ. Всякое серьезное, самостоятельное, критическое отношеніе къ идеѣ нравственности преслѣдовалось религіей, она настаивала на томъ, чтобы нравственное міровоззрѣніе людей оставалось въ томъ хаосѣ безвыходныхъ противорѣчій, въ которомъ его держали ребяческія сентенціи религіи. Если безсмысленность этихъ сентенцій и открывала возможность косвенной борьбы съ ними, то истинѣ все таки было очень трудно укореняться въ этомъ царствѣ лживости и лицемѣрія, а одно разъясненіе истинной нравственности могло раскрыть передъ людьми путь къ примиренію ихъ интересовъ. Ужасы совершенно излишней религіозной борьбы съ одной стороны, вредное нравственное вліяніе религіи съ другой

не могли не дѣйствовать на людей, привыкающихъ мыслить по правильному синтезу. Энергическое разоблаченіе передъ глазами народовъ вреда религіи было-бы естественнымъ послѣдствіемъ столькихъ великихъ золъ. Мы, дѣйствительно, видимъ, что въ XVII-мъ вѣкѣ въ Англіи и Голландіи появилось антирелигіозное направленіе, которое тогда называлось атеизмомъ. Несомнѣнно, что безвѣріе и религіозный индиферентизмъ существенно ослабляли въ этихъ странахъ пылъ религіозныхъ преслѣдованій и что они составляли одну изъ причинъ, по которымъ нетерпимость къ истинѣ и къ свободному мышленію никогда не доходила въ нихъ до тѣхъ безмѣрныхъ звѣрствъ, до которыхъ доходили всюду на материкѣ Европы, въ особенности въ Испаніи, Италіи, Франціи и Германіи; — припомнимъ Альбу, Тюрена, Тилли, Валенштейна, инквизицію. Но чтобы понять, какъ дѣлались тутъ дѣла, стоитъ вспомнить слѣдующее: король англійскій Карлъ II славился своимъ религіознымъ безразличіемъ, — онъ назначилъ министрами двухъ любимцевъ своихъ, слывшихъ атеистами, но онъ-же назначилъ Лодердаля и Джефриса, которые производили чудеса религіозныхъ звѣрствъ. Такъ велика была тогда шаткость воззрѣній; можно-ли было послѣ этого говорить о господствѣ индивидуальной свободы.

Въ то время, когда населеніе деспотическихъ государствъ всячески старалось превратить себя въ безсмысленное стадо, годное только для того, чтобы быть брошеннымъ на поля сраженій и вносить къ своимъ сосѣдямъ смерть и разореніе; въ то время, когда оно по временамъ увлекалось смѣлыми идеями съ такимъ-же легкомысліемъ и самодурствомъ, съ какимъ оно ихъ подавляло и искореняло въ конецъ; въ это время государства новаго образца старались открыть путь къ самозащитѣ для разныхъ группъ и классовъ народа, они старались дать имъ такое положеніе, при которомъ государственная власть принуждена была-бы принимать въ соображеніе ихъ потребности. До того времени существовало только два пути общественной организаціи: одинъ уничтожалъ государство и ставилъ на его мѣсто анархію, разбивая общество на множество мелкихъ, имѣющихъ силу сопротивленія группъ; человѣкъ, чувствовавшій себя притѣсненнымъ въ одной организаціи, могъ перебѣжать въ ту, которая, по его мнѣнію, дастъ ему лучшіе шансы. Другой создавалъ деспотическое государство и

этимъ организовалъ насиліе; тогда для массы уже некуда было спастись отъ этого организованнаго гнета, — человѣку оставалось повиноваться и погибать, если бремя гнета было для него непосильно. Теперь задача состояла въ томъ, чтобы создать такую форму, которая бы соединяла въ себѣ преимущества анархіи и деспотизма.

Если вы обратитесь къ исторіи, то вы увидите, что и Англія и Голландія шли къ новой формѣ государственной жизни путемъ деспотизма; и Кромвель и Вильгельмъ Оранскій были до конца своей жизни диктаторами. Преимущества государственной организаціи, основанной на силѣ сопротивленія отдѣльныхъ общественныхъ группъ и на порядкѣ, которымъ власть вынуждалась обращать болѣе вниманія на потребности гражданъ, цѣнились весьма не высоко; геройство и энергію проявляли не тѣ люди, которые боролись за свободу и самоуправленіе, а религіозные фанатики. Знамя борьбы противъ Карла I подняли религіозные фанатики. Вильгельмъ Оранскій боролся всю жизнь свою съ Филиппомъ опять таки рукою религіознаго фанатизма. Южная часть Нидерландовъ, современная Бельгія, гдѣ католическое населеніе было многочисленно и которая могла бороться только за интересъ свободы и самоуправленія, боролась вяло и кончила тѣмъ, что покорилась деспотизму. Фактъ этотъ знаменателенъ; онъ показываетъ, что люди цѣнятъ свое основное міровоззрѣніе, то что они считаютъ святымъ, выше всѣхъ другихъ интересовъ; если вы хотите, чтобы человѣчество было счастливо, вы должны распространить въ его средѣ правильное міровоззрѣніе, на которое люди смотрѣли-бы не слегка, а какъ на святыню.

Обыкновенно историки приписываютъ появленіе новой формы государственнаго устройства идеямъ представительнаго управленія и индивидуальной свободы, но этотъ взглядъ ошибоченъ. Представительное управленіе изобрѣтено было очень давно, однакоже оно не давало никакой новой формы государственной жизни, а приводило или къ анархіи или къ тому-же деспотизму. Въ Греціи, въ Польшѣ оно давало анархію; въ Германіи и другихъ странахъ средневѣковой Европы оно привело къ деспотизму мелкихъ владѣтелей, которые сочиняли разные союзы для угнетенія народа; въ южной Америкѣ представительное управленіе и въ настоящее время не рѣдко даетъ анархію. Причина порожденія

новой формы государственнаго быта другая и болѣе глубокая. Полякъ даже въ концѣ XVIII-го вѣка не имѣлъ отечества, оно было у него на устахъ, но смысла не имѣло; люди цементировались тамъ личною связью. Потоцкіе, Чарторижскіе, Радзивилы цементировали каждый свою личную партію; лица, сцементированные такимъ образомъ, стояли за Потоцкихъ, Чарторижскихъ и т. д., а не за Польшу; при этомъ Потоцкіе и имъ подобные не были даже представителями опредѣленнаго направленія, — напротивъ, они мѣняли это направленіе, смотря потому, что оказывалось болѣе удобнымъ для достиженія ихъ честолюбивыхъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи республиканскій Римъ стоялъ выше Польши; тамъ мы видимъ семейства наслѣдственныхъ консерваторовъ и наслѣдственныхъ демагоговъ. Въ Англіи партіи, сцементированные личною связью, существовали во время войны алой и бѣлой розы и въ XV-мъ вѣкѣ, когда люди геройски шли на казнь по преданности дому Іорка и Ланкастера; но за то-же въ это время, не смотря на представительныя учрежденія, Англія ничего кромѣ анархіи не могла создать. Конечно и то слѣдуетъ сказать, что партіи, основанныя на личной связи, бонапартисты, орлеанисты, легитимисты, дожили до нашихъ дней во Франціи, хотя и слились съ клерикалами въ одну консервативную партію. Грекъ, точно такъ-же какъ полякъ, какъ нѣмецъ не имѣлъ отечества; его отечество были Аѳины, Спарта, Коринѳъ, а не Греція, а потому и у него, несмотря на знакомство съ представительными учрежденіями, ничего кромѣ анархіи не могло родиться. Онъ зналъ представительныя учрежденія, но не умѣлъ оцѣнить ихъ значенія для созданія свободнаго отечества, государства достаточно сильнаго, чтобы отстоять себя отъ враговъ. Умѣнье создать себѣ свободное отечество требуетъ большого политическаго и нравственнаго развитія, а потому люди и замѣняли свободное отечество деспотизмомъ. Деспотическое государство не нуждается въ идеѣ отечества, тамъ идею отечества замѣняютъ розги, тюрьма, каторга; — солдатъ геройски идетъ на смерть за людей, которыхъ считаетъ своими грабителями и ненавидитъ, и не спрашивая о томъ, за какое дѣло онъ убиваетъ, грабитъ и насилуетъ, переноситъ голодъ и всѣ ужасы лишеній войны. Только иногда деспотизмъ пользуется національной и религіозной враждой, чтобы создавать нѣчто въ родѣ народныхъ войнъ. Чтобы породить такъ называемое свобод-

ное отечество, нужно было прямо противоположное; нужно было примирять людей, а не распалять между ними вражду. Только путемъ примиренія враждебныхъ интересовъ во имя общаго блага Голландія и Англія создали себѣ свободное отечество, а Швейцарія и Соединенные Штаты швейцарскую и американскую національность, способную отстаивать себя отъ враговъ, не смотря на разницу племенъ, вѣры и языка.

Въ деспотическомъ государствѣ любовь къ свободному отечеству и даже просто къ народу вредна и преслѣдуется; она считается источникомъ козней и злоумышленій. Въ государствѣ самоуправляющемся наоборотъ идея свободнаго отечества составляетъ до сихъ поръ краеугольный камень, на которомъ строится зданіе государства. Голландіи потому удалось создать первый зачатокъ той формы общественной жизни, изъ которой впослѣдствіи развилось самоуправляющееся государство, что этой ничтожной странѣ пришлось бороться съ Филиппомъ II, считавшимся самымъ могущественнымъ государемъ Европы. Грекъ разныхъ республикъ избиралъ себѣ правительство и снабжалъ его средствами для управленія; когда-же приходилось избирать правительство для всей Греціи, онъ снабдить его средствами для управленія рѣшительно отказывался. Онъ лучше готовъ былъ переносить на свой страхъ и рискъ тяжкую борьбу съ Персіей, всѣ ужасы пелопонезскихъ войнъ, македонскій и римскій деспотизмъ. Онъ прекрасно зналъ, какъ устроить правительство, чтобы оно не могло забрать государство въ свои руки, а должно было подчиняться волѣ народа: онъ зналъ, что для этого нужно правителей подвергать періодическому избранію, установить извѣстное раздѣленіе властей, подвергать ихъ контролю особо избираемыхъ для этой цѣли лицъ, установить судъ присяжныхъ и т. д. — все это онъ практиковалъ съ успѣхомъ у себя дома. При учрежденіи Соединенныхъ Штатовъ представительное управленіе ахейскаго союза служило однимъ изъ образцовъ. Однако-же грекъ предпочиталъ правильному представительному управленію навязанную ему силою гегемонію и деспотизмъ. Полякъ ослаблялъ и короля и сеймъ чрезъ учрежденія въ родѣ liberum veto до того, что они не могли управлять страною, это его очень мало безпокоило; онъ никогда не могъ понять низости своихъ магнатовъ и предпочиталъ личную преданность преданности свободному отечеству и народу; а такое

настроеніе конечно должно было привести его къ деспотизму. Если маленькая Голландія могла вести самостоятельное существованіе среди могущественныхъ державъ, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что обширная Польша, владѣвшая территоріею, простиравшеюся отъ устьевъ Вислы до береговъ Чернаго моря, могла, создавъ себѣ свободное отечество, пользоваться полной независимостью отъ сосѣднихъ державъ. Нужны были тысячелѣтія, чтобы научить людей созидать себѣ свободное отечество, въ которомъ каждый могъ-бы имѣть вліяніе на управленіе во имя своей потребности точно такъ-же, какъ нужны были тысячелѣтія, чтобы уничтожить рабство.

Голландія могла потому создать новую форму государственной жизни, что ей пришлось вести геройскую борьбу за свою независимость втеченіе жизни цѣлаго поколѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ у ней не могло состояться стачки между правителями и представителями страны. Въ другихъ частяхъ Европы государямъ удалось создать сліяніе привиллегированныхъ сословій съ собою, а всѣ тягости взвалить на народъ; съ помощью такой стачки даже въ Англіи Генрихъ VIII и Елизавета управляли самовластно, а государи материка Европы постепенно разными хитрыми изобрѣтеніями снимали съ высшихъ классовъ государственныя тягости, перекладывая ихъ на народъ, и такимъ образомъ вовсе избавляли себя отъ необходимости прибѣгать къ представительнымъ учрежденіямъ. Напримѣръ, герцогъ баварскій Максимильянъ, которому Тилли обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ, замѣнилъ въ своемъ герцогствѣ наемниковъ наборомъ, и такимъ образомъ, создавъ себѣ дешево стоющихъ солдатъ рабовъ, сильно увеличилъ свое могущество. Мы всѣ теперь служимъ жертвами этого гнуснаго учрежденія. Трудъ имѣетъ болѣе права на полное вознагражденіе, чѣмъ собственность, такъ какъ даже и при этомъ условіи онъ все таки останется обездоленнымъ эксплуатаціею. Мы уже выше показали, что рыночныя цѣны на трудъ не даютъ работнику возможность оплачивать образованіе своего семейства, не говоря о прочемъ. Если-бы общество имѣло достаточно здраваго чутья, чтобы требовать для солдата полное вознагражденіе за трудъ по свободной рыночной цѣнѣ, то самоуправленіе было-бы неизбѣжнымъ и развитіе цивилизаціи болѣе нормальнымъ. Современная цивилизація губитъ себя тѣмъ, что она сдѣлала солдата рабомъ.

Въ Голландіи-же стачка между народными представителями и правителями не могла состояться потому, что они разошлись во взглядахъ своихъ на внѣшнюю политику. Штатгалтерамъ пришлось сдѣлаться демагогами и опираться на народъ, организованный духовенствомъ во имя его религіи, отличной отъ религіи высшихъ сословій; такая организація превращала народъ въ силу. Въ минуту борьбы въ Голландіи и Англіи религіозная проповѣдь принимала политическій характеръ, она замѣняла современную передовую статью въ газетахъ и дѣйствовала гораздо сильнѣе во первыхъ потому, что она преподносилась народу въ формѣ священной истины, а во вторыхъ потому, что религіозныя проповѣди слушалъ весь народъ, граматный и безграматный, а не одни читатели газетъ. Напрасно штатгалтеръ Морицъ, прислуживая этой силѣ, совершалъ разныя злодѣйства; штатгалтеры не только не могли забрать въ руки плутократію, они не могли провести свою политику, а должны были покориться политикѣ плутократіи. Не армія, а флотъ сосредоточилъ на себѣ заботы правительства; морскія открытія, размноженіе колоній, факторій, захватъ въ свои руки всемірной торговли, превращеніе государства въ центръ европейской промышленности, — вотъ что сдѣлалось предметомъ главныхъ заботъ государства. Страна разцвѣла, ея умственная жизнь и благосостояніе приняли небывалые размѣры; прекрасная Голландія, за независимость которой нація такъ долго и тяжко боролась, сдѣлалась горячо любимымъ свободнымъ отечествомъ голландскаго народа, въ то-же время ея правители въ своей борьбѣ изъ за власти до того скомпрометировали себя узкими стремленіями, эгоизмомъ, интригами, деспотическими замашками и злодѣйствами, что никто изъ нихъ не могъ сдѣлаться въ достаточной степени предметомъ народнаго уваженія и народной привязанности.

Штатгалтеры, неустанно стремились къ славѣ великихъ полководцевъ и къ милитаризму; народные представители изобрѣли новую, болѣе плодоносную внѣшнюю политику, чѣмъ правители и ихъ воинственные дворяне, но они загребистой, кулацкой лапой старались всѣ плоды этой политики забрать исключительно себѣ: третья сила, духовенство, старалось подчинить себѣ безусловно и душу и тѣло нарола, и господствовать безраздѣльно. Борьба этихъ силъ непремѣнно привела-бы къ деспотизму, если-бы стремленіе

народа создать себѣ свободное отечество не противодѣйствовало этому; съ этой точки зрѣнія липа, стоявшія во главѣ народа, подвергались строгой критикѣ и тогда оказалось, что они своимъ поведеніемъ до того оплевывали себя, что никто изъ нихъ не могъ внушить народу того довѣрія, которое необходимо, чтобы господствовать. Между тѣмъ не было страны въ Европѣ, гдѣ-бы привычки руководствоваться правильнымъ синтезомъ, относиться ко всему критически, трезво глядѣть на вещи и на людей, были такъ распространены, какъ въ Голландіи — и управляющей силой въ странѣ сдѣлалось все то, что способно было съ знаніемъ дѣла мыслить и говорить настолько громкимъ голосомъ, чтобы онъ слышенъ былъ всему народу. Явилось господство общественнаго мнѣнія, это общественное мнѣніе принадлежало всѣмъ и никому въ особенности, оно постоянно мѣнялось, смотря по тѣмъ потребностямъ, которыя ощущались народомъ, — сегодня оно состояло изъ однихъ, завтра изъ другихъ; въ извѣстныхъ отношеніяхъ оно имѣло существенное сходство съ общимъ мышленіемъ организма; оно стояло за государство и за народъ въ качествѣ одного цѣлаго, переносило центръ власти съ однихъ лицъ на другія, смотря потому, кому лучше удалось угадать потребности государства и его населенія въ данную минуту. То была сила живая, она могла укорениться и создать новый порядокъ только потому, что люди, отъ которыхъ она исходила и которыми она поддерживалась, умѣли руководствоваться правильнымъ синтезомъ, практическимъ и правильнымъ взглядомъ на результаты той политики, которая ими отстаивалась. Давленіе общественнаго мнѣнія смиряло всякую власть, готовую зазнаться, — указывало предѣлъ всякой силѣ, стремившейся къ деспотизму,— обуздывало фанатизмъ и самодурство; оно такъ-же, какъ и деспотическая власть, сдѣлалось орудіемъ прирученія, но орудіе это вдохновлялось народными потребностями, а не самодурствомъ личныхъ прихотей одного человѣка, стремившагося эксплуатировать народъ въ свою пользу, игнорировать и бить по лицу его потребности.

Правдивая исторія возникновенія въ Голландіи самоуправленія обличаетъ много некрасиваго, но въ ней есть истинное величіе, которое затмеваетъ всѣ недостатки, оно заключается въ геройской борьбѣ народа за свою независимость съ самыми могущественными деспотами тогдашней Европы, съ королями Испаніи и Франціи.

Рядомъ съ нею исторія Англіи представляетъ нѣчто совсѣмъ другое: если смыть съ нея тѣ румяна, которыми ее разукрасили восторженные историки, то передъ ней приходится остановиться съ изумленіемъ и недоумѣніемъ. Всѣ рѣшители судебъ этой страны въ знаменательное время, которое называется временемъ ея борьбы за свободу, заслужили своимъ поведеніемъ не лучезарную славу — а висѣлицу. Но тутъ мы видимъ еще яснѣе, какъ стремленіе создать себѣ свободное отечество научило англичанъ презирать и ненавидѣть такихъ правителей, которые обожались на материкѣ Европы и возвысить надъ ними общественное мнѣніе, которое на материкѣ должно было умолкнуть передъ такими народными идолами, какъ Ришелье, Людовикъ XIV и т. д.

Чтобы охарактеризовать нравственный уровень той эпохи достаточно привести одинъ фактъ: великій Гуго Гроцій проповѣдывалъ республику въ Голландіи, самодержавіе во Франціи и блюдолизничество въ Швеціи у королевы Христины; великій Бекон былъ олицетвореніемъ нравственной низости и, отстаивая то права народа, то самодержавіе, смотря потому, что было для него выгоднѣе, бралъ взятки, гдѣ могъ; его соперникъ, великій юристъ Кокъ поступалъ совершенно такъ-же. При тюдорахъ Англія, не смотря на представительныя учрежденія, привыкла къ деспотизму даже болѣе, чѣмъ современная ей Франція и Германія: Генрихъ VIII въ порывѣ самодурства могъ безъ церемоніи перемѣнить ея религію и сочинить вѣру, приспособленную къ вождѣленіямъ деспотизма, которая втеченіе всей исторіи Англіи служила для нея главнымъ препятствіемъ къ прогрессу. Дѣло измѣнилось при Яковѣ I. Этотъ иностранецъ сварливый и нелѣпый, не знавшій людей, которыми управлялъ, глупостью, мотовствомъ и пороками внушалъ къ себѣ въ народѣ то чувство, которое государю опаснѣе всего внушать — презрѣніе. Этимъ онъ пріучилъ раболѣпный парламентъ подымать противъ него голосъ, шумѣть и спорить. Самыя голосистыя глотки въ парламентѣ принадлежали людямъ, стоявшимъ по нравственному уровню своему отнюдь не выше Бекона и Кока; ими руководила не любовь къ отечеству, а зависть, жажда почестей и взятокъ. Благодаря этому обстоятельству Яковъ благополучно процарствовалъ до конца и передалъ своему наслѣднику Карлу I свою корону вмѣстѣ съ шумливымъ и сварливымъ парламентомъ.

Порядочному государю ничего-бы не стоило довести презрѣнный парламентъ до прежняго раболѣпія, но Карлъ былъ менѣе всего порядочнымъ государемъ — то была тварь еще болѣе презрѣнная, чѣмъ продажные крикуны парламента. Вмѣсто того, чтобы поставить передъ народомъ цѣль, которая была-бы способна увлечь его душу, хотя-бы дурную, грубую цѣль, — такую, какую поставили французскому народу Ришелье и Людовикъ XIV и вести его къ этой цѣли, — онъ прямо запечатлѣлъ на своемъ лбу вывѣску стремленія къ тиранiи, къ праву мучить народъ по своей прихоти, не обращая никакого вниманія на его погребности, чувства и желанія. При этомъ онъ отличался лживостью, звѣрствомъ и коварствомъ, доходившими до послѣднихъ предѣловъ возможнаго, не только его враги, но самые близкіе къ нему люди никогда не могли положиться на него. Въ маккіявелевской политикѣ онъ достигъ геркулесовыхъ столбовъ и показалъ къ чему она приводитъ при послѣдовательномъ своемъ развитіи — она превращаетъ самыхъ близкихъ друзей политика во враговъ. Карлъ I былъ вполнѣ похожъ на современныхъ ему испанскихъ государей; своимъ самодурствомъ онъ по одному капризу и безъ малѣйшей нужды мучилъ и раззорялъ своихъ подданныхъ и искусственно создалъ анархію въ странѣ, гдѣ ея не было; этимъ онъ, разумѣется, вполнѣ заслужилъ тотъ конецъ, до котораго довелъ себя.

Страна пришла въ броженіе, но никто не имѣлъ силы, нужной, чтобы овладѣть движеніемъ; — были люди, способные внушать уваженіе своими нравственными качествами, но они не имѣли ни той проницательности, ни той энергіи, которая требуется, чтобы управлять народомъ во время бури; другіе, можетъ быть, имѣли-бы достаточно ума и воли, но они стояли нравственно такъ низко, что не могли внушать добровольнаго повиновенія по ненадежности своего характера. Наконецъ такой человѣкъ нашелся — то былъ Кромвель. Если его сравнить съ великимъ человѣкомъ французской революціи — Робеспьеромъ, то придется сказать что Кромвель далеко превосходилъ Робеспьера своими рѣдкими дарованіями, почти безпримѣрной проницательностью и невѣроятной дерзостью; но за то Робеспьеръ былъ олицетворенной искренностью, а Кромвель жалкимъ мерзавцемъ: — это величайшій въ исторіи образецъ трезвости, узкости, пошлости и низости англійскаго характера. Онъ началъ съ того, что изъ разнаго ра-

бочаго люда и мелкихъ кулачковъ создалъ превосходный полкъ; по образцу этого полка онъ преобразовалъ армію возстанія. Армія его совершала величайшіе подвиги, покорила Ирландію, смирила Шотландію и уничтожила королевскія войска. Когда Кромвель уже держалъ въ своемъ плѣну короля, онъ задумалъ уничтожить парламентъ. Чтобы открыть себѣ къ тому путь, дерзкій фанатикъ чрезъ свое войско повелъ въ странѣ съ небывалой въ исторіи энергіей пропаганду свободы и равенства и этимъ одновременно привлекъ къ себѣ и народъ и всю интеллигенцію, жаждавшую свободы мысли и слова. Половину своего времени его войско посвящало военнымъ упражненіямъ, а другую проповѣди о томъ, что всѣ люди равны. Милленаріи, левелеры и др. доказывали народу, что никто изъ людей не достоинъ быть господиномъ, господиномъ можетъ быть только Іисусъ Христосъ, потому что онъ одинъ святъ и непогрѣшимъ. Самъ Кромвель не былъ господиномъ этого войска, а, распоряжаясь, какъ хотѣлъ, долго занималъ въ немъ второстепенную должность. Когда въ англійскомъ народѣ разгорѣлся фанатизмъ равенства до изступленія, тогда будущій протекторъ увидалъ, что онъ и парламентомъ можетъ вертѣть, какъ ему было угодно. Лицъ, которыя говорили вещи ему не нравившіяся, онъ арестовывалъ, высылалъ, наказывалъ вмѣстѣ съ подававшими за нихъ голоса; входилъ въ парламентъ съ войскомъ и вообще распоряжался по военному. Представители народа пытались было противопоставить ему народъ Лондона; но народъ среди энтузіазма равенства не согласился защищать такое собраніе, какъ ничтожный и презрѣнный парламентъ. Кромвель задумалъ казнить короля и назначилъ для суда надъ нимъ 150 судей, но когда судьи не согласились на казнь, онъ ихъ уменьшилъ на двѣ трети и все таки казнилъ короля. Уничтоживъ королевскую власть, онъ вслѣдъ за тѣмъ уничтожилъ и палату лордовъ, въ которой оставалось всего только двѣнадцать человѣкъ. Уничтоженіе палаты было актомъ весьма популярнымъ, народъ кричалъ: «смерть гордымъ лордамъ».

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ это время Кромвель имѣлъ возможность превратить Англію въ демократическую республику и создать въ ней прочное демократическое правительство. Такимъ дѣйствіемъ онъ покрылъ-бы себя неувядаемой славой, онъ сдѣлался-бы благодѣтелемъ не только Англіи, но всего

человѣчества. По натурѣ своей для него было окончательно невозможно въ такой степени обезсилить себя, какъ обезсилилъ себя Робеспьеръ. Великій вождь и великій полководецъ онъ совершилъ такое чудо, какого ни до, ни послѣ его никто не совершалъ; онъ сумѣлъ управлять войскомъ, которое заявляло претензію избирать все свое начальство, начиная отъ унтеръ-офицеровъ и до генераловъ, и сдѣлалъ изъ этого войска превосходно дисциплинированную и образцовую армію. Англійскій народъ по умственнымъ и нравственнымъ своимъ качествамъ стоялъ, конечно, не ниже солдатъ будущаго протектора, вѣдь они вышли изъ того-же народа; а государствомъ, гдѣ народъ избиралъ своихъ представителей путемъ всеобщей подачи голосовъ, конечно, было легче управлять, чѣмъ арміей, шумѣвшей какъ народное вѣче и бунтовавшей все вокругъ себя. Но роль Вашингтона не улыбалась великому человѣку; — воспитанный въ узкихъ идеяхъ мелкаго имущаго класса онъ предпочиталъ оставить въ исторіи память самодержавнаго висѣльника; людямъ, которые ему предлагали вѣчную славу основателя демократической республики, онъ отвѣчалъ: «Я пріобрѣлъ свою власть мечомъ и никому ее не уступлю». — Чтобы осуществить свое завѣтное желаніе ему пришлось съ друзьями равенства расправиться такъ-же, какъ онъ расправлялся съ палатами и королемъ. За тѣмъ онъ созвалъ парламентъ, членовъ котораго самъ назначалъ, и наконецъ рѣшилъ, что лучше всего управлять Англіей чрезъ своихъ генераловъ.

Генералы эти управляли разными частями своего отечества точно такъ-же, какъ генералы Александра македонскаго управляли Персіей; они взяточничали, грабили и самоуправствовали съ генеральской развязностью. Если-бы Кромвель создалъ демократическое управленіе, онъ получилъ-бы корни и силу въ народѣ, теперь-же онъ возстановилъ противъ себя всѣхъ и аристократію, и духовенство, и буржуазію, и народъ; — для него не оставалось другого выбора, какъ управлять желѣзной рукой, поощряя генеральскія злоупотребленія. При необыкновенной своей даровитости онъ управлялъ съ большимъ блескомъ и поставилъ Англію на высокую степень могущества и славы. Однако-же его управленіе такъ отзывалось на бокахъ англичанъ, что они послѣ этого ни разу не пожелали вкусить сладости просвѣщеннаго деспотизма, которымъ еще долго бредили на материкѣ Европы.

По смерти Кромвеля судьба Англіи попала въ руки Монка, одного изъ кромвелевскихъ генераловъ, — искателя приключеній, который продавалъ себя съ молотка тому, кто больше дастъ; онъ побывалъ, чѣмъ угодно, и роялистомъ, и демагогомъ, и защитникомъ конституціи. Прекрасно сознавая, что онъ слишкомъ оплеванная личность для того, чтобы народъ ввѣрилъ себя ему, онъ посадилъ на престолъ Карла II. Весельчакъ и гуляка, этотъ негодяй торговалъ и собою и своимъ королевствомъ, чтобы имѣть деньги на дорогихъ любовницъ; Людовикъ XIV подкупалъ его, какъ подкупаютъ пьянчугу, готоваго за штофъ водки на все, что угодно. Деньги, ввѣряемыя ему парламентомъ на веденіе войны, онъ спускалъ на кутежи съ любовницами и опозорилъ королевское званіе въ глазахъ англичанъ до того, что его ослѣпительный ореолъ никогда болѣе не могъ улыбаться народу.

Не мудрено послѣ этого, что его наслѣдникъ Яковъ II, который никакъ не могъ повѣрить, что его корона представляется подданнымъ въ видѣ комка грязи, а вовсе не въ видѣ святыни, и вздумалъ управлять, какъ управляли испанскіе короли, былъ оставленъ всѣми и позорно безъ борьбы изгнанъ изъ страны, какъ изгоняютъ собаченку съ чужого двора палками.

Въ царствованіе Вильгельма III англичане имѣли удовольствіе увидать на престолѣ государя, который думалъ объ одномъ, какъ-бы сдѣлаться деспотомъ и въ Голландіи и въ Англіи. Онъ былъ воспитанъ въ традиціяхъ династіи, которой послѣ долгихъ усилій наконецъ удалось таки убить въ Голландіи и свободу и благосостояніе. Это была гнусная и подкупная гадина; онъ внесъ такое растленіе въ окружающій его дворъ, что изслѣдованіе 1689 года могло обнаружить, что подъ вліяніемъ короля-взяточника взяточничество сдѣлалось эпидеміей въ Англіи. Члены парламента, его предсѣдатель, множество лордовъ и въ особенности король оказались подкупными мошенниками; — его любимцы были первыми изъ мерзавцевъ. Даже Кромвель противодѣйствовалъ гнетущей монополіи остиндской компаніи или ганзы, какъ тогда говорили, но она дала взятку въ 804,680 руб., изъ которыхъ половину король взялъ себѣ и достига цѣли.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

XVII-ый вѣкъ (продолженіе). Господство общественнаго мнѣнія создало новую, болѣе высокую степень нравственности. Неспособность государей и дворянства выполнить политическую задачу, поставленную новыми условіями жизни.

ПОСЛѢ всѣхъ этихъ испытаній и въ Англіи мало по малу установилось господство общественнаго мнѣнія. И тутъ, какъ въ Голландіи, тѣмъ пунктомъ, на которомъ совершилось примиреніе всѣхъ классовъ общества, была новая политика. Англія такъ-же, какъ Голландія, поставила себѣ цѣлью сдѣлаться центромъ всемірной торговли и промышленности. Она успѣла въ это время пережить многое, чего не успѣли еще пережить на материкѣ Европы. Въ Германіи высшая аристократія князей и государей употребляла всѣ свои усилія, чтобы сдѣлать имперскій союзъ недѣйствительнымъ и чтобы сохранить за собою право наживаться и расширять свои владѣнія путемъ грабежа, производимаго сильными государями надъ слабыми. Во Франціи господствовалъ сначала аристократическій ореолъ разныхъ Гизовъ, Рогановъ, Бурбоновъ, Конде и т. д., а потомъ ихъ затьмилъ ореолъ монархической власти.

Въ средніе вѣка государственное управленіе Европы существенно отличалось отъ азіатскаго. Невѣжество государей по отношенію къ управляемымъ ими государствамъ было такъ велико, что они имѣли самое смутное понятіе о силахъ своей страны; ихъ весьма легко было вводить въ заблужденіе, и не рѣдко случалось, что собиратели податей жили въ величайшей роскоши въ то время, когда тѣ, для кого подати собирались, нуждались въ самомъ необходимомъ. Тогда государи стали созывать собранія представителей или сеймы, отъ которыхъ они могли получать болѣе основательныя свѣденія о рессурсахъ государства; — посредствомъ подкупа и разныхъ вліяній на представителей они могли достигать болѣе значительнаго обогащенія своей казны, чѣмъ помимо этого пріема. Случалось, что они прямо давали этимъ учрежде-

ніямъ сборъ податей на откупъ. Но привычка къ земскимъ соборамъ кончилась результатомъ для государей весьма не желательнымъ; соборы стали помышлять о томъ, чтобы отнять у нихъ государственную власть и забрать ее въ собственныя руки; они стали представлять изъ себя центральный пунктъ организаціи народа. Государи, пользуясь развитіемъ умственнаго движенія, увеличившимъ способность къ подробному изслѣдованію и точному изученію, пытались создать управленіе, которое бы наполняло ихъ казну и помимо собраній представителей. Началась борьба, приведшая въ различныхъ странахъ къ весьма различному результату.

Первостепенное значеніе для исхода борьбы имѣли элементы, составлявшіе въ государствѣ господствующую силу. Аристократія отличалась воинственнымъ духомъ и необузданной страстью къ роскоши и пышности, а потому во всѣхъ странахъ, гдѣ она господствовала, народъ высасывался и разорялся до послѣдней степени возможнаго. Въ Германіи высшая аристократія сохранила средневѣковыя права самостоятельныхъ государей; и именно поэтому ея способность и способность германской имперіи выработать изъ себя государственную организацію была слишкомъ неудовлетворительна. Лица, считавшія себя государями, были менѣе способны, чѣмъ кто-либо, соединяться въ организаціи; они стремились къ господству и эксплуатаціи, а отнюдь не къ соглашенію. Въ странѣ царила безнадежная анархія, государство было безсильно, воинственный задоръ аристократіи былъ громаденъ, но ея войны были безславны. Народъ былъ мученикомъ наклонностей своихъ правителей. Во Франціи наиболѣе могущественныя аристократическія семейства были такъ сильны, что они считали для себя возможнымъ бороться съ государемъ, какъ въ Германіи, путемъ союзовъ и находили невыгоднымъ сплотиться въ организацію, гдѣ руководитель организаціи затьмилъ-бы ихъ личное вліяніе. Гизы напр. по силѣ своей считали себя равными государямъ, подобно государямъ заключали тайные союзы съ испанскимъ королемъ и надѣялись этимъ принудить короля французскаго къ повиновенію. Конде и Конти мѣтили на польскій престолъ. Но всѣ эти затѣи не удались, а обратили Францію въ централизованную монархію, изнурявшую народъ вконецъ войнами и роскошью. Создавъ изъ государства компактное цѣлое, государи и ихъ полководцы стяжали

много славы, а народъ платилъ за это рабскимъ униженіемъ: не слава, а крайняя степень презрѣнія, бѣдности и страданія сдѣлались его удѣломъ. Въ Польшѣ аристократія вырабатывалась постепенно въ борьбѣ съ государями, которые стремились подчинить польскую территорію удѣльной системѣ. Аристократія создала въ странѣ свободныя учрежденія и централизовала Польшу этимъ путемъ. Становясь во главѣ народа, дворянство постепенно совершенствовало эти учрежденія и въ XVI-мъ вѣкѣ создало свободомыслящую Польшу, цвѣтущую благосостояніемъ и просвѣщеніемъ. Но высшее дворянство слишкомъ возвысилось въ это время надъ народомъ, поэтому когда тамъ въ XVI-мъ вѣкѣ началась такая-же религіозная борьба, какъ въ Англіи, то она велась не народомъ а войскомъ; несчастная случайность дала католическому войску лучшихъ предводителей, свободолюбивая аристократія была побѣждена, магнаты изъ честолюбія стали переходить на сторону побѣдителей и оставляли преслѣдуемый народъ на произволъ судьбы. Гнусная интрига католическаго духовенства, чувствовавшаго себя въ меньшинствѣ, вызвала къ жизни liberum veto, т. е. срываніе сеймовъ, и тѣмъ водворила анархію. Шведское дворянство было еще слабѣе, чѣмъ польское, однако-же соединившись въ организацію, оно могло писать конституціи, поражавшія своей заносчивостью. За то-же короли могли противопоставить ему крестьянъ-собственниковъ. Въ то время, когда въ Англіи и Голландіи среднее сословіе городовъ созидало свободу, въ Швеціи среднее сословіе крестьянъ-собственниковъ породило примиреніе дворянства съ королями въ лонѣ деспотизма. Послѣ этого вліяніе аристократіи оказалось такимъ-же, какъ и вездѣ: по страсти своей къ роскоши и пышности она высасывала всѣ соки изъ народа, а по страсти къ войнѣ сдѣлала изъ своихъ государей настоящихъ искателей приключеній, которые рыскали съ своими арміями по материку Европы, распространяя вокругъ себя кровопролитіе и грабежъ.

Аристократія оказалась вполнѣ неспособной стоять во главѣ народовъ и вести государства къ той цѣли, къ которой ихъ слѣдовало вести при новыхъ условіяхъ жизни, т. е. при появленіи интеллигенціи и плодоносной науки. Самую блестящую роль играла подъ ея вліяніемъ Франція Людовика XIV-го, хотя тутъ блескъ получился на счетъ униженія этой аристократіи; все таки

оказалось, что даже въ тѣ времена, когда такъ сильно ощущалась потребность въ централизаціи государствъ, страсть къ непрерывнымъ завоеваніямъ неизбѣжно приводила къ самому жалкому концу. Франція сѣяла кровопролитіе, а пожала тяжкое безславіе; она была побѣждена въ борьбѣ и забрызгана грязью; правительство сорвало съ себя ореолъ и очутилось передъ разореннымъ и озлобленнымъ народомъ. Хотя аристократія и деспотизмъ, опирающійся на аристократію, не могли разрѣшить вопроса, поставленнаго государству новымъ сфинксомъ, т. е. появленіемъ интеллигенціи, но результаты ихъ вліянія были менѣе гибельными, чѣмъ результаты вліянія духовенства.

Дворянство вмѣстѣ съ государями разоряли народъ и только; они не умѣли превращать его въ фанатическихъ своихъ единомышленниковъ. Тамъ-же, гдѣ верхъ брало духовенство, оно вызывало въ народѣ религіозный фанатизмъ, направляло его противъ всякаго разномыслія, противъ всякой интеллигенціи и заставляло его съ восторженнымъ ожесточеніемъ собственными руками уничтожать всѣ источники своего счастья и своего благосостоянія. Въ Испаніи и въ Италіи народъ былъ сравнительно развитой; въ XVI-мъ вѣкѣ народная масса вмѣстѣ съ среднимъ сословіемъ произвели въ Испаніи до того успѣшное движеніе противъ короля и аристократіи, что одно время Испанія управлялась какъ республика; въ Неаполѣ въ XVII-мъ вѣкѣ народъ точно такимъ-же образомъ захватилъ властъ въ свои руки. Но фанатизированный духовенствомъ и относившійся враждебно къ интеллигенціи, онъ не могъ удержать за собою власть потому, что на его сторонѣ не оказалось достаточно интеллигентныхъ элементовъ, способныхъ одолѣть въ борьбѣ.

Въ этомъ отношеніи политическая борьба Англіи представляетъ совершенно другую картину; втеченіе долгаго, смутнаго времени XVII-го вѣка пресса и интеллигенція играли весьма выдающуюся роль и доказали свою силу; Кромвель могъ одолѣть и короля, и аристократію, и парламентъ только потому, что онъ прекрасно понималъ значеніе интеллигенціи. Къ индепендентамъ, на которыхъ онъ опирался во время борьбы, принадлежала вся интеллигенція, защищавшая свободу мысли, слова и вѣры. За выдающимися по своей интеллигентности людьми онъ ухаживалъ даже и тогда, когда они относились къ нему враждебно; секретъ его

генія заключался въ томъ, что онъ имѣлъ замѣчательный даръ угадывать въ людяхъ интеллигентность. Хотя побѣда народа въ союзѣ съ среднимъ сословіемъ и съ интеллигенціей надъ королемъ, аристократіей и духовенствомъ господствующей церкви оказалась непрочной, но вліяніе интеллигенціи при Кромвелѣ и во время агитаціи вторичной революціи такъ утвердилось, что господство общественнаго мнѣнія упрочилось навсегда. Это общественное мнѣніе говорило именемъ народа и государства, возвысило и упрочило патріотизмъ, государство стало выше его правителей, а съ тѣмъ вмѣстѣ начала пускать корни идея общественнаго блага. На материкѣ Европы повсемѣстно проповѣдывалась преданность лицу: духовенство требовало преданнось лицу несуществующему — богу, государственные люди — преданнось государю; о томъ, чтобы могло существовать такое чувство, какъ преданность народу, никто и не думалъ. Что такое народъ? Нѣчто низкое, презрѣнное: кто опирается на народъ, опирается на грязь, говорилось у Макіавелля. Англійская интеллигенція первая провозгласила, что и король, и аристократія, и духовенство порожденіе народа и существуютъ для народа, — и заставила ихъ торжественно признать это правило основнымъ закономъ своего поведенія.

Интеллигенція, создавшая общественное мнѣніе и рѣшавшая такимъ образомъ кому должна принадлежать власть, отъ кого и къ кому она должна переходить, выставляла свои требованія во имя общественнаго блага и иначе дѣйствовать не могла. Правители оставались развратниками, грубыми честолюбцами, мерзавцами и взяточниками, но общественное мнѣніе имѣло на нихъ все болѣе облагораживающаго вліянія. Съ другой стороны строгая критика ихъ поведенія не давала народу возможности ихъ идеализировать; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ сравнить взглядъ англичанъ на Кромвеля со взглядомъ французовъ, Европы и исторіи на Людовика XIV-го. Въ сущности оба были выскочками, оба были первыми представителями деспотическаго управленія въ странѣ, Кромвель былъ даже менѣе новъ, чѣмъ Людовикъ XIV. Протекторъ былъ необыкновенно даровитый человѣкъ и все таки оцѣненъ былъ народомъ по своему достоинству; страна поняла правильно значеніе деспотическаго режима и отвергла его навсегда. Людовикъ XIV былъ посредственностью; не онъ былъ

виноватъ, если въ его царствованіе велись блестящія войны и одерживались великія побѣды. Конде, Тюреня и пр. онъ получилъ по наслѣдству вмѣстѣ съ короною; когда ему самому пришлось выбирать, когда некому было водить его на помочахъ, тогда выборъ его падалъ на жалкихъ и посредственныхъ людей въ родѣ Лувиля, Вильруа и т. п.; помимо великихъ своихъ совѣтниковъ онъ дѣлалъ непростительныя глупости, на которыя такъ горько жаловался Кольберъ, и погубилъ этимъ Францію. Однако-же его бездарность не только не была обнаружена французами, напротивъ, они идеализировали его безъ всякой мѣры, и эта гнусная гадина въ глазахъ французовъ и историковъ превратилась въ великаго государя.

Господство общественнаго мнѣнія составляетъ по сравненію съ предшествующимъ временемъ болѣе высокую ступень нравственности; между тѣмъ такой взглядъ на нравственность до того чуждъ намъ, что политическія идеи и нравственность считаются двумя разнородными сферами. Идеи нравственности создаются исключительно ради урегулированія отношеній человѣка къ другимъ людямъ, т. е. обществу. Почему мы признаемъ пьянство, половой развратъ безнравственными? Потому, что человѣкъ вредитъ этимъ себѣ, своему здоровью? Нѣтъ. Человѣкъ можетъ вредить своему здоровью различнымъ образомъ, напр. постной пищей, несвоевременнымъ купаньемъ, слишкомъ легкой одеждой въ холодное время, портящимъ зрѣніе чтеніемъ; однакоже никому не придетъ въ голову назвать эти поступки безнравственными. Пьянство-же и половой развратъ потому называются безнравственными, что они безстыдство, общественный соблазнъ, говорятъ моралисты. Они разрушаютъ правильный взглядъ человѣка на семейныя и общественныя обязанности и у тѣхъ, кто имъ предается и у другихъ; вырождаясь въ неодолимую страсть, дѣлаютъ человѣка грубо импульсивнымъ, отвергающимъ основныя свои соціальныя и альтруистическія обязанности. Но если справедливо, что идея нравственности создается для установленія правильныхъ отношеній между людьми и что безнравственно все то, что уродуетъ взглядъ человѣка на его альтруистическія обязанности, то политическіе взгляды людей сдѣлаются тотчасъ-же корнемъ всякой идеи нравственности. Вовсе не все равно, считаетъ-ли человѣкъ основной своей политической обязанностью

служеніе лицу государя, аристократическому семейству или народу, обществу и государству. Первый взглядъ заставляетъ его смотрѣть на народъ, какъ на нѣчто низкое, презрѣнное, не достойное вниманія, обязанное влачить свое существованіе въ грязи и бѣдности и идеализировать государей и аристократическія семейства. Этимъ опредѣляется все его поведеніе, онъ дѣлается человѣкомъ, презирающимъ идею общаго блага, антиобщественнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ врагомъ идеи нравственности — безнравственнымъ. Между тѣмъ такое антинравственное или безнравственное настроеніе было общимъ настроеніемъ населенія Европы въ XVII-мъ вѣкѣ.

Замѣна идеализаціи государей, дворянства и высшаго духовенства идеей общественнаго блага въ Англіи и Голландіи составляла первый краеугольный камень для построенія идеи нравственности. Конечно стремленіе къ общественному благу было еще очень слабо, оно не могло выдержать сравненіе съ могуществомъ религіозной идеи. Вещь вполнѣ понятная: религіозный инстинктъ насаждался и укоренялся въ человѣчествѣ втеченіе десятковъ тысячелѣтій, а стремленіе создать въ людяхъ нравственный инстинктъ только что появилось. До появленія англійскихъ и голландскихъ порядковъ общественный интересъ, общее благо были не только предметомъ пренебреженія, но предметомъ ненависти. Государи и аристократія были насквозь пропитаны хищническими наклонностями; кромѣ хищническихъ инстинктовъ въ нихъ ничего и не было. Всѣ ихъ помыслы сосредоточивались на войнѣ, они или стяжали лавры грабежомъ сосѣдей или грабили своихъ подвластныхъ ради стяжанія лавровъ. По нравственному своему облику они какъ разъ подходили къ разбойникамъ-бедуинамъ аравійскихъ и африканскихъ степей: величественная осанка, благородное гостепріимство, месть смертью за малѣйшее оскорбленіе, изящныя манеры, страсть къ блеску, а прежде и болѣе всего страсть къ грабежу.

Въ тѣ времена государство нерѣдко вело одновременно нѣсколько войнъ. Подданные смотрѣли на государей и на государственную власть прямо какъ на грабителей, которые готовы отнять у каждаго послѣднее имущество, для этого имъ стоило узнать о его существованіи. Скрывать свое имущество, притворяться нищимъ и бѣднымъ составляло для гражданина правило житейской мудро-

сти, единственное условіе для своего спасенія отъ голода и нужды. Государство было въ ихъ глазахъ ненавистнымъ грабителемъ, а идея общественнаго блага просто предлогомъ грабежа. Побѣда средняго сословія въ Англіи внесла въ сферу управленія новый элементъ. Наиболѣе вліятельную часть средняго сословія составляли купцы, инстинкты которыхъ были прямо противоположны стремленіямъ государей и аристократіи. Государи и аристократы привыкли брать все силой и удовлетворять своимъ потребностямъ насиліемъ и терроромъ; купецъ-же торговалъ, онъ могъ обогащаться только умѣньемъ угадывать потребности другихъ людей и соблазнять ихъ товаромъ, который имѣлъ въ ихъ глазахъ наибольшую цѣну. Государи и аристократія были людьми высокомѣрно презирающими народъ; купечество-же и интеллигенція людьми склонными изучать его потребности; это внесло совершенно новый духъ въ управленіе. Государи и аристократія одушевлены были страстью къ войнѣ, купечество-же ненавидѣло войну и жаждало мира. Для государей и аристократіи было безразлично, богатъ народъ или бѣденъ, имъ нужно было, чтобы онъ на нихъ работалъ, сражался въ ихъ арміяхъ и доставлялъ имъ славу; купечеству-же нужно было, чтобы народъ пользовался благосостояніемъ, чтобы его денежныя средства были велики, потому что, чѣмъ болѣе онъ имѣлъ, тѣмъ болѣе онъ покупалъ. Для купца это было дѣломъ первостепенной важности; если, благодаря возроставшимъ заработкамъ народа и усиленнымъ его покупкамъ, онъ дѣлалъ въ годъ четыре оборота капиталомъ вмѣсто двухъ, его процентъ удвоивался.

Купцу нужно было, чтобы работникъ сходилъ съ земли и дѣлался высоко-вознаграждаемымъ искуснымъ производителемъ предметовъ для заграничной торговли. Этимъ онъ расширялъ торговлю купца, во первыхъ открывая ему заграничный рынокъ, во вторыхъ увеличивая собственную покупную силу и въ третьихъ увеличивая количество земли въ рукахъ земледѣльцевъ и увеличивая этимъ покупную силу земледѣльцевъ. Аристократія стремилась увеличивать подати и сборы съ народа, купечество стремилось ихъ уменьшить и урегулировать, чтобы человѣкъ могъ спокойно пользоваться своимъ достояніемъ, не опасаясь, что онъ будетъ ограбленъ государствомъ; чтобы онъ началъ работать для того, чтобы прожить и пересталъ прикидываться нищимъ. Воз-

ставая противъ режима Людовика XIV-го и идеализируя собственность, англійское купечество и англійская интеллигенція дѣлали дѣло весьма популярное; тогда собственность защищалась народомъ и передовыми людьми и втаптывалась въ грязь аристократіей и правителями, стремившимися распоряжаться въ чужомъ карманѣ, какъ въ своемъ собственномъ. Ни машинъ, ни фабрикъ тогда еще не было, и купечество имѣло болѣе общихъ интересовъ съ интеллигенціей и съ народомъ, чѣмъ съ аристократіей и съ правителями. По нравамъ своимъ оно было близко къ интеллигенціи и къ народу и очень далеко отъ аристократіи; оно презиралось аристократіей наравнѣ съ народомъ и интеллигенціей, и отличалось наклонностью къ экономіи и простотѣ въ своей жизни, въ то время, когда аристократія стремилась къ блеску и къ роскоши. Не будучи въ состояніи уничтожить вонючественный задоръ дворянства, купечество направило его на путь господства надъ морями и пріобрѣтеніе колоній; уже Кромвель морскими побѣдами унизилъ Голландію и Испанію.

Гораздо естественнѣе было-бы ожидать, что центромъ промышленности и торговли сдѣлаются Франція, Испанія и Португалія, а вовсе не Англія и не Голландія. Испанія и Португалія составляли одно государство, обладали самымъ искуснымъ и промышленнымъ населеніемъ въ Европѣ, самыми многочисленными и богатыми колоніями, торговыми портами и на океанѣ и на Средиземномъ морѣ; однимъ словомъ они были естественнымъ узломъ, связывавшимъ Европу съ Азіей, Африкой и Америкой. Если вспомнить, что Севилья была во всѣхъ отношеніяхъ цивилизованнымъ городомъ въ то время, когда Лондонъ былъ полудикой деревней, то будетъ понятно, сколько варварскихъ усилій должно было сдѣлать христіаннѣйшее духовенство, чтобы помѣшать этой цвѣтущей странѣ сдѣлаться всемірнымъ центромъ. Франція такъже, какъ Испанія, имѣла порты и на Средиземномъ морѣ и на океанѣ, она отличалась разнообразіемъ климата и произведеній, гораздо лучшей почвой, чѣмъ Англія и Голландія, она составляла такое многолюдное и могущественное государство, что для нея ничего не стоило-бы имѣть флотъ, способный дать ей исключительное господство на морѣ и устранить всякую другую конкуренцію. Ея интеллигенція обладала самыми блестящими способностями; въ XVI-мъ вѣкѣ въ ней распространилась религія, которая весьма

располагала къ развитію въ странѣ самоуправленія, и воспитанный въ этой религіи Генрихъ IV сдѣлался обожаемымъ страною королемъ; онъ имѣлъ огромное вліяніе на общество. Этотъ государь управлялъ страною чрезъ знаменитаго гугенота Сюлли. Все предвѣщало для Франціи нормальное развитіе; интеллигенція, промышленность, учрежденія самоуправленія должны были такъ быстро развиваться съ распространеніемъ ученія гугенотовъ, какъ они развились въ Англіи съ распространеніемъ ученія пресвитеріанъ и индепендентовъ; католичество падало-бы постепенно вмѣстѣ съ деспотизмомъ, ходъ французской исторіи былъ-бы нормальный. Въ Наваррѣ, Беарнѣ и другихъ гугенотскихъ центрахъ идея самоуправленія пустила такіе глубокіе корни, что они сохранили свою конституцію до самой великой революціи. Самое слово «гугенотъ» обозначало человѣка, ненавидящаго царскій и аристократическій деспотизмъ и стоящаго за народный союзъ. Но католики измѣнически убили Генриха IV-го, власть попала въ руки властолюбивыхъ иностранцевъ Ришелье и Мазарини, которые исказили исторію Франціи, водворивъ въ ней деспотизмъ и гоненіе на умственную жизнь; геній народа они все таки убить не могли, но на мѣсто нормальнаго развитія стала тяжкая борьба; —подъ гнетомъ королевскихъ палачей интеллигенція томилась цѣлое столѣтіе, и дѣло кончилось кровавой расправой съ деспотизмомъ во время революціи.

Англійское и голландское купечество нашли вполнѣ заслуженный источникъ благосостоянія въ развитіи торговли и промышленности страны. Вслѣдствіе ихъ наклонности къ бережливости процентъ на капиталъ постоянно понижался и это давало возможность заработной платѣ возрастать. Все направленіе тогдашней жизни способствовало такому возрастанію; жестокіе законы о бродяжествѣ и ремесленные уставы Елизаветы, этого тирана, царившаго надъ страною съ помощью изобрѣтенныхъ ею судебныхъ коммиссій, пришли въ забвеніе втеченіе смутнаго времени; постоянно возрастающая подать для бѣдныхъ не давала народу пріучаться къ нищетѣ и нищенскимъ заработкамъ; созданныя для ограниченія власти королей законы о наемномъ войскѣ, возвышали его заработную плату такъ, что она стояла значительно выше, чѣмъ на материкѣ Европы, и этимъ благопріятно вліяли на рабочій рынокъ; широкая возможность переселяться въ плодоносныя и

многоземельныя колоніи, гдѣ люди быстро богатѣли и находить неслыханной высоты заработки не только въ густо населенной Индіи, но даже въ бѣдной Россіи; — все это вмѣстѣ способствовало процвѣтанію рабочаго населенія. Въ то время, когда хищническія наклонности и религіозные инстинкты высшихъ классовъ на материкѣ Европы вмѣсто того, чтобы способствовать развитію тѣхъ условій благоденствія, которыя создавались появленіемъ интеллигенціи и науки, ставили для такого развитія неодолимыя препятствія, единственными странами, вышедшими на истинный путь, были Англія и Голландія.

На материкѣ вмѣсто идей, помогавшихъ народу свободно настаивать на удовлетвореніи своихъ потребностей, возвышавшихъ значеніе общаго блага и создавшихъ господство общественнаго мнѣнія, царили воинственный и религіозный задоръ; — интеллигенція и наука должны были служить этому задору. Вмѣсто исправленія и направленія къ цѣлямъ общаго блага безчисленныхъ организацій, тогда существовавшихъ и построенныхъ на ложныхъ началахъ, интеллигенція должна была служить орудіемъ для уничтоженія этихъ организацій и для водворенія деспотизма, имѣвшаго одну заботу, ставившаго себѣ одну цѣль, понимавшаго одну славу — войны и грабежа. Войнѣ и грабежу должно было служить все, для нихъ жертвовалось всѣмъ. Если интеллигентность и трудъ находили какой нибудь новый источникъ благосостоянія, плоды этого труда разыскивались прозорливыми служителями тиранін и отбирались для войны или захватывались грабителями солдатами, и это называлось водвореніемъ порядка, замѣнявшаго, будто-бы, анархію среднихъ вѣковъ. Все, что создалось развитіемъ, разрушалось тиранією правителей; наука и правители работали въ противоположныхъ направленіяхъ.

Въ то время, когда образъ мыслей и образъ дѣйствія государей шолъ въ такой степени на перекоръ потребностямъ цивилизаціи, народы должны были или молчать или восторженно восхищаться ими. Вся ихъ жизнь, все ихъ благоденствіе зависѣло отъ этого образа мыслей и все таки они не смѣли вставить свое слово, выразить свое порицаніе. Только Англія и Голландія тяжкой борьбой отвоевали себѣ право думать и обсуждать въ политикѣ, выражать свое мнѣніе, критиковать правителей, просить и домогаться удовлетворенія своихъ нуждъ. Среди такой борьбы поши-

маніе истинной цѣли, къ которой они стремились сдѣлалось для нихъ до того яснымъ, что измѣнило въ ихъ глазахъ понятіе о свободѣ; они заговорили не о свободѣ, но о свободахъ общинъ, понимая подъ этимъ словомъ политическія права общинъ, которыя давали имъ возможность вліять на правительство. Но и тутъ голосъ народа былъ еще такъ слабъ, что англійская королева Анна могла воображать, что она правитъ по божескому праву и что въ ея королевствѣ все дѣлается такъ-же, какъ во всякомъ другомъ деспотическомъ государствѣ, пока ей не пришлось неожиданно разочароваться въ этомъ. Если-бы стремленіе установить господство общественнаго мнѣнія, которое, постоянно мѣняясь, зависѣло отъ всѣхъ гражданъ и ни отъ кого въ особенности, точно такъ-же, какъ общее мышленіе организма зависѣло отъ всѣхъ клѣтокъ организма и не отъ одной въ особенности, не было-бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ существованія и развитія раздѣленія труда, то это господство общественнаго мнѣнія, при слабомъ сочувствіи ему и при силѣ его враговъ никогда-бы не пустило глубокихъ корней. Но, побуждаемое развивающейся интеллигенціей и наукой, раздѣленіе труда шло все далѣе съ неодолимой силой, создавало общіе интересы и вызывало общее мышленіе. Общее мышленіе развивалось въ обществахъ путемъ тѣхъ-же побужденій, которыя заставляли его развиваться въ организмахъ. Надо было достигнуть того, чтобы рѣчь человѣческая начала выполнять свое назначеніе, чтобы слышащее ухо и читающій глазъ приняли на себя роль нервовъ въ государственной организаціи, чтобы весь народъ узналъ о бѣдствіяхъ каждой своей группы и чтобы каждая группа крикомъ о своихъ страданіяхъ могла причинять всему народу такую-же боль, какую клѣтки причиняютъ организму посредствомъ нервовъ.

Отдѣлъ Четвертый

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

XVIII-ый вѣкъ. Всеобщій международный грабежъ и разбой вызываетъ новыя идеи и такъ называемый просвѣщенный деспотизмъ. Несообразности идеи просвѣщеннаго деспотизма вызываютъ ея поправку — энтузіазмъ демократическаго управленія и идею свободы, равенства и братства.

Если человѣкъ существовалъ трудомъ, нужнымъ не для него лично, но для другихъ людей и для общества, то онъ ставилъ себя этимъ въ ту зависимость отъ общества, въ которой естественно находилась клѣточка животнаго организма, получившая спеціальное назначеніе и спеціальную дѣятельность. Отсюда неизбѣжно вытекала потребность общаго мышленія. Путь, которымъ создавалось общее мышленіе, былъ другой, но причины, его развивавшія, были однѣ и тѣ-же. Въ организмѣ солидарность существовала уже съ самаго начала, ея потребности вызывали спеціальную дѣятельность отдѣльныхъ клѣточекъ. Спеціальная дѣятельность мѣшала клѣточкѣ отдѣлиться и составить самостоятельный организмъ, но за то-же выработывала общее мышленіе организма на началахъ взаимности и солидарности клѣточекъ. Общество че-

ловѣческое, даже въ формѣ своего первоначальнаго зародыша — семейства, отличалось уже меньшей солидарностью, чѣмъ организмъ; но за то-же самое семейство было порожденіемъ органически выработавшагося стремленія укрѣпить и создать между отдѣльными особями такую-же солидарность, какая существовала внутри организма. Это стремленіе, какъ мы видѣли, постоянно развивалось вмѣстѣ съ совершенствованіемъ организмовъ, а въ человѣкѣ порождалось существенными человѣческими потребностями; прежде всего потребностью въ томъ союзѣ для общей защиты и общей работы, который превратилъ животную стадность въ человѣческую организацію. Хотя человѣкъ съ самаго начала отличался способностями несравненно болѣе высокаго порядка, чѣмъ всѣ животныя, такъ что онъ сейчасъ замѣнилъ стадность сознательной организаціей, но онъ втеченіе многихъ тысячелѣтій своего дикаго, а потомъ культурнаго существованія нуждался въ этой организаціи только въ качествѣ второстепеннаго условія своей жизни. Семейство, сидѣвшее на землѣ, производило все или почти все нужное для его обезпеченія личнымъ своимъ трудомъ. Правда, оно не могло обойтись безъ общественной организаціи, но если организація составлялась помимо его и брала съ него не дорого за защиту, оно легко успокоивалось на этомъ и создавало въ государствѣ безучастный къ организаціи, консервативный элементъ. Оно поддерживало инстинктивную организацію съ эксплуатирующей властью на верху посредствомъ своихъ консервативныхъ стремленій и глубоко укоренившихся въ немъ обычаевъ повиновенія. И все таки такія организаціи не могли держаться по самому существу человѣчестой природы — въ нихъ не было условія равновѣсія, которое дается только солидарностью интересовъ.

Когда однажды мысли и страсти организаторовъ направлялись на эксплуатацію трудящагося населенія, потребность дѣятельности вела ихъ все далѣе по этому пути, пока они не встрѣчали неодолимаго сопротивленія; энергичные вырывали власть у бездѣятельныхъ и неуклонно продолжали усугублять тягость эксплуатаціи. Если бездомный пролетаріатъ, если люди, во всемъ своемъ существованіи вполнѣ зависящіе отъ общества, не создавались сами собою, организаторы создавали ихъ посредствомъ порабощенія. Въ этомъ бездомномъ населеніи пробуждалась потребность въ

самодѣятельной организаціи, составлявшей для него единственное спасеніе; изъ него набирались шайки смѣлыхъ предводителей и они втеченіе всего хода исторіи превращали всѣ государства, созданныя прирученіемъ, въ анархію. Съ появленіемъ точныхъ наукъ и интеллигенціи раздѣленіе труда, ставившее человѣка во всемъ своемъ существованіи въ полную зависимость отъ общества, развивалось до того, что оно распространялось даже и на тѣхъ, которые на первый взглядъ оставались вполнѣ въ первобытныхъ условіяхъ. Возьмемъ для примѣра нашего государственнаго крестьянина, живущаго отъ своего надѣла. Положимъ, онъ по трехпольной системѣ сѣетъ изъ году въ годъ только рожь, овесъ и ленъ. Ленъ и овесъ онъ продаетъ. Болѣе полугода онъ работаетъ на лошади по найму; мясо, масло, творогъ, шерсть отъ овецъ и скота онъ продаетъ; для личнаго его употребленія у него не остается и третьей части его произведеній. Только одно сознаніе своего невѣжества и своей неспособности могло еще удерживать этихъ людей отъ стремленія вліять въ свою пользу на государство и общество, а затѣмъ по возможности ставить его отъ себя въ зависимость; только природная апатія могла побуждать ихъ ограничиваться пассивнымъ повиновеніемъ. Но чтобы ихъ научить тому, передъ чѣмъ они отступали по слабости и недальновидности, существовала интеллигенція, которая еще болѣе народа находилась въ полной зависимости отъ общества, для которой унизительное пассивное повиновеніе и его послѣдствіе идейная безпомощность составляло невыносимую пытку; — она при этомъ теряла человѣческій образъ. Вотъ та глубокая причина, по которой неизбѣжно долженъ былъ появиться и развиваться порядокъ, водворявшій господство общественнаго мнѣнія въ государствѣ.

Государи, которые стремятся укрѣпить свою власть, подчиняя себѣ населеніе посредствомъ исключительнаго господства бюрократіи и одной религіи, поступаютъ очень легкомысленно. На нѣкоторое время они могутъ имѣть успѣхъ, но такая недальновидная политика, заботящаяся только о сегодняшнемъ днѣ, полна для нихъ великимъ горемъ въ будущемъ. Подавляя потребности, неизбѣжно вызываемыя условіями жизни, они порождаютъ глухое ожесточеніе, болѣе всего опасное для нихъ самихъ; дальновидная политика должна побуждать ихъ замѣнять бюрократическія учрежденія избирательными такимъ образомъ, чтобы потребность въ

нихъ была вполнѣ удовлетворена, — только тогда положеніе ихъ будетъ прочнымъ. Все искусство государственныхъ людей должно заключаться въ томъ, чтобы ставить новыя учрежденія въ нормальныя успокоивающія, а не въ раздражающія общество условія. Послѣдствія указанной выше государственной политики вполнѣ обнаружились въ исторіи XVIII-го вѣка. Франція изъ числа всѣхъ государствъ всего энергичнѣе стремившаяся къ централизаціи, къ бюрократіи, національному и религіозному единству, сдѣлавшаяся образцомъ для всеобщаго подражанія, стала первая центромъ, изъ котораго вышли новыя идеи и первая тяжко пострадала отъ фатальной своей ошибки.

Наклонности государей и ихъ аристократій проявились въ началѣ XVIII-го вѣка во всей своей силѣ; вся Европа изъ конца въ конецъ воевала. Западная ея часть вовлечена была въ войну затѣями Людовика XIV-го, восточная Карломъ XII-мъ съ его разбойничьей шайкой, грабившей вездѣ, гдѣ еще осталось сколько нибудь не разграбленнаго имущества. Не только Россія и Испанія, но и Англія и Турція были вовлечены въ эту бойню, обнимавшую цѣлую часть свѣта. Англія имѣла по крайней мѣрѣ то преимущество, что она платилась только деньгами и людьми, ея территорія подвергалась въ меньшихъ размѣрахъ опустошенію; а потому она могла сравнительно процвѣтать въ то время, когда на материкѣ Европы погибалъ и клонился къ упадку послѣдній уголъ, гдѣ пріютились торговля и промышленная дѣятельность, территорія, составляющая нынѣ Голландію и Бельгію. Благодаря давленію воинственной Европы въ Голландіи республика замѣнилась наслѣдственными государями, которые въ родѣ знаменитаго злодѣя герцога Брауншвейгскаго развивали въ дворянскомъ духѣ сухопутную армію на счетъ флота; благосостояніе и прогрессъ въ Голландіи были погублены навсегда. Страна получила такой видъ, какой имѣли цвѣтущіе центры магометанской цивилизаціи послѣ туранскихъ набѣговъ. Подобное-же вліяніе отразилось и на Швейцаріи, гдѣ въ XVIII-мъ вѣкѣ все пошло назадъ. На Англіи безумная политика грабежа также отозвалась въ достаточной мѣрѣ; въ 1690-мъ году ея государственный долгъ составлялъ 60,249.250 р., а въ 1748-мъ году 782,933.130 руб.; втеченіе полувѣка онъ увеличился болѣе чѣмъ въ десять разъ. Государи вырывали другъ у друга изъ пасти области и государства; чѣмъ далѣе они шли

по этому пути, тѣмъ болѣе въ нихъ разгорался аппетитъ къ набѣгамъ и репрессаліямъ и тѣмъ безцеремоннѣе они становились въ измышленіи предлоговъ войны. Рѣзня не мѣшала имъ раззорять своихъ подданныхъ столь-же безумною роскошью и пышностью; мущины кокетничали платьемъ такъ же, какъ у насъ женщины, мильоны тратились на одинъ гардеробъ.

Самое-же печальное заключалось въ томъ, что государи старались прививать своимъ подданнымъ и свои наклонности и свой взглядъ на вещи. Въ летучей и наиболѣе читавшейся печати цензура воспрещала все, кромѣ религіозной проповѣди, восхваленія славныхъ подвиговъ войска своего отечества, описанія церемоній и пышныхъ праздниковъ при дворѣ. Военное искусство и искусство изобрѣтать праздники и увеселенія считалось вмѣстѣ съ набожностью наиболѣе похвальнымъ дѣломъ. Такимъ образомъ Европѣ готовилась участь Испаніи, гдѣ все трудолюбивое и интеллигентное было истреблено и все населеніе было превращено въ беззаботныхъ лѣнтяевъ, гордившихся своимъ тунеядствомъ и своей грязью, любившихъ только церемоніи, азартныя игры и звѣрскія потѣхи. Такое настроеніе до того противорѣчило новому направленію наукп, что должно было вызвать энергическій протестъ со стороны интеллигенціи. Въ Англіи господствовалъ прямо противоположный духъ, тамъ стремились вырабатывать въ народѣ трудолюбіе и умственную жизнь: — интеллигенція, желая создавать общественное мнѣніе, пріучалась интересно и увлекательно излагать серьезныя вещи. Французы, какъ наиболѣе даровитый народъ, стали подражать имъ въ этомъ. Слава, еще недавно покрывавшая ихъ, замѣнялась безславіемъ: они жаждали играть по прежнему первую роль на материкѣ Европы и были недовольны своимъ правительствомъ, которое разожгло въ нихъ самолюбіе и теперь не умѣло его удовлетворять. Мѣсто правительства въ ихъ сердцахъ заняли философы и писатели: ихъ смѣлыя идеи и пламенное краснорѣчіе очаровывали французовъ и всю Европу. Они дерзко осмѣивали все то, что правительство признавало основою государственнаго порядка; на мѣсто національнаго единства они проповѣдывали космополитизмъ, религіозное единство, установившееся такой дорогой цѣной, они убивали проповѣдью атеизма и т. д. Тогда правительство могло вполнѣ понять, какъ дурно и неосторожно оно поступало, принимая на себя роль покровителя

и распространителя господствующей религіи. Если-бы оно держало вѣсы между всѣми видами религіозныхъ и научныхъ міровоззрѣній исключительно съ точки зрѣнія государственнаго порядка, его положеніе было бы удобное, оно бы мѣняло свой образъ дѣйствій въ томъ самомъ направленіи, въ которомъ мѣнялось общественное мнѣніе; но въ качествѣ покровителя католической религіи оно конечно не могло этого сдѣлать; ему пришлось преслѣдовать писателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ стать въ оппозицію къ собственнымъ подданнымъ.

Иностранные государи, разумѣется, пользовались этимъ, чтобы возбуждать французскій народъ противъ его правительства. Фридрихъ Великій поддерживалъ Вольтера и его школу и весьма способствовалъ громадному его вліянію на Европу. Екатерина поддерживала Дидро и энциклопедистовъ, австрійское правительство поддерживало философскіе салоны. Кончилось тѣмъ, что въ то время, когда Фридрихъ Великій стоялъ одинъ съ своимъ войскомъ противъ всей Европы и заслужилъ себѣ славу великаго полководца, французское правительство стояло также одно въ борьбѣ съ своими философами и мыслителями, которые съ помощью иностранныхъ государствъ возбудили небывалый въ исторіи энтузіазмъ, подымавшій французовъ противъ деспотизма. Слава въ этомъ случаѣ досталась однако-же не французскому правительству, которое вышло изъ борьбы опозореннымъ и обрызганнымъ грязью, а философамъ и мыслителямъ. Эти ученые до такой степени измѣнили воззрѣнія всей образованной Европы, что даже въ самыхъ реакціонерныхъ странахъ, въ Испаніи, Португаліи, Италіи государственные люди стали въ управленіи своемъ руководствоваться воззрѣніями, прямо противоположными тѣмъ, которыхъ они держались прежде. Изгнаніе іезуитовъ изъ наиболѣе преданныхъ католичеству странъ стало знаменіемъ времени. Католическія правительства ратовали противъ католическаго духовенства и противъ народа, который былъ преданъ ему; государственные люди, сами дворяне, ненавидѣли и преслѣдовали дворянъ; случалось, что они, въ особенности на югѣ, съ безцеремонной жестокостью низвергали то, чему прежде поклонялись. У государей явилась сильно распространенная наклонность къ просвѣщенному деспотизму.

Однако-же не Вольтеръ, возведенный на пьедесталъ величайшимъ авторитетомъ того времени, Фридрихомъ Великимъ; не

Дидро, не философскіе салоны овладѣли сердцемъ народовъ. Сердцемъ этимъ овладѣлъ Руссо и сдѣлался самымъ обильнымъ источникомъ энтузіазма. Его никто изъ великихъ міра не провозглашалъ величайшимъ авторитетомъ, никто изъ сильныхъ не дѣлалъ его орудіемъ своей политики. Втеченіе всей своей жизни онъ влачилъ жалкое существованіе отверженнаго интеллигентнаго пролетарія; онъ былъ такъ бѣденъ, что не могъ найти себѣ образованной жены, не могъ воспитать семейства. Онъ погибалъ и прославляемый и ненавидимый въ одно и то-же время. Прославлявшіе однако-же не хотѣли ему помочь, а преслѣдовавшіе забивали его въ грязь и оставляли на произволъ голода и нищеты однимъ своимъ отрицательнымъ къ нему отношеніемъ. Все это потому, что онъ былъ представителемъ еще темнаго, невыяснившагося, но глубокаго и вѣрнаго инстинкта, онъ былъ выразителемъ туманной, неопредѣлившейся, но великой идеи. Если духовенство чутко угадало въ идеяхъ Коперника ту науку, которая, развиваясь, должна была убить и уничтожить въ сердцахъ людей религію, то правящіе классы, эксплуатировавшіе народъ, съ тѣмъ же чутьемъ будущаго угадали въ идеяхъ Руссо проявленіе того инстинкта, который погубитъ ихъ систему.

Подвиги, такъ называемаго, просвѣщеннаго деспотизма яснѣе всего показывали людямъ невозможность удовлетворенія существенной потребности общества этимъ путемъ. Что могло быть нелѣпѣе стремленія, опираясь на эксплуататоровъ, истребить эксплуатацію; подобная попытка такъ-же разумна, какъ желаніе остановить падающее тѣло, опираясь на это тѣло. Тутъ было очевидно полнѣйшее непониманіе условій политическаго равновѣсія. Просвѣщенный деспотизмъ брался за истребленіе созданнаго имъ-же самимъ зла чрезмѣрно нерѣшительно и односторонне, самые энергическіе его дѣятели оказывались безсильными, всякое дѣйствіе скоро смѣнялось реакціей; рѣшительнымъ онъ оказывался только тогда, когда одинъ видъ эксплуатаціи замѣнялся другимъ еще болѣе тягостнымъ. Лучшимъ и типическимъ представителемъ просвѣщеннаго деспотизма былъ Фридрихъ Великій. Только деспотическій государь могъ обладать такимъ безграничнымъ бездушіемъ, какимъ обладалъ этотъ человѣкъ. Изъ личнаго властолюбія, будучи государемъ ничтожнаго государства, онъ затѣялъ борьбу съ цѣлой Европой, не думая о томъ, чего будетъ

стоить эта борьба его злополучнымъ рабамъ. Со всѣхъ сторонъ его враги врывались въ его страну, изъ году въ годъ опустошали ее изъ конца въ конецъ, брали его столицу, неистсвствовали въ ней, какъ бѣсноватые. Все, что оставалось у трудящагося населенія послѣ безпримѣрнаго разгрома, отнималъ у нихъ государь на потребности непосильной войны. Торжествовало одно войско, которое одерживало побѣды, грабило и разоряло трудящееся населеніе сосѣдей съ такой-же омерзительной жестокостью, съ какою ихъ собственное отечество разграблялось сосѣдями. Когда эта кровавая бойня кончилась, тогда великій государь, вмѣсто того, чтобы дать трудолюбивымъ своимъ подданнымъ вздохнуть и оправиться, сталъ облагать ихъ новыми, непосильными налогами, чтобы имѣть возможность играть роль государя первостепенной силы и чтобы разбрасывать своимъ военнымъ товарищамъ и дворянамъ десятки мильоновъ субсидій ради ихъ обогащенія. Когда-то его отецъ бралъ со всей Европы дань высокими людьми и мѣнялъ ихъ на искусныхъ ремесленниковъ; Фридрихъ Великій во всѣхъ европейскихъ странахъ разыскивалъ для себя фальшивыхъ монетчиковъ и первостепенныхъ піявокъ, которые умѣли выжимать налоги даже у самыхъ раззоренныхъ и бѣдныхъ людей и наводнилъ этимъ сокровищемъ управляемую имъ страну.

Этотъ человѣкъ, обладавшій всѣми инстинктами и симпатіями великихъ завоевателей и грабителей, Чингисхановъ, Тамерлановъ и прочихъ бичей божьихъ, былъ однако-же до такой степени по натурѣ своей сродни современнымъ ему государямъ, что они всѣ кинулись подражать ему и не могли только потому, что у нихъ не доставало деспотической силы, чтобы налегать на своихъ подданныхъ съ той-же энергіей, съ которой ихъ давилъ этотъ величайшій изъ разбойничьихъ атамановъ. Безспльные въ подражаніи они вмѣстѣ съ своими клевретами и продажными историками прославляли его и составили ему великое имя. По наклонностямъ и нравамъ своимъ они готовы были утратить образъ человѣческій и приблизиться къ дикимъ звѣрямъ и дикими звѣрями дѣлали своихъ подданныхъ, превознося величіе войны и завоеванія. Такіе-ли государи могли выполнить ту политическую задачу, которая лежала на правителяхъ при условіи распространяющейся и укореняющейся науки? — Наука эта оплодотворяла дѣятельность человѣческую во всѣхъ ея отрасляхъ, она требовала мира,

гуманнаго, симпатическаго отношенія человѣка къ человѣку для того, чтобы научная дѣятельность и физическій трудъ могли принести ту громадную пользу, какую они способны были осуществить, помогая другъ другу. Если-бы правители были проникнуты тѣмъ духомъ, какой требовался новыми условіями жизни, они бы не прославляли, а возненавидѣли народный грабежъ; такіе негодяи, какъ Фридрихъ Великій, ненавидѣлись-бы ими такой-же жгучей ненавистью, какой мы ненавидимъ разбойника, явившагося въ нашей средѣ; этотъ могучій инстинктъ продиктовалъ-бы имъ дѣйствительныя средства къ истребленію зла точно такъ-же, какъ онъ продиктовалъ ихъ намъ къ прекращенію разбоевъ. При созданныхъ-же государями условіяхъ международный разбой уничтожалъ почти всю пользу, какую способна была принести человѣчеству наука, и всѣ государственныя реформы дѣлались съ одной цѣлью, приводили къ одному концу: къ увеличенію податей ради успленія войска и накопленія средствъ для успѣха войны.

Раціональная наука конечно не могла слѣдовать тѣмъ безсмысленнымъ инстинктамъ, какимъ слѣдовали до нея, и которые побуждали людей къ организаціямъ, гдѣ весь трудъ человѣка тратился или на войну или на то, чтобы деморализовать высшіе классы разслабляющей, праздной и роскошной жизнію. Люди, способные къ полезной дѣятельности, всю жизнь свою, какъ легкомысленныя дѣвчонки, думали только о нарядахъ, праздникахъ, увеселеніяхъ и любовныхъ интригахъ. Интеллигенція и наука не могли не создать стремленія сдѣлать оплодотворенный ими трудъ наиболѣе полезнымъ, они не могли не понимать, что трудъ долженъ былъ удовлетворять тѣмъ потребностямъ, которыя наиболѣе нуждаются въ немъ; физическій трудъ долженъ былъ превратить бѣдность въ благосостояніе массы, а интеллигенція должна была учить и просвѣщать эту массу. Тогда интеллигенція осталась-бы интеллигентной, она выполняла-бы свое назначеніе тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе вознагражденіе, получаемое ею, переходило за предѣлы ея истинныхъ потребностей, и, конечно, она была-бы неизмѣримо болѣе счастлива, чѣмъ тѣ негодяи и шалопаи, которые теперь составляли питомникъ безпутной лѣни, до идіотизма разслабляющаго разврата и разбойничьихъ инстинктовъ. Къ измѣненію общественной организаціи въ томъ направленіи, которое

требовалось, чтобы наука выполняла свое назначеніе, оплодотворяла трудъ и порождала благосостояніе, оставался одинъ путь: замѣнить организацію, основанную на эксплуатаціи, организаціей, основанной на симпатіи человѣка къ человѣку и на господствѣ общественнаго мнѣнія. Только тогда, когда каждый человѣкъ въ народѣ будетъ имѣть возможность тѣмъ съ большей энергіей заявлять о своей потребности, чѣмъ существеннѣе эта потребность, когда этотъ голосъ будетъ въ силахъ обуздывать эксплуататорскую похоть и ставить власть и силу въ необходимость быть дѣятельными и полезными, только тогда цивилизація и благосостояніе будутъ расти, положеніе общества будетъ улучшаться; и наоборотъ, лишь только голосъ потребностей будетъ заглушаться, общество будетъ неизбѣжно клониться все болѣе и быстрѣе къ своему упадку.

Руссо своей пламенной проповѣдью въ пользу демократическаго управленія разомъ раскрылъ людямъ глаза и показалъ имъ истинную суть ихъ потребности: — только самъ народъ можетъ себѣ помочь, никто ему не поможетъ, если онъ самъ себѣ не поможетъ. Каждый день, каждую минуту подвиги просвѣщеннаго деспотизма убѣждали людей въ непреложности этой наиболѣе несомнѣнной изъ истинъ. Конечно въ своемъ энтузіазмѣ свободы, равенства и братства они являлись легкомысленными мечтателями; но кто-же сдѣлалъ ихъ такими мечтателями? Эксплуататорская похоть и узкая недальновидность правительствъ. Направленіе было вѣрно угадано и притомъ оно составляло единственный истинный путь — и если результаты движенія сопровождались многими печальными послѣдствіями, то объ этомъ можно сказать одно: правители пожали то, что они посѣяли и понесли вполнѣ заслуженное ими наказаніе, а граждане сдѣлались несчастными жертвами режима, въ которомъ ихъ воспитывали правители.

Въ то время, когда на материкѣ Европы мыслители смотрѣли на англійское конституціонное управленіе и господство тамъ общественнаго мнѣнія, какъ на идеалъ государственнаго порядка, англичанамъ, испытывавшимъ послѣдствія условій своей жизни на собственной шкурѣ, пришлось гораздо глубже разсматривать это дѣло и убѣдиться въ такихъ его недостаткахъ, которые даже и предвидѣть было невозможно. Сначала можно было ожидать, что возростающая сила общественнаго мнѣнія приведетъ все въ

порядокъ; она росла, а власть короля и даже власть парламента слабѣла сравнительно съ нею. Правда, что двѣсти тысячъ избирателей, члены парламента, министры были въ такихъ значительныхъ размѣрахъ продажной сволочью, что королямъ легко было заставлять ихъ сознательно дѣйствовать во вредъ англійскому народу и даже предпринимать дорого стоющія войны для цѣлей, вредившихъ ихъ отечеству; но можно было надѣяться, что облагораживающее дѣйствіе общественнаго мнѣнія будетъ постепенно уничтожать эти недостатки. Къ несчастію Англіи на престолъ восходили одинъ за другимъ иностранцы, имѣвшіе другую любимую ими родину и желавшіе превращать Великобританію въ орудіе для цѣлей ихъ отечества, но это не могло продолжаться вѣчно; рано или поздно страна должна была воспитать для себя природныхъ королей. Однако-же изъ самой той политики, которая была обильнѣйшимъ источникомъ благосостоянія народа, произошло явленіе, парализовавшее пользу, извлекаемую народомъ изъ господства общественнаго мнѣнія, и давшее дѣлу обратный ходъ.

Колоніальная политика сдѣлала англичанъ завоевателями и, наконецъ, обладателями одной изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ, воспитанныхъ восточной цивилизаціей. Подъ властью ихъ очутилась Индія, которая по густотѣ и многочисленности своего населенія во много разъ превосходила Англію. Англійская аристократія и буржуазія управляли этой страной деспотически, какъ восточные государи. Разграбляя сокровища, скопившіяся въ рукахъ бывшихъ индѣйскихъ правителей, англичане наживали несмѣтныя богатства и деморализировали правящіе классы своей родины. Случалось, что индѣйскіе губернаторы давали цѣлыя состоянія лицамъ, присылаемымъ къ нимъ на службу съ единственной цѣлью отъ нихъ отдѣлаться. Несмѣтныя богатства, накопившіяся въ высшихъ сферахъ, дѣлали ихъ все болѣе независимыми отъ общественнаго мнѣнія, составился даже заговоръ, который имѣлъ цѣлью, забравъ въ свои руки индѣйскую компанію, установить въ Англіи олигархическое управленіе. Общество понимало, что власть ускользаетъ у него изъ рукъ, и что установленіе демократическаго режима составляетъ единственное средство, которое могло-бы преобразовать англійскія учрежденія и представить противовѣсъ росту деспотическихъ инстинктовъ и деспотической распущенности. Демократическія идеи охватили англійское общество съ еще боль-

нею силою, чѣмъ населеніе материка Европы. Народъ, возбуждаемый интеллигенціей, волновался и возставалъ массами, но къ несчастью онъ только губилъ себя этими волненіями; англичанамъ недоставало того страстнаго, всеобщаго и глубокаго убѣжденія въ необходимости перемѣны, которое одно могло-бы привести къ цѣли. Они понимали, въ чемъ заключаются недостатки общественной организаціи, для нихъ были ясны и тѣ учрежденія, которыми слѣдовало замѣнить негодное; но когда дѣло доходило до исполненія, у нихъ не хватало ни энтузіазма, ни рѣшительности, ни воли.

Приходилось создать деспотическую демократію, — задача, передъ которою нельзя было не призадуматься. Демократическое управленіе считалось тогда для большого государства невозможнымъ и неосуществимымъ; вѣроятно, впрочемъ, что подъ давленіемъ гнетущихъ обстоятельствъ англичане могли рѣшиться на такой экспериментъ. Но вѣдь задача заключалась не въ этомъ: въ Англіи нужно было установить федеративно-демократическій режимъ, при которомъ всѣ правители избирались-бы всеобщей подачей голосовъ, получали-бы умѣренное жалованье и жили-бы съ демократической простотой, — и эти-же самые демократическіе правители должны были деспотически управлять громаднымъ индѣйскимъ царствомъ, по населенію своему равнявшемуся всей западной Европѣ. Правителей приходилось-бы избирать изъ лицъ, избалованныхъ роскошью и деморализованныхъ взяточничествомъ. Сверхъ того высшій классъ въ Англіи вовсе не былъ похожъ на тѣхъ людей, которые на материкѣ Европы низвергались революціями; на материкѣ Европы правящіе классы смотрѣли на народъ, какъ на презрѣнное племя, годное только на то, чтобы давать средства для ихъ забавъ и военныхъ затѣй; они и не думали о томъ, что этотъ народъ составлялъ силу и въ одинъ прекрасный день могъ отомстить за себя — что ихъ система стоитъ на глиняныхъ ногахъ. Развившись подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія правители въ Англіи были гораздо дальновиднѣе, они привыкли опираться на народъ и, удовлетворяя его потребностямъ, составляли себѣ въ его средѣ приверженцевъ, готовыхъ бороться и проливать за нихъ свою кровь. Такой порядокъ нельзя было съ размаху перевернуть вверхъ дномъ, какъ сдѣлано было во время французской революціи.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

XVIII-ый вѣкъ (продолженіе). Учрежденіе федеративной демократіи въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

ЕСЛИ англичанамъ, жившимъ на островѣ Виликобританіи, приходилось глубоко призадумываться передъ ловушкой, въ которую они попали, то въ ихъ обширномъ государствѣ была страна, находившаяся въ такомъ положеніи, при которомъ ей не было никакой надобности мѣшать правильному развитію вліянія общественнаго мнѣнія на правителей государства — то были сѣверо-американскія колоніяльныя земли. У нихъ во власти не было государства, которымъ-бы они управляли деспотически, они не наживались торговлей съ народами, стоявшими ниже ихъ по промышленному развитію, для нихъ богатство края и высшихъ классовъ находилось въ существенной зависимости отъ высокой заработной платы и благосостоянія массъ. У нихъ существовали тѣ условія, изъ которыхъ впослѣдствіи развилась, такъ называемая, американская политическая экономія, доказывавшая, что внутренній обмѣнъ между производителями, а не внѣшняя торговля должны служить главнымъ источникомъ благосостоянія. При новѣйшихъ научныхъ изобрѣтеніяхъ производство могло легко принимать размѣры, которые давали ему возможность заваливать рынки своими произведеніями; дѣло стояло не за производителями, а за покупателями. Даже имѣя въ своемъ распоряженіи всемірный рынокъ англійскіе производители вѣчно страдали отъ недостатка покупателей и отъ чрезмѣрнаго производства. Тѣмъ болѣе это было справедливо для колоніи, наживавшей благосостояніе внутреннимъ обмѣномъ. Слѣдовало устранить всѣ порядки и учрежденія, понижавшія заработки массы трудящихся, для увеличенія покупной силы народа; нужно было создать правительство, котораго личный составъ былъ-бы поставленъ такъ, чтобы имѣлъ интересъ дѣйствовать на пользу рабочаго класса. Если рабочій получаетъ въ мѣсяцъ 60 и 90 рублей, то въ массѣ они составятъ покупную силу, вполнѣ обезпечивающую процвѣтаніе фабрикъ, промышленности и торговли, но если рабочій получаетъ 8 и 12

рублей въ мѣсяцъ, до отсюда прямо выгекаетъ бѣдность и высшихъ и низшихъ.

На материкѣ Европы все было направлено не къ развитію, а къ подавленію благосостоянія рабочихъ; а англійскія учрежденія, принявшія было обратный ходъ, опять стали поворачивать назадъ. Господство общественнаго мнѣнія настолько научило американцевъ предусматривать послѣдствія тѣхъ дѣйствій правительства, которыя, постепенно и незамѣтно увеличивая тягости народа, держали его въ безъисходной бѣдности, что они глубоко возненавидѣли систему своихъ заатлантическихъ господъ и наконецъ рѣшились вступить съ ними въ открытую войну. Когда они побѣдили и отдѣлились, тогда они рѣшились сдѣлать то, что считалось немыслимымъ и неосуществимымъ — учредить въ своей средѣ федеративное демократическое управленіе.

Народовластіе дало народу то, чего онъ добивался. Имущій классъ въ Америкѣ вполнѣ раздѣлялъ предразсудки имущаго класса всего цивилизованнаго міра и стремился къ удешевленію труда и къ уменьшенію заработной платы, но народовластіе дало дѣлу совсѣмъ другой оборотъ. Заискивая на выборахъ у народа, правители страны принимали цѣлый рядъ мѣръ, которыя въ совокупности сдѣлали изъ американскаго рабочаго человѣка, получающаго наиболѣе высокую заработную плату въ свѣтѣ. Правительства штатовъ тратили огромныя суммы, чтобы доставлять народу высоковознаграждаемую работу на льготныхъ условіяхъ и поддерживать этимъ заработную плату на высотѣ, недоступной для другихъ странъ. Штаты раззорялись общественными работами, а трудящійся людъ процвѣталъ. Къ 1843 году всѣхъ долговъ, сдѣланныхъ ради общественныхъ работъ было 430,000,000 рублей. Капиталистамъ при этомъ иногда солоно доставалось; штаты банкротились и не рѣдко распоряжались слишкомъ безцеремонно, страшась жалобъ народа на обремѣненіе налогами. Штатъ Миссисипи отказался платить на свой долгъ проценты, его примѣру послѣдовали Мичиганъ, Индіана и Иллинойсъ, который построилъ каналъ въ 100 миль и желѣзную дорогу въ 130 миль. Пенсильванія послѣ долга въ 80,000,000 объявилась банкротомъ; Мериландъ тоже, построивъ отъ 500 до 600 верстъ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ и накопивъ на каждое семейство 130 рублей долгу. Этотъ штатъ, Алабама, Георгія, Арканзасъ, Флорида, Висконзинъ и

Луизіана обанкротились съ 226,000,000 долга. Не смотря на такой безобразный образъ дѣйствія, обиліе созданныхъ путей сообщенія обогатило не только рабочихъ, но капиталистовъ и весь народъ. Вашингтонъ, Нью-Іоркъ, Огайо, Виргинія, Тенесси, Массачусетсъ, Кентуки, не смотря на огромный долгъ въ 206,000,000 могли оставаться аккуратными плательщиками; а Вермонтъ, Нью Гампширъ, Конектикутъ, Родъ Айландъ, Нью Джерсей, Делаверъ, Сѣверная Каролина, Айова даже вовсе обошлись безъ долговъ. Жизнь Соединенныхъ Штатовъ вызвала другія еще болѣе замѣчательныя явленія.

Стоитъ сравнить государственныхъ людей, руководившихъ американцами въ это знаменательное время съ Кромвелемъ и его сподвижниками, чтобы убѣдиться въ какой мѣрѣ господство общественнаго мнѣнія облагородило тѣхъ людей, среди которыхъ оно дѣйствовало. Вашингтонъ прекрасно понималъ, что созданіе федеративной демократіи доставитъ ему неувядаемую славу и не могъ стремиться, подобно Кромвелю, возложить на себя вѣнецъ государя и тѣмъ испортить свое великое дѣло. Государственные люди, основавшіе Соединенные Штаты, создали черезъ свое вліяніе правительство будущаго, порядокъ, до котораго не доросло ни одно изъ современныхъ государствъ, не исключая самихъ Соединенныхъ Штатовъ. Какъ всякій порядокъ высшаго разряда онъ явился пока временно и изчезъ вмѣстѣ со своими учредителями съ тѣмъ, чтобы возобновиться и создать нѣчто постоянное только въ будущемъ. По этому ихъ по справедливости слѣдуетъ назвать величайшими изъ государственныхъ людей въ исторіи современной западной цивилизаціи. Они были въ одно и то-же время законодателями, правителями страны и умственными ея руководителями. Они находились въ самомъ тѣсномъ обмѣнѣ мыслей съ народомъ и представляли изъ себя всѣ господствовавшія въ странѣ направленія. Ихъ вліяніе выражалось не только въ парламентскихъ рѣчахъ, но и въ господствѣ надъ прессою; они подготовили народъ къ воспріятію новыхъ идей знаменитымъ «Федералистомъ» и другими сочиненіями. Франклинъ считается основателемъ искусства пропогандировать политическія идеи посредствомъ періодической прессы; отъ него считаютъ свое происхожденіе основные пріемы газетчиковъ даже настоящаго времени. Они такъ основательно подготовили народъ къ тому дѣлу, которое ему придется

дѣлать, что оно у нихъ сразу пошло и неправленная конституція государства держалась очень долго съ ничтожными измѣненіями. такъ-же мало измѣнились и конституціи отдѣльныхъ штатовъ. Самое-же главное заключалось въ томъ, что они внушили странѣ патріотизмъ, основанный на сознаніи единства народа и правительства.

Только въ новѣйшее время мы встрѣчаемъ живой обмѣнъ мыслей между государственными людьми и народомъ, но этого недостаточно; — правителями должны быть лишь тѣ люди, которые господствуютъ надъ прессою и составляютъ источникъ, откуда народъ почерпаетъ свои политическія идеи. Сверхъ того они должны быть представителями объединенія посредствомъ одной господствующей цѣли всѣхъ направленій въ народѣ и въ правительствѣ; такого объединенія мы и до сихъ поръ нигдѣ не замѣчаемъ, — даже въ Соединенныхъ Штатахъ оно продержалось только пока существовали великіе основатели республики. Въ деспотическихъ государствахъ Европы господствалъ и господствуетъ разбродъ политической мысли, всякій стремится къ своей узкой, эгоистической цѣли и старается всѣхъ и все въ государствѣ подчинить этой цѣли; если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія государственной идеи населенія, то деспотическое государство придется назвать организованной анархіей; государства въ смыслѣ существованія государственной идеи населенія нѣтъ, а существуетъ общественная анархія, надъ которой мудритъ случайно установившійся деспотизмъ. Стоитъ вспомнить о томъ, что дѣлалось на вѣнскомъ конгрессѣ послѣ низверженія Наполеона, чтобы въ этомъ вполнѣ убѣдиться. Въ эту анархію конституціонное управленіе старалось внести порядокъ и идею, соединить всѣ разрозненныя политическія группы въ одно и создать для нихъ одну общую государственную цѣль, къ осуществленію которой они-бы и стремились. Практика показала, что только при такомъ условіи и возможно управленіе государствомъ подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія; сознательное народное управленіе есть ничто иное, какъ общее дѣйствіе народа, а такое общее дѣйствіе возможно только подъ условіемъ предварительнаго общаго мышленія. Если это общее мышленіе и не можетъ имѣть такого совершеннаго вида, какъ въ организмѣ, то оно все таки должно существовать; человѣкъ не будетъ сливаться съ государствомъ,

онъ не будетъ разсуждать во всѣхъ своихъ дѣлахъ исключительно съ точки зрѣнія общаго блага, но въ его жизни и дѣятельности общее благо будетъ уже играть болѣе или менѣе значительную роль.

Слить народъ въ одно общее стремленіе, объединить его посредствомъ одной общей государственной идеи конституціоннымъ правительствамъ не удалось, но они совокупили разношерстныя стремленія въ двѣ болѣе или менѣе равносильныя группы; каждая изъ нихъ то усиливалась, то ослаблялась, смотря по колебаніямъ общественнаго мнѣнія. Такимъ образомъ государство дѣлилось на два враждебныхъ лагеря, изъ которыхъ каждый старался всѣми силами распалять вражду противъ другого. Подобное положеніе противно цѣли существованія политической организаціи уже потому, что государство созидается для установленія солидарности въ интересахъ гражданъ, а не для развитія между ними вражды. Кромѣ того оно не соотвѣтствуетъ потребностямъ общества; въ государственной жизни вовсе не бываетъ такъ, чтобы въ одно время требовались исключительно мѣропріятія прогрессивнаго характера, въ другое консервативнаго или задерживающаго; наоборотъ, каждая отрасль государственной жизни развивается болѣе или менѣе независимо отъ другой. Требованіе иностранной политики можетъ быть чисто консервативное, сохраненіе существующаго политическаго равновѣсія между государствами, поддержка консервативнаго государства противъ покушеній на него прогрессирующихъ державъ, и въ то-же время народное образованіе можетъ требовать усиленныхъ прогрессивныхъ мѣръ. Торговля можетъ требовать развитія кредита, желѣзныхъ дорогъ, поощреніе производства и мѣръ къ усиленію торговаго флота, а учрежденія народнаго представительства, выборовъ и политическая система вообще успокоенія взволнованныхъ умовъ и сохраненія существующаго порядка. Въ настоящее-же время консервативныя требованія иностранной политики, передавая власть въ руки консервативной партіи, задержатъ прогрессъ во всѣхъ отрасляхъ внутренняго управленія, какъ бы не была велика нужда въ такомъ прогрессѣ. Ясно, что наиболѣе благопріятное условіе для всесторонняго развитія и процвѣтанія государства требуетъ другого образа дѣйствія.

Современные конституціонные порядки вытекаютъ изъ тѣхъ

ненормальныхъ чувствъ, въ которыхъ воспитывались люди втеченіе тысячелѣтій. Основнымъ фономъ для нихъ была взаимная вражда, сдерживаемая деспотическимъ управленіемъ, государства вытекали изъ завоеванія, завоеватели становились правителями и угнетателями; народы такъ и застывали въ чувствахъ взаимной ненависти между высшими и низшими. У высшихъ господствовало пропитанное ненавистью высокомѣрное презрѣніе, а у низшихъ ненависть раболѣпная и пресмыкающаяся. Эти чувства съ первымъ переходомъ къ государственному устройству, осуществляющему общее благо, выплыли наружу и создали консервативную партію господъ съ ихъ приверженцами и прогрессивную партію слугъ съ отщепенцами отъ господъ во главѣ. Затаенная вражда сдѣлалась открытой и передавалась отъ поколѣнія къ поколѣнію. Такое положеніе есть остатокъ предшествовавшей низкой степени развитія, оно результатъ слабости общественнаго мнѣнія, еще не успѣвшаго постичь и проникнуться тѣмъ настроеніемъ, въ которомъ оно должно обсуждать политическіе вопросы.

Даже лучшіе изъ государей старались принять положеніе безпристрастныхъ судей надъ своимъ народомъ, они только тогда и пользовались всеобщимъ уваженіемъ, когда того достигали; всему обществу тѣмъ болѣе прилично относиться такимъ образомъ къ отдѣльнымъ своимъ группамъ. Для государя стать на такую высоту безпристрастія очень трудно; самъ по себѣ онъ безсиленъ и пріобрѣтаетъ силу только черезъ тѣхъ, на кого опирается; для народа-же наоборотъ такое положеніе самое удобное и естественное, потому что онъ именно и сосредоточиваетъ въ себѣ всю силу государства. Ему стоитъ только сознать свое единство, свою силу и свое призваніе и тогда онъ самъ собою сдѣлается рожденнымъ судьею между отдѣльными гражданами; для него вполнѣ естественно стремиться къ общему благу, потому что это общее благо есть его благо; для него естественно спокойно и безпристрастно обсуждать съ этой точки зрѣнія всякое дѣло. Законодательное собраніе, конечно, представляетъ изъ себя въ одно и то-же время и спорящія стороны и верховное судилище. Спорящимъ сторонамъ естественно страстно обсуждать вопросъ, но верховное судилище должно быть спокойно и безпристрастно, его ораторы должны искать истины и только, обсуждать ее хладнокровно потому, что они не стоятъ ни на чьей сторонѣ, а отыскиваютъ общественное

благо. Верховное судилище должно составлять все собраніе, а спорящія стороны лишь большія его части. Въ представительныхъ собраніяхъ дѣла дѣлаются иначе только потому, что сознательность народа при избраніи своихъ представителей и вліяніе его на нихъ слишкомъ слабы; они выбираютъ вовсе не такихъ людей, какихъ бы имъ слѣдовало выбирать; представители вовсе не представляютъ собою народа и не олицетворяютъ собою идею общественнаго блага; они представляютъ собою свой отдѣльный интересъ — интересъ честолюбцевъ, и во имя своихъ честолюбивыхъ стремленій распаляютъ въ народѣ вражду вмѣсто того, чтобы объединять его идеей общаго блага, спокойнымъ, сознательнымъ стремленіемъ къ ней. Отъ такихъ интригановъ народъ будетъ сторониться, когда постигнетъ свою задачу.

Въ наше-же время представительныя собранія, дѣйствительно стремящіяся къ общему благу, могли появляться только случайно въ тѣ минуты, когда энтузіазмъ великаго событія охватывалъ народъ и онъ начиналъ сознавать свое единство, когда все пошлое и мелкое въ немъ заглушалось, а просыпалось то чутье, которое указывало ему людей, дѣйствительно всею душою стремившихся къ общему благу. Если сравнить людей, совершившихъ въ Америкѣ государственный переворотъ, съ главными дѣятелями французской или великой англійской революціи, то разница будетъ неизмѣримая. Они представляли собою всѣ партіи и всѣ направленія въ государствѣ: Вашингтонъ былъ представителемъ консерваторовъ, рабовладѣльцевъ и феодаловъ, которые владѣли тогда цѣлыми областями въ Америкѣ, его партія соотвѣтствовала кавалерамъ при Карлѣ I и аристократіи временъ Людовика XVI-го, Джефферсонъ соотвѣтствовалъ Робеспьеру и Кромвелю того времени, когда онъ былъ апостоломъ народа; въ своихъ убѣжденіяхъ онъ шелъ дальше Робеспьера въ томъ отношеніи, что былъ до такой степени открытымъ атеистомъ, что вызвалъ въ духовенствѣ смѣшное опасеніе, будто онъ, сдѣлавшись президентомъ, уничтожитъ религію; прочіе руководители народа Адамсъ, Гамильтонъ, Франклинъ представляли собою промежуточныя направленія между этими двумя крайностями. Въ то время, когда вожди партій англійской и французской революціи распаляли взаимную ненависть между тѣми, которыми руководили, до кроваваго ожесточенія, великіе люди американскаго переворота создавали между ними восторженное еди-

нодушіе. Кровопролитіе и висѣлица выставлялись единственными рѣшителями судьбы государства въ Англіи и Франціи. Вожди консерваторовъ проповѣдывали своимъ сторонникамъ кровавый деспотизмъ, какъ единственное средство для ихъ спасенія отъ погибели, у нихъ былъ одинъ лозунгъ: или безусловное повиновеніе или висѣлица. Ихъ надо уничтожить было единственнымъ возможнымъ отвѣтомъ на такую постановку вопроса и водворить идеальный порядокъ посредствомъ террора и крови.

Сравните такую постановку дѣла съ тою, которую создали американскіе государственные люди; они всѣ одинаково стремились къ достиженію великой цѣли государственнаго преобразованія. Когда Вашингтонъ былъ президентомъ, министрами у него были Джефферсонъ и Гамильтонъ. Вмѣсто того, чтобы распалять въ населеніи вражду, вмѣсто того, чтобы пугать его крутымъ переворотомъ, они старались всячески успокоить его, доказать ему, что никакого крутого переворота не произойдетъ, никто не пострадаетъ, никто ничего не лишится, а если и окажутся пострадавшіе, то ихъ будетъ не болѣе, чѣмъ бываетъ при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ. Населеніе само не замѣтило, какъ совершился великій небывалый въ исторіи переворотъ и удивилось собственному своему подвигу не менѣе, чѣмъ удивило весь цивилизованный міръ. Невозможно, такой порядокъ не можетъ существовать, онъ долженъ рушиться — кричали въ Европѣ, но онъ не разрушался, а утверждался и своимъ процвѣтаніемъ воодушевлялъ всѣ народы къ прогрессу. Второстепенные дѣятели и писатели старались въ Америкѣ такъ-же, какъ въ послѣдствіи въ конституціонной Европѣ, распалять вражду и отличаться передъ своими читателями рѣзкими выходками и пристрастными изображеніями. И тамъ такъ-же, какъ въ Европѣ, они искусственно поддерживали ложныя мнѣнія, вредныя для тѣхъ, кто ихъ раздѣлялъ.

Для поясненія я приведу одинъ примѣръ: высокая заработная плата одинаково полезна какъ для имущаго, такъ и для рабочаго класса. Если не упускать изъ виду, что на рабочемъ рынкѣ всякая ручная работа стремится установиться на одномъ среднемъ уровнѣ — все равно, будетъ-ли этотъ уровень высокъ или низокъ, то дѣло представится намъ въ слѣдующемъ видѣ. Конечно, для отдѣльнаго фабриканта или хозяина, работающаго съ помощью наемнаго труда, невыгодно, если онъ будетъ платить высокую за-

работную плату, а другіе производители тѣхъ-же продуктовъ будутъ платить низкую. Но если всѣ производители извѣстнаго рода продукта будутъ платить высокую, но одинаковую заработную плату, то это будетъ для нихъ несомнѣнно выгодно; такая плата сдѣлается для всѣхъ одинаково условіемъ производства, а потому на рынкѣ цѣна произведенія возвысится такъ, что производители будутъ получать прежній свой процентъ; но по отношенію къ сбыту они выиграютъ несомнѣнно. Такъ какъ заведенія съ машинами и дорого стоющимъ капиталомъ создаютъ произведенія массами, то сбытъ этихъ произведеній можетъ быть успѣшнымъ только тогда, когда весь народъ ихъ покупаетъ: когда онъ развился до того, что не соглашается жить по свински и требуетъ такой заработной платы, которая обезпечиваетъ ему возможность покупать фабричныя произведенія. Развитой рабочій сходитъ съ земли и переходитъ на фабрику, а изъ оставшихся каждый начинаетъ за оказавшимся умѣньемъ и просторомъ больше производить, чѣмъ прежде, — всѣ улучшаютъ свое положеніе. Такъ обстоитъ дѣло относительно тѣхъ капиталистовъ, которые употребляютъ большое число рабочихъ, но они составляютъ меньшинство, большинство образуется изъ торговцевъ и такихъ лицъ, у которыхъ наемная плата обыкновенныхъ рабочихъ составляетъ такую ничтожную часть капитала, о которой и говорить не стоитъ, напр. владѣльцевъ пароходовъ и т. д. Для этихъ людей возвышеніе заработной платы составляетъ безъ всякаго сомнѣнія одну выгоду. Если заработная плата кругомъ лавки возвысится вдвое, то работники будутъ покупать въ лавкѣ по крайней мѣрѣ втрое больше, чѣмъ прежде; при томъ-же капиталѣ лавочникъ сдѣлаетъ въ годъ втрое больше оборотовъ и доходъ его утроится. Такъ-же возвысится доходъ домовладѣльцевъ, пароходчиковъ и другихъ. Поэтому для капиталистовъ столько-же причинъ желать мѣръ, способствующихъ возвышенію заработной платы, какъ и для самихъ рабочихъ. Исторія и статистика вполнѣ подтверждаютъ эту истину. Порядокъ вещей, водворившійся въ сѣверныхъ и западныхъ Соединенныхъ Штатахъ, болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, способствовалъ возвышенію заработной платы; оказалось, что такое возвышеніе не только не уменьшило богатства имущаго класса, но крайне способствовало его развитію и вслѣдствіе обильной потребности въ капиталахъ возвышало процентъ на капиталъ.

Чрезъ господство надъ всемірнымъ рынкомъ англійскіе производители отличались бо́льшимъ искусствомъ, чѣмъ производители какой-либо другой страны въ мірѣ; на всемъ свѣтѣ не было рабочаго, который бы производилъ такія массы цѣнностей, какъ англійскій, но вслѣдствіе правительственнаго гнета и порядка, мѣшающаго развитію просвѣщенія массы и чрезъ это возвышенію заработной платы, англійскій работникъ получалъ значительно меньшее вознагражденіе, чѣмъ работникъ сѣверныхъ и западныхъ частей Соединенныхъ Штатовъ. Что-же вышло изъ этого для капиталистовъ? Процентъ на капиталъ сталъ въ Англіи значительно ниже, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Деспотизмъ господствовавшій на материкѣ Европы втеченіе первой половины XIX-го вѣка, господство бюрократіи держали народъ въ черномъ тѣлѣ, а заработную плату на такомъ низкомъ уровнѣ, что Соединенные Штаты сдѣлались раемъ, къ которому стремился и куда переселялся массами европейскій пролетаріатъ. Что-же вышло изъ этого? Материкъ Европы былъ настолько-же бѣденъ капиталами, насколько онъ былъ бѣденъ заработной платой; страна, гдѣ заработная плата стояла всего ниже, Россія, была самая бѣдная изъ всѣхъ; капиталы составлялись здѣсь въ началѣ XIX-го вѣка непроизводительностью, а грабежомъ; единственно богатѣвшими были винные откупщики, поставщики для арміи и разные взяточники. Многоземелье было такое-же, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, а результаты? Въ южной Америкѣ производительность почвы и многоземелія было значительнѣе, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, но варварскій политическій режимъ держалъ рабочій классъ въ бѣдности, а чрезъ это порождалъ бѣдность капитала и низость всеобщаго благосостоянія. Послѣ этого понятно, что обществе могло относиться вполнѣ объективно и безпристрастно къ мѣрамъ, способствующимъ возвышенію заработной платы; однакоже на дѣлѣ было вовсе не такъ; изъ за этихъ мѣръ велась упорная борьба, дѣлившая его на два лагеря, имущихъ и неимущихъ, которые относились другъ къ другу съ постоянно возраставшей ненавистью.

Тонъ прессы, разжигавшій вражду по всѣмъ политическимъ вопросамъ, вмѣсто того, чтобы обсуждать ихъ спокойно и предоставлять пристрастное обсужденіе не большому числу мелкихъ ея представителей, порождался безучастіемъ общества въ дѣлахъ,

касающихся общаго блага. Спокойное исканіе истины казалось имъ скучнымъ и не возбуждало въ нихъ никакого интереса; только статьи, вызывавшія взаимную ненависть искусственнымъ, пристрастнымъ изображеніемъ, выводили людей изъ апатіи и безучастія. Тогда они начинали пылать враждой другъ къ другу, но такъ какъ для борьбы нужна сила, то вражда заставляла ихъ соединяться въ два приблизительно равносильныхъ лагеря. Въ окончательномъ результатѣ такой нравственный уровень общества приводилъ людей къ невозможности видѣть и понимать истину въ области общественнаго блага; все компетентное по этимъ вопросамъ пользовалось своими знаніями лишь для того, чтобы вводить ихъ въ заблужденіе. Тяжкое наказаніе несетъ общество за свое нравственное безучастіе. Вотъ почему единодушное стремленіе къ осуществленію великой цѣли могло существовать въ Соединенныхъ Штатахъ только пока жили и управляли страной великіе учредители республики. Они охраняли созданный ихъ общими усиліями режимъ. Консерваторъ Вашингтонъ не воспользовался своей военной славой, чтобы развить милитаризмъ и централизацію и заглушить этимъ независимый голосъ отдѣльныхъ штатовъ во имя республики единой и нераздѣльной. Крайній Джефферсонъ, который такъ-же, какъ и Вашингтонъ, былъ долго президентомъ, не довелъ децентрализаціи до полной независимости штатовъ и не разрушилъ этимъ единство демократіи. Удержаться отъ этихъ двухъ крайностей было гораздо труднѣе, чѣмъ впасть въ нихъ. Духъ и воззрѣнія, господствовавшіе въ то время въ западной цивилизаціи не только не воздерживали отъ крайностей, но прямо способствовали имъ. Тогда-же, во время французской революціи, швейцарскіе кантоны отказывались отъ всякой федераціи, требовали полной независимости каждый для себя и чрезъ это Наполеону ничего не стоило подчинить ихъ своей деспотической власти. Нужны были вся глубина единодушія между вождями, все огромное ихъ вліяніе на свою партію, чтобы достигнуть неприкосновенности созданныхъ учрежденій и прочно установить ихъ своимъ продолжительнымъ дѣйствіемъ въ направленіи такого укорененія, не смотря на смѣну лицъ и партій, достигавшихъ большинства при выборѣ президента.

Настолько-же неприкосновеннымъ сохранилось и вліяніе народной массы на правительство. Вашингтонъ не далъ преобладанія

консервативнымъ элементамъ и имущему классу; значеніе демократіи онъ понималъ не хуже демократическаго кандидата Джефферсона. Не только въ XVIII-мъ вѣкѣ, но даже втеченіе всей первой половины XIX-го вѣка европейскіе ученые не понимали истиннаго смысла демократическаго федеративнаго режима; не даромъ ихъ упрекалъ въ этомъ Франклинъ, не даромъ американцы XIX-го вѣка упрекали европейцевъ съ ихъ Токвилями и пр. въ томъ, что они не понимали Соединенныхъ Штатовъ. Европейцамъ казалось, что режимъ Соединенныхъ Штатовъ заключаетъ въ себѣ тиранію большинства; при поверхностномъ взглядѣ можно было дѣйствительно предположить, что масса рабочаго класса, составляющая громадное большинство, можетъ обездолить имущій классъ и интеллигенцію. Практически-же оказывается совсѣмъ иное; высшіе, правящіе классы имѣютъ въ своихъ рукахъ умственное превосходство, знаніе, власть и имущество; — это дѣлаетъ ихъ настолько сильными, что какъ бы ни было велико политическое вліяніе народной массы, она ни въ какомъ случаѣ не можетъ ихъ обездолить; справедливость по отношенію къ себѣ — максимумъ того, чего она можетъ достигнуть. Въ настоящее время, когда демократическія управленія дали свои результаты не только въ Соединенныхъ Штатахъ, но въ Швейцаріи и во Франціи, не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что всеобщая подача голосовъ не способна обездолить имущій классъ и уничтожить высшее и среднее образованіе. И въ Соединенныхъ Штатахъ и во Франціи имущій классъ процвѣтаетъ, а высшее и среднее образованіе получило такое широкое распространеніе, что въ Бостонѣ напр. большинство населенія получаетъ такое образованіе, какое дается у насъ въ гимназіяхъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

XVIII-ый вѣкъ (продолженіе). Принципъ, способный уничтожить войну. Идея нравственности.

ФЕДЕРАТИВНАЯ демократія Соединенныхъ Штатовъ создала принципъ, который, распространяясь, могъ объединить весь міръ въ одно организованное общество и уничтожить войну. Чѣмъ ближе люди живутъ другъ къ другу, тѣмъ болѣе у нихъ общихъ интересовъ и взаимныхъ столкновеній, а потому тѣмъ болѣе требуется общей дѣятельности для осуществленія общаго блага. Сходясь лично въ общинѣ они могутъ класть первоначальное основаніе человѣческой организаціи. Чѣмъ большее разстояніе отдѣляетъ людей, тѣмъ меньше у нихъ общихъ интересовъ, а потому они общее дѣло свое могутъ дѣлать въ уѣздѣ, губерніи или штатѣ чрезъ представителей; въ государствѣ наконецъ общій интересъ такъ малъ, что дѣятельность правителей государства должна быть ограничена только не многими предметами. Разъ изучено будетъ искусство ограничивать дѣятельность каждой организаціи именно только тѣми предметами, которые необходимы для ея цѣлей, суживающихся по мѣрѣ расширенія территоріальной ея области, тогда возможно будетъ соединить въ одну организацію не только цѣлую цивилизацію, но даже весь земной шаръ и уничтожить войну.

Централизованное, бюрократическое управленіе дѣлается тѣмъ болѣе вреднымъ, чѣмъ обширнѣе государство, надъ которымъ оно господствуетъ; оно до такой степени уничтожаетъ въ гражданахъ всякое проявленіе ихъ потребностей, всякое общее дѣйствіе, держитъ ихъ въ такомъ невѣжествѣ и въ такомъ черномъ тѣлѣ, что они вполнѣ лишаются способности удовлетворять общимъ своимъ нуждамъ по собственной иниціативѣ. Такихъ потребностей у нихъ и не является; какъ рабы они должны всѣ силы свои употреблять на пользу высшихъ и олицетворять собою мудрое изрѣченіе политико-экономовъ, что конкуренція сводитъ заработную плату народа до минимума, необходимаго для существованія. По истинѣ можно сказать, что видъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ помянутые

мудрецы жили, внушилъ имъ эту премудрость. Грязь и мракъ на улицахъ, грязь и холодъ на дворахъ и въ домахъ, грязь на тѣлѣ, скудное питаніе, грязь и мракъ невѣжества въ душѣ — вотъ условія жизни въ бюрократическихъ государствахъ. Невѣжественное, загнанное и запуганное населеніе должно ждать пока его повелители найдутъ для себя выгоднымъ устроить у него школы, нѣкоторое подобіе дорогъ, чтобы легче было подвозить припасы для войска и т. д. Въ обширномъ государствѣ всегда найдутся дикія орды и невѣжественные углы, которые будутъ помогать бюрократамъ убивать мысль и зародышъ просвѣщенія вездѣ, гдѣ они начнутъ появляться. Если-бы такое государство распространилось на весь міръ, то гнетъ его сдѣлался-бы окончательно невыносимымъ и человѣчеству осталось-бы одно: по бывшимъ примѣрамъ перейдти къ анархіи. Уже одно то обстоятельство, что бюрократія никогда не можетъ сдѣлать человѣка человѣкообразнымъ, т. е. мирнымъ труженикомъ, способнымъ уничтожить войну, доказываетъ, что развитіе бюрократіи есть ложный и зловредный путь, что истинный прогрессъ заключается только въ развитіи у населенія способности къ организаціи и къ государственной жизни, не имѣющей цѣлью заглушать проявленіе потребностей.

Учредители федераціи Соединенныхъ Штатовъ, установивъ правильный принципъ, сдѣлали къ его осуществленію все, что возможно было сдѣлать. Прошло столѣтіе и западная цивилизація устремляясь потому-же пути, не успѣла ихъ догнать; только одинъ ничтожный клочекъ земли, Швейцарія съумѣла устроить у себя управленіе на началахъ приблизительно настолько-же совершенныхъ. Плодомъ болѣе совершеннаго политическаго устройства явилось болѣе удовлетворительное разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ. Никто не относился настолько безцеремонно къ идеямъ и чувствамъ народовъ, какъ бюрократическія и деспотическія правительства; если они обращали вниманіе на эти идеи и чувства, то только для того, чтобы разжигать по этому поводу вражду между народами и этой враждой укрѣпить свое господство. Лучшимъ орудіемъ была для нихъ въ этомъ случаѣ разумѣется религія; такъ какъ въ основаніи у всякой религіи лежатъ грубый обманъ и ложь, то духовенство всякой религіи, опасаясь обличенія, должно было стараться внушить вѣрующимъ ненависть, презрѣніе и отвраще-

ніе ко всѣмъ не вѣрующимъ. Правительствамъ стоило подкупать служителей религіи, давать имъ привиллегіи и преимущества, чтобы сѣять ненависть и вражду между людьми и такимъ образомъ господствовать надъ ними и эксплуатировать ихъ. Не только деспотическія, но даже англійское правительство постоянно пользовалось этимъ орудіемъ; въ своихъ азіатскихъ владѣніяхъ оно держало на жалованьѣ языческое духовенство, а въ европейскихъ распаляло религіозную вражду между поклонниками господствующей церкви, католиками и вѣрующими, принадлежащими къ другимъ толкамъ. Такъ какъ господствующая церковь была аристократическая, то этимъ способомъ искусственно поддерживалось аристократическое господство.

Демократія Соединенныхъ Штатовъ избрала въ этомъ случаѣ лучшій путь, какимъ можно идти; она отдѣлила церковь отъ государства, т. е. отказалась отъ правительственной поддержки по отношенію къ какой-бы то ни было религіи. Такимъ образомъ раціонализмъ, отвергающій религію, получилъ болѣе благопріятныя условія для своего развитія, онъ насчитывалъ мильоны открытыхъ сторонниковъ. Практически вполнѣ выяснилось, что безвѣріе не имѣетъ никакого вреднаго вліянія на нравственность и что невѣрующіе ни въ какомъ случаѣ не стоятъ въ этомъ отношеніи ниже вѣрующихъ. Къ несчастью этимъ дѣло и ограничилось и безвѣріе распространялось только путемъ развитія правдивости и отвращенія ко лжи. Не было ни создано, ни распространено идеи нравственности, основанной на правильномъ синтезѣ, которая доказала-бы всю несостоятельность въ этомъ отношеніи религіозныхъ ученій и все превосходство раціональнаго изслѣдованія для установленія нравственныхъ понятій. Конечно интеллигенція, просвѣщенная наукой, сдѣлала очень много для улучшенія нравственности человѣческой: своими ученіями она способствовала уничтоженію рабства и деспотизма; она создала новыя политическія идеи, уничтожала старинную грубость нравовъ и замѣняла ихъ гуманностью, боролась противъ вражды, которую сѣяло между людьми духовенство и этимъ достигла того, что школа и обученіе были взяты изъ рукъ духовныхъ лицъ и переданы свѣтскимъ. Такіе успѣхи имѣли несомнѣнное значеніе, но о замѣнѣ религіи наукою все таки нѣтъ и рѣчи. Для этого слишкомъ мало одного отрицательнаго отношенія къ религіи, обличенія ея лжи, — нужна была дѣятельность созидательная,

научная идея нравственности; но для ея созиданія взгляды людей науки были еще слишкомъ мелки.

Никто не говорилъ человѣку и человѣчеству о тѣхъ великихъ иллюзіяхъ, которыя ихъ постигли втеченіе ихъ многовѣкового развитія. Человѣкъ животное, въ немъ выработались и живутъ инстинкты животнаго. Первый изъ этихъ инстинктовъ, вытекающій изъ органической солидарности, заключается въ противопоставленіи своего организма всему прочему міру. Животное стремится удовлетворить этотъ организмъ, доставить ему покой и обиліе, пользуясь окружающей природой. Идеалъ и наслажденіе его жизни достать себѣ пищи, напитаться и за тѣмъ безпечно наслаждаться покоемъ, пока организмъ не предъявитъ новыхъ требованій. Эти требованія: голодъ, жажда мучительны; мученіе прекращается только тогда, когда послѣдуетъ насыщеніе: — періодъ до насыщенія есть періодъ страданія, періодъ послѣ насыщенія — время отдохновенія и обилія есть время наслажденія. Отсюда первое, наивное, чисто животное понятіе о счастьѣ, — но и первая иллюзія. Человѣкъ воображаетъ, что онъ тогда будетъ наслаждаться наибольшимъ счастьемъ, когда онъ будетъ жить въ обиліи среди невозмутимаго покоя. Такой идеалъ не вѣренъ даже для растеній и низшихъ животныхъ; ихъ жизнь не есть смѣна мучительнаго питанія и блаженнаго покоя; вѣрнѣе будетъ сказать наоборотъ, — она есть смѣна блаженнаго питанія и мучительнаго покоя. Растеніе и низшее животное питается непрерывно, развивается и множится отъ этого; — здѣсь условіе его нормальнаго, здороваго состоянія; разъ оно не можетъ непрерывно питаться, для него начинается мучительный періодъ подсыханія и омертвенія, изъ котораго оно всѣми своими силами стремится выдти. Для высшаго животнаго и въ особенности для человѣка идеалъ покоя и обилія составляетъ иллюзію, радикально противорѣчащую истиннымъ его потребностямъ и условіямъ благосостоянія его организма; достигая этой цѣли они попадаютъ вмѣсто здороваго и нормальнаго въ ложное и неестественное, не благопріятное для нихъ состояніе. Однако-же прошли десятки, можетъ быть, сотни тысячъ лѣтъ жизни человѣчества, а человѣкъ не излечился отъ своей иллюзіи, точно такъ-же, какъ и животное. Все превосходство его умственныхъ силъ не помогло ему подняться надъ животнымъ одною ступенью выше и понять свое заблужденіе.

Благодаря силѣ своихъ способностей человѣку во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ становился приручителемъ, было легко доставлять себѣ тотъ покой и то обиліе, изъ-за котораго дикое, живущее въ анархіи, животное билось всю свою жизнь. Такимъ образомъ, говорятъ мудрецы, высшій привиллегированный классъ человѣчества получилъ возможность размышлять и постигать. Увы, онъ такъ плохо воспользовался этой возможностью, что не сумѣлъ даже постичь идею нравственности. Все человѣчество стремилось и стремится къ покою и обилію, но когда человѣкъ его достигаетъ, разочарованіе раскрывается передъ нимъ во всю свою ширину. Онъ убѣждается, что покой не только не доставляетъ ему наслажденія — онъ для него невыносимъ. Оставаться въ бездѣятельности для него такая мука, что онъ съ тоски и отчаянія можетъ наложить на себя руку. Естественно было-бы ему послѣ этого спросить себя: почему органическое условіе его существованія таково, что покой не удовлетворяетъ его, а составляетъ мученіе, источникъ скуки и тоски? Ясно, что дѣятельность составляетъ неизбѣжное условіе для нормальнаго состоянія организма, а потому и для человѣческаго счастья, но вопросъ, какая дѣятельность? Стоитъ человѣку вглядѣться внимательно въ жизнь всего органическаго міра, чтобы убѣдиться, что покой не составляетъ условія блаженства для организма; онъ для него невозможенъ — покой есть смерть, превращеніе въ неорганическое тѣло. Единственные, извѣстные намъ примѣры покоя — когда организмы находятся въ условіяхъ, въ которыхъ развитіе для нихъ невозможно и имѣютъ форму цистированныхъ животныхъ, яичекъ, сѣмянъ, споръ; но въ этихъ условіяхъ они мертвы, они равняются неорганическому веществу. О счастьѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи, — организмы принимаютъ эту форму, чтобы спасти себя отъ погибели, а не ради счастья. Вся жизнь организма проходитъ съ одной стороны въ непрерывномъ упадкѣ его солидарности, а съ другой въ развитіи, которое противодѣйствуетъ этому упадку. Развитіе должно въ немъ продолжаться всю жизнь, всю жизнь оно должно вести упорную, неустанную борьбу съ неумолкаемой работой упадка солидарности, которая неутомимо влечетъ его по дорогѣ къ смерти. Только близорукость внушаетъ человѣку мысль, что развитіе есть удѣлъ молодости, въ молодости и въ старости оно одинаково необходимо съ тою разницею, что въ

молодости дѣло идетъ успѣшнѣе, въ старости призракъ смерти принимаетъ все болѣе грозный видъ.

Покой есть полное отрицаніе условія развитія, онъ неизбѣжно ведетъ организмъ къ упадку солидарности, а потому онъ заключаетъ въ себѣ прямую противоположность счастья. Дѣло получаетъ иной видъ только при ошибочномъ понятіи о покоѣ, когда организмъ находится не въ покоѣ, а когда онъ отдыхаетъ т. е. когда одна развивающая дѣятельность замѣняется другой, необходимо ее дополняющей. Противорѣчитъ счастью организма не только покой, но и всякая дѣятельность, которая не идетъ правильнымъ путемъ органическаго развитія; вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать упадку органической солидарности такая дѣятельность способствуетъ ему, она направляется къ смерти или къ органическому вырожденію путемъ истощенія силъ. Если человѣкъ хочетъ создать наиболѣе благопріятныя условія для своего счастья, онъ прежде всего долженъ понять условія органическаго развитія, какъ и что долженъ развивать человѣкъ въ своемъ организмѣ? Истину эту человѣчество не умѣло понять втеченіе многовѣковой своей жизни и все время вожделенно стремилось къ тому, что прямо противорѣчило его счастью. Современное наше высшее общество поступаетъ въ этомъ случаѣ иначе, но не лучше, чѣмъ дикари. И тѣ и другіе стремятся сначала къ обилію и покою, а когда потомъ оказывается, что покой приноситъ съ собою вмѣсто счастья скуку и тоску, тогда они обращались къ дѣятельности, способствовавшей вырожденію организма, вмѣсто его развитія. Дикарь, попадая въ условія обилія, проводитъ весь вѣкъ свой въ бездѣятельности. Максимальное развитіе способности спать, обжорство, злоупотребленіе сладострастіемъ и азартныя игры, а затѣмъ злоупотребленіе возбуждающими средствами: опіумомъ, бетелемъ, мате, кумышкой, табакомъ, виномъ — вотъ счастье его жизни. Все это отъ перваго до послѣдняго противно условіямъ органическаго развитія и счастья, все ведетъ къ ослабленію и затѣмъ къ вырожденію расы. Стремленіе къ осуществленію такого ложнаго идеала сдѣлалось главною причиною нескончаемыхъ переходовъ человѣчества отъ приученія къ анархіи. Приручители, достигнувъ своей цѣли обилія и покоя, тотчасъ производили въ своей средѣ вырожденіе расы и низвергались тѣми, которые закалили свою энергію среди дѣятельности и

труда, но во имя той-же иллюзіи стремились къ условіямъ обилія и покоя.

Вотъ почему явилось въ древности убѣжденіе о вредѣ праздности и роскоши, что роскошь гибельна для свободныхъ обществъ, что свобода, т. е. то состояніе, при которомъ люди наиболѣе способны къ развитію, можетъ быть достояніемъ только бѣдныхъ народовъ. Въ то время, когда у немногихъ раса вырождалась среди обилія и покоя, масса подавлялась непосильнымъ трудомъ, производившимъ излишнее и вредное, т. е. то обиліе которое вырождало расу правителей, трудомъ мѣшавшимъ правильному и всестороннему развитію работниковъ. Этотъ трудъ презирался вмѣстѣ съ ними и тѣми, которые были надъ ними и ими самими, въ противоположность къ нему восхвалялось состояніе высшихъ; отсюда выходило, что у нихъ поддерживалась и увѣковѣчивалась иллюзія счастья, порождаемаго обиліемъ и покоемъ. Вывести людей изъ этого ненормальнаго состоянія взялась религія, но она принялась за дѣло самымъ нелѣпымъ образомъ: она создала понятіе о долгѣ. Человѣкъ не долженъ искать счастья, не долженъ слѣдовать естественному влеченію своего организма къ благоденствію. На угадъ сочинялись теоріи обязанностей всегда крайне эксцентрическія и нелѣпыя, которыя въ концѣ приводили къ тому, что люди тѣмъ болѣе дѣлали зла, чѣмъ съ большимъ самоотверженіемъ они имъ слѣдовали. Если-бы люди вмѣсто того, чтобы дѣйствовать на угадъ, старались понять условіе органической жизни, тогда бы они давно постигли, что самое понятіе о долгѣ есть уродливость. Разъ человѣкъ считаетъ какой-либо образъ дѣйствія противнымъ условіямъ своего счастья, онъ не будетъ слѣдовать ему съ той энергіей и съ тѣмъ постоянствомъ, какія необходимы въ этомъ случаѣ. Если отъ человѣка требуется дѣятельность, уменьшающая его счастье, то это служитъ самымъ вѣрнымъ признакомъ того, что идея нравственности не разгадана и истинный путь не указанъ. Религія и не сдѣлала того дѣла, которое нужно было сдѣлать. Восхищаясь эксцентрическимъ путемъ, который она указывала людямъ, и высшіе и низшіе остались при старомъ своемъ идеалѣ блаженства покоя и обилія. Высшіе по прежнему достигали его и по прежнему пользовались имъ, чтобы порождать въ своей средѣ упадокъ организаціи и вырожденіе расы. Даже пріемы ихъ въ достиженіи своей цѣли остались въ сущности тѣми-же.

Вмѣсто развивающей организмъ дѣятельности они созидали для себя ея суррогатъ точно такъ-же, какъ приручаемые ими бѣдняки, не имѣя хлѣба и пищи, прибѣгаютъ къ суррогату, — и результаты были тѣ-же: упадокъ силъ организма. Копируя въ существѣ дикарей, образованные приручители проводили свою жизнь въ томъ, что играли въ игры, злоупотребляли сладострастіемъ, сномъ, питаніемъ, напитками, возбуждающими средствами, зрѣлищами — и всѣмъ этимъ суррогатамъ развивающей дѣятельности давали направленіе, при которомъ они поглощали громадныя массы человѣческаго труда; страшное количество труда, поглощаемаго безплодно, сдѣлалось отличительной чертой современной цивилизаціи. Чтобы показать въ какой степени все это ослабляло организмъ и вырождало расу, достаточно привести одинъ примѣръ. Подъ вліяніемъ стремленія къ злоупотребленію сладострастіемъ вся дѣятельность ихъ женщинъ направлена къ кокетству и къ украшенію своей особы, все время, всѣ ихъ силы поглощены были мыслями о нарядѣ и о костюмѣ — однако-же упадокъ, произведенный въ нихъ средѣ такою дѣятельностью, слабоуміе ихъ такъ велико, что онѣ втеченіе столѣтій совокупными своими силами не умѣли создать костюмъ, приспособленный къ ихъ тѣлосложенію, онѣ уродуютъ свое тѣло ради воображаемой красоты костюма. Въ XVII-мъ и XVIII-мъ вѣкѣ все высшее общество представляло изъ себя оштукатуренныхъ куколъ, которыя украшали себя, намазывая лицо и голову всякой грязью. Франклинъ и Руссо восхищали Парижъ и казались чудомъ, потому что оставляли голову свою въ естественномъ ея состояніи. Самое вредное во всемъ этомъ заключалось въ томъ, что, разъ давая дѣятельности своей ненормальное направленіе, людямъ тѣмъ труднѣе было отстать отъ ненормальныхъ своихъ привычекъ, чѣмъ сильнѣе было вырожденіе расы, произведенное ими. Каждый родъ дѣятельности порождался дѣйствительно существующей потребностью, но эта потребность искусственно развивалась на счетъ другихъ, пропзводила уродливость и затѣмъ дѣлалась до того требовательной, что человѣкъ уже не могъ ей противостоять и ради этого ослаблялъ и даже вырождалъ свой организмъ. Всякому извѣстно, что вино, опіумъ порождаютъ неодолимую привычку, которая въ окончательномъ результатѣ губитъ организмъ, то-же справедливо по отношенію къ сладострастью, обжорству, развитію сонливости, привычки къ

азартнымъ играмъ и пр. Всѣ эти привычки превращались въ неодолимыя страсти, гибельныя для организма.

Но и тѣ апатическія привычки, которыя усваиваются людьми подъ вліяніемъ идеала покоя и обилія, такъ называемыя привычки къ комфорту и къ удовольствіямъ, даютъ тотъ-же результатъ. Люди все болѣе опускаются и дѣлаются неспособными къ нормальной жизни; ея требованія, вмѣсто того, чтобы вполнѣ совпадать съ ихъ стремленіемъ къ развитію, пугаютъ ихъ и приводятъ въ ужасъ. «Опять реформы», кричали всѣ женщины, а за ними и мущины высшаго круга западной цивилизаціи втеченіе XVII-го, XVIII-го и XIX-го столѣтія каждый разъ, когда надъ правительствами жизнь сходилась клиномъ и нельзя было управлять такъ, какъ того желало высшее общество. Имъ казалось, что теперь пришолъ конецъ баламъ, маскарадамъ, визитамъ и всему тому провожденію времени, къ которому они такъ привыкли, среди котораго они такъ жаловались на скуку и пустоту, и которое теперь, когда они чувствовали все свое слабоуміе, всю невозможность для нихъ вести здоровую жизнь, казалось имъ не пустой мишурой, какъ прежде, а восхитительнымъ и безподобнымъ проявленіемъ ихъ величія. Прямымъ отвѣтомъ на этотъ крикъ было-бы, конечно, слѣдующее: «Если-бы вы вмѣсто того, чтобы обманывать свои инстинкты, вели нормальную для вашего организма жизнь, тогда дѣло не дошло-бы до необходимости реформъ; развитіе общества было-бы непрерывнымъ и постепеннымъ, не было-бы запущеннаго и нечего было-бы исправлять крутыми поворотами и реформами. Старайтесь впредь жить болѣе сознательной жизнью; вмѣсто того, чтобы относиться ко всему серьезному съ отвращеніемъ и провозглашать его зловреднымъ, старайтесь постоянно укоренять у себя серьезный взглядъ на жизнь.» Но никто имъ такъ не говорилъ, никто не разъяснялъ, да и разъяснить было невозможно, потому что при томъ жалкомъ состояніи, до котораго они дошли, они считали свое міровоззрѣніе верхомъ человѣческой мудрости. Для такихъ легковѣсныхъ людей возможно-ли было понять, что порождающая непрерывное развитіе борьба противъ упадка органической солидарности, есть первое и основное условіе счастья для организмовъ. Органическая бездѣятельность ведетъ къ смерти, а всякая дѣятельность только тогда и будетъ успѣшной, когда она будетъ заключать въ себѣ успѣшную

борьбу съ упадкомъ солидарности. Съ этимъ упадкомъ организмъ борется всѣми возможными для него путями.

Если мы мысленно пройдемъ всѣ формы органическаго развитія и постараемся угадать въ чемъ заключается суть этого развитія, къ чему каждый изъ организмовъ стремится непрерывно втеченіе всего существованія, т. е. въ чемъ заключается коренное условіе его счастья, то мы убѣдимся, что это коренное его стремленіе заключается въ созданіи для себя такихъ условій, при которыхъ онъ находился-бы въ самой благопріятной обстановкѣ для развитія своей впечатлительности ради наиболѣе успѣшной борьбы съ неизбѣжнымъ упадкомъ своей органической солидарности. Растеніе выработало для себя организмъ, при которомъ оно съ наименьшими усиліями можетъ пользоваться окружающей природой для удовлетворенія своихъ потребностей. Его корни, волокна и листья составляютъ аппаратъ, въ которомъ механическія приспособленія преобладаютъ надъ физіологической его дѣятельностью, о высшей умственной и говорить нечего, даже зачатки общаго мышленія въ немъ трудно уловимы. Идеалъ обилія и того покоя, который лежитъ въ непрерывно единообразной дѣятельности въ немъ достигнутъ въ максимальной степени. Такое отсутствіе потребности въ разнообразныхъ впечатлѣніяхъ для поддержанія своего существованія до крайности уменьшаетъ развитіе его впечатлительности. Растеніе, по плану своей организаціи, остается неподвижнымъ на своемъ мѣстѣ, пока постороннія сила не перемѣститъ его. Направляясь въ своемъ развитіи къ огражденію своего покоя, оно создаетъ въ своихъ клѣткахъ омертвѣніе, которое ограждаетъ отъ неблагопріятныхъ впечатлѣній клѣтки, оставшіяся живыми и дѣятельными. Въ деревьяхъ, достигающихъ огромнаго роста, омертвѣніе получаетъ огромные размѣры; толстая, внѣшняя кора и слои сердцевины и древесины съ саженными поперечниками находятся въ такомъ состояніи, что ихъ трудно признать живыми частями растенія; отсутствіе солидарности въ такомъ организмѣ достигаетъ своего максимума.

Если клѣтка вмѣсто того, чтобы развиться въ растительный, развивается въ животный организмъ, то она этимъ увеличиваетъ свои средства борьбы противъ упадка солидарности, она создаетъ для себя возможность перемѣщаться съ мѣста на мѣсто, а съ тѣмъ вмѣстѣ средство отыскивать среду, наиболѣе удобную для благо-

получнаго его существованія. Но эта возможность перемѣщенія получается чрезъ развитіе въ организмѣ общаго мышленія и органовъ, посредствомъ которыхъ организмъ узнаетъ о томъ, что существуетъ вдали отъ него. Такое развитіе впечатлительности заключаетъ въ себѣ прямое отрицаніе идеала покоя; чѣмъ сильнѣе впечатлительность, тѣмъ упорнѣе впечатлѣнія нарушаютъ покой и вынуждаютъ къ дѣятельности. Чѣмъ легче организмъ можетъ обходиться безъ этой впечатлительности, чѣмъ успѣшнѣе онъ находитъ для себя условія обилія и покоя, тѣмъ быстрѣе онъ деградируетъ. Паразиты, живущіе внутри другихъ живыхъ организмовъ, создаютъ для себя условія обилія и покоя почти равныя тѣмъ, которыя существуютъ у растеній, но за то же они и приравнялись къ нимъ и по упадку своей впечатлительности и по быстротѣ утраты своей органической солидарности; жизнь и ростъ ленточнаго глиста ничто иное, какъ непрерывное яйцетвореніе, т. е. непрерывное разрушеніе органической солидарности особи. Животный организмъ, постоянно развивающій свою впечатлительность дѣятельностью, создаетъ себѣ посредствомъ упражненія постоянно возростающее количество солидарныхъ и дополняющихъ другъ друга органовъ, которые именно потому, что они дополняютъ другъ друга, остаются между собою въ тѣсной, солидарной связи. Но чѣмъ болѣе разростается количество этихъ органовъ, тѣмъ грузнѣе дѣлается самъ организмъ. Его возростающая массивность только до извѣстныхъ предѣловъ можетъ способствовать ускоренію передвиженія, только до извѣстнаго предѣла ростъ организма увеличиваетъ быстроту его передвиженія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность разнообразить свои впечатлѣнія. Чтобы идти въ этомъ отношеніи далѣе, высшіе организмы и въ особенности человѣкъ стали вырабатывать для себя еще новый пріемъ. Они стали стараться развивать свою впечатлительность, пользуясь впечатлѣніями организмовъ одного съ ними вида. Они старались видѣть чужими глазами, слышать чужими ушами то, что они не могли видѣть и слышать непосредственно.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

XVIII-ый вѣкъ (продолженіе). — Идея нравственности.

ВЪ борьбѣ съ условіями роста и формы, механически приводящими къ упадку солидарности, организмы употребляютъ рядъ послѣдовательныхъ пріемовъ. Клѣтки, способныя къ дальнѣйшему развитію въ новой формѣ, сбрасываютъ старую и продолжаютъ жить и развиваться. Такимъ образомъ новый организмъ развивается въ старомъ, старый черезъ упадокъ солидарности умираетъ, а новый выходитъ на свѣтъ божій. Чѣмъ выше организмъ, въ которомъ происходитъ такая перемѣна, чѣмъ болѣе онъ способенъ къ развитію, тѣмъ значительнѣе съ теченіемъ времени сдѣлается разница между умирающимъ старымъ и выходящимъ изъ него новымъ организмомъ; у менѣе способныхъ къ развитію организмовъ дѣло не идетъ далѣе отпаденія отдѣльныхъ органовъ, не нужныхъ при усовершенствованной организаціи; но на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія мы видимъ уже полную метаморфозу, — новое животное является вполнѣ не похожимъ на старое. Только сравнивая ряды животныхъ, претерпѣвающихъ метаморфозу, мы убѣждаемся, что эта рѣзкая разница должна была явиться не вдругъ, а посредствомъ постепеннаго усовершенствованія новой формы втеченіе поколѣній. Такой пріемъ борьбы съ мѣшающей развитію формой могъ давать результаты только при слабой способности къ развитію, а потому у высшихъ организмовъ онъ оставленъ и слѣды его встрѣчаются только въ развитіи зародыша. Но необходимость борьбы не устранилась, организму пришлось выработать изъ себя новую форму, въ которой неудобства роста и пр. были-бы устранены при развитіи для борьбы съ упадкомъ солидарности. Такую органическую форму создалъ изъ себя человѣкъ, приспособивъ свою организацію къ труду. Трудъ человѣка отличается отъ дѣятельности животнаго тѣмъ, что дѣятельность животнаго непосредственно удовлетворяетъ потребностямъ организма, между тѣмъ какъ трудъ человѣка выполняетъ сначала требованія другого организма и только этимъ

путемъ получаетъ удовлетвореніе для себя. Если человѣкъ сѣетъ сѣмя, кормитъ животное, онъ сначала помогаетъ этимъ организмамъ развиваться, а потомъ себѣ.

Но затѣмъ каждый разъ, когда человѣкъ эксплуатируетъ чужой трудъ и дѣлается его паразитомъ, онъ подвергается общей участи паразитовъ, т. е. производитъ упадокъ въ собственной своей организаціи и деградацію въ себѣ. Основное начало жизни организмовъ, вслѣдствіе котораго они непремѣнно деградируютъ, когда паразитируютъ, превращаетъ трудъ въ орудіе развитія солидарности между людьми. Развитіе такой солидарности даетъ людямъ возможность общими силами бороться съ упадкомъ солидарности въ каждой отдѣльной особи, оставаясь раздѣльными организмами, чѣмъ устраняются неудобства роста и пр. Организмы работаютъ солидарно, а все таки не срастаются въ одно цѣлое. Такой организаціей человѣка предначертывается путь къ его развитію и счастью. Подъ вліяніемъ идеала обилія и покоя онъ старается вести жизнь чисто эгоистическую, но чѣмъ далѣе онъ заходитъ по этому пути, тѣмъ болѣе погружается въ грубую животность, тѣмъ болѣе утрачиваетъ образъ человѣческій. Вмѣсто того, чтобы наполнять свою жизнь возвышенными, прекрасными наслажденіями, онъ ее наполняетъ грубыми, животными ощущеніями. Онъ дѣлается рабовладѣльцемъ, феодаломъ, провозглашающимъ для себя право первой ночи, многоженцемъ, превращающимъ женщину въ одалиску, но вмѣсто того, чтобы открывать себѣ этимъ путь къ блаженству, онъ его закрываетъ; тѣ силы, которыя даютъ человѣку лучшія, истинно человѣческія ощущенія, вовсе не развиваются въ немъ. Мы уже видѣли роль, которую играло многоженство въ Турціи при возникновеніи современной западной цивилизаціи. Турецкіе нравы намъ представляютъ въ ясной картинѣ то, что преподносится намъ исторіей въ ложномъ освѣщеніи подъ именемъ блестящаго двора. Инстинкты человѣческіе въ этомъ отношеніи такъ сильны, что они пробудили въ людяхъ въ нѣкоторой степени правильное чутье, не смотря на идеалъ обилія и покоя. Среди необразованнаго рабочаго населенія здоровыя натуры предпочитаютъ жизнь въ бракѣ всѣмъ прелестямъ и приманкамъ свободной любви. Свободная любовь поддерживается только зловредными условіями жизни прислуги, солдатъ, отхожихъ рабочихъ, фабричныхъ и т. д. Такія положенія порождаютъ пьянство, раз-

врать и всѣ разслабляющіе человѣка пороки и наоборотъ, пороки эти производятъ вырожденіе расы, притупляющее въ женщинахъ и мущинахъ природное, здоровое чутье. Чѣмъ выше рабочій человѣкъ возвышается надъ уровнемъ раба, чѣмъ болѣе онъ просвѣщается образованіемъ, тѣмъ сильнѣе становится въ немъ здоровый инстинктъ единоженства и брачной жизни. У образованной женщины этотъ инстинктъ уже такъ силенъ, что она за рѣдкими исключеніями ни на какія другія отношенія, кромѣ брака въ единоженствѣ, не соглашается. Она предпочитаетъ безплодное тягостное дѣвство положенію богатой любовницы.

Только въ высшихъ сферахъ деморализація, умственный, нравственный упадокъ и вырожденіе расы опять такъ-же велики, какъ среди безграматнаго народа. Коммунистическое стремленіе создать для себя задушевный, семейный очагъ беретъ окончательно верхъ надъ животнымъ сладострастіемъ. Благодаря бѣдности, невѣжеству и противоестественнымъ условіямъ жизни рабочаго класса, всякій образованный человѣкъ можетъ покупать любовь молодыхъ и красивыхъ женщинъ ради удовлетворенія своего сладострастія, но громадное большинство молодыхъ людей считаетъ для себя страдальческимъ такой способъ удовлетворенія своимъ потребностямъ и стремится къ браку съ образованной женщиной, какъ къ идеалу. Въ бракѣ грубое сладострастіе отступаетъ на послѣдній планъ, а на первый выдвигаются иныя чувства, порожденныя развитіемъ. Образованный европеецъ, сравнивая себя съ туркомъ, могъ-бы уже ясно понять, что онъ измѣнилъ свой взглядъ именно потому, что пошелъ путемъ развитія, предначертаннымъ его исконной организаціей, что этотъ путь и составляетъ то направленіе, въ которомъ возвышается его счастье. Стоитъ однакоже ознакомиться съ поэзіей и беллетристической литературой европейцевъ, чтобы убѣдиться, что ихъ образованное общество въ своемъ выборѣ руководствовалось гораздо болѣе чутьемъ, чѣмъ сознательнымъ пониманіемъ своего счастья; на его загрубѣлое воображеніе разрумяненный развратъ производитъ поэтическое впечатленіе, а счастье семейной жизни кажется ему фадной прозой. Онъ не много развился сравнительно съ мальчишкой, которому образъ лихого разбойника кажется поэтичнымъ, а мирнаго труженика жалкимъ. Достигнувъ пониманія или, лучше сказать, предчувствія, что бракъ и воспитаніе дѣтей даютъ болѣе счастья,

чѣмъ разрумяненное сладострастіе, человѣкъ, вслѣдствіе глубоко вкоренившагося въ него идеала обилія и покоя, тотчасъ-же сбивается съ пути и воспитываетъ своихъ дѣтей не такъ, чтобы подготовить для нихъ въ будущемъ максимумъ счастья, а такъ, чтобы уменьшить ихъ шансы на счастье въ возможно большихъ размѣрахъ.

Богатые родители деспотическихъ обществъ прививаютъ своимъ дѣтямъ минимумъ привычки къ развитію и труду, такъ какъ по ихъ понятію и развитіе и трудъ составляютъ злополучную долю, и вмѣстѣ съ тѣмъ внѣдряютъ въ нихъ тѣ искусственныя потребности, которыя уже въ нихъ самихъ успѣли произвести вырожденіе расы. Особенность всякой неестественно развитой въ человѣкѣ потребности, начиная отъ вина и опіума и кончая вѣликолѣпной обстановкой и потребностью во власти надъ людьми, заключается въ томъ, что вслѣдствіе привычки къ ней она перестаетъ доставлять человѣку удовольствіе, а односторонность, выработывающаяся въ человѣкѣ такимъ образомъ, побуждаетъ его искать такого удовольствія и стремиться увеличивать дозы вина и опіума, опьяняющій его блескъ и имѣющуюся въ рукахъ его власть. Всякое лишеніе въ этомъ отношеніи онъ ощущаетъ, какъ тяжкое страданіе, а увеличеніе дозы почти не замѣчаетъ. Однако-же по естественному ходу вещей, дѣти, раздѣляя имущество своихъ родителей дѣлаются бѣднѣе ихъ, а вслѣдствіе слабости, порожденной въ нихъ воспитаніемъ въ духѣ идеала покоя и обилія, и шансы на власть у нихъ уменьшаются; противорѣчіе между ихъ стремленіями и способами осуществленія дѣлаетъ ихъ настолько-же вредными для людей, какъ и для себя самихъ, у нихъ является къ людямъ взаимная антипатія, заносчивое презрѣніе, а потомъ и ненависть, — въ особенности ненависть ко всему развитому, интеллигентному и честному. Этимъ они положеніе свое дѣлаютъ еще болѣе ненормальнымъ, потому что ихъ ненависть къ развитію заставляетъ ихъ прекращать развитіе прежде всего въ себѣ самихъ и въ окружающей ихъ средѣ; такимъ образомъ они надвигаютъ на себя ту тучу, которую старались разсѣять.

Одной ступенью выше стоятъ родители, у которыхъ идеалъ обилія и покоя уже настолько измѣнился, что они сильно разочаровались въ блаженствѣ безпечальнаго житья; хотя они въ развитіи видятъ еще отяготительный, вынуждаемый обстоятель-

ствами процессъ, но они понимаютъ его необходимость; до нѣкоторой степени они способны усмотрѣть въ немъ даже источникъ счастья и прекрасныхъ ощущеній. Животная жизнь и развратъ вовсе не кажется имъ идеаломъ блаженства, передъ ними въ неясныхъ образахъ носится уже другой идеалъ. Они стараются дать своимъ дѣтямъ умственную культуру и знаніе съ тѣмъ чтобы они имѣли болѣе способовъ для достиженія обилія и покоя. Такое воспитаніе заключаетъ въ себѣ несомнѣнный прогрессъ, но оно остается все таки существенно ненормальнымъ. Родители не могутъ по прежнему обойтись безъ понятія о долгѣ вслѣдствіе противорѣчія между ихъ понятіемъ о счастьѣ и условіями общественной жизни. Противорѣчіе это кажется имъ по прежнему неустранимымъ; идеалъ обилія и покоя еще такъ крѣпко сидитъ въ нихъ, что они убѣждены, что человѣкъ можетъ увеличивать свое счастье только на счетъ общаго блага. Тѣ искусственныя потребности, которыя производятъ въ человѣкѣ умственный и нравственный упадокъ и даже вырожденіе расы, кажутся имъ могучими двигателями цивилизаціи; они вовсе не видятъ оборотную сторону медали въ стремленіи къ богатству, ко власти и къ преобладающему въ обществѣ положенію. А потому и при такомъ воспитаніи невозможно правильное и здоровое развитіе общества; образованный человѣкъ по прежнему остается естественнымъ врагомъ или, по крайней мѣрѣ, недоброжелателемъ такого прогресса, а вмѣстѣ съ тѣмъ и врагомъ своего собственнаго счастья. Онъ не старается занять въ обществѣ то положеніе, при которомъ онъ доставитъ себѣ максимумъ всесторонняго развитія а вмѣстѣ съ тѣмъ и максимумъ счастья, а наоборотъ, онъ старается во чтобы то не стало достигать обилія и покоя. Захватъ положеній, дающихъ власть и богатство, кажется ему основной цѣлью его жизни; тщеславіе и вкусъ всегда разростаются въ немъ чрезмѣрно; его положеніе въ обществѣ менѣе ложное, чѣмъ положеніе человѣка, ненавидящаго интеллигентность и образованіе, только потому, что онъ самъ получилъ нѣкоторую умственную культуру. Онъ перестаетъ глупо ненавидѣть народное образованіе и въ нѣкоторой степени способенъ допускать и даже поощрять его; но интеллигентныхъ людей, безкорыстныхъ искателей истины онъ ненавидитъ не менѣе своего предшественника-консерватора. Положеніе его всегда не соотвѣтствуетъ его способностямъ, знаніямъ

и дарованіямъ, а потому надъ нимъ всегда виситъ угроза быть выбитымъ изъ занятаго имъ, по его мнѣнію, высокаго мѣста — и это отравляетъ ему жизнь. Именно вслѣдствіе того, что его положеніе не соотвѣтствуетъ его способностямъ, онъ не можетъ отдаться своему дѣлу всею душою, оно не ладится у него въ рукахъ, онъ чувствуетъ, что онъ слишкомъ мелоченъ и тупъ для него, а потому оно ему надоѣдаетъ и валится у него изъ рукъ; чѣмъ дольше онъ живетъ, тѣмъ больше онъ дѣлается честолюбивымъ и бездѣятельнымъ, тѣмъ болѣе онъ ненавидитъ интеллигенцію и выдающійся умъ, тѣмъ глубже погружается въ сферу апатіи и мелочности.

Подобное настроеніе, обнимающее образованный классъ, порождаетъ господство такихъ взглядовъ на общественныя организаціи, при которыхъ интеллигентность подавляется, развитіе стѣсняется, а дѣятельность тѣхъ, которымъ дѣйствительно удалось обогатиться знаніями, получаетъ ложное направленіе. Никто не будетъ спорить, что современная Англія принадлежитъ къ тѣмъ странамъ, которыя пережили періодъ, гдѣ господствуетъ абсолютная монархія и бюрократія, и гдѣ богатые и знатные родители стараются прививать дѣтямъ своимъ минимумъ привычки къ труду; необходимость подготовлять дѣтей къ жизни путемъ пріобрѣтенія знаній тамъ вполнѣ понимается. А потому мы можемъ привести англійскія воззрѣнія для разъясненія тѣхъ взглядовъ, которые порождаются при одностороннемъ идеалѣ. Начнетъ съ условій научнаго образованія. Англія имѣетъ медицинскіе колледжи, весьма богато снабженные средствами для пріобрѣтенія научныхъ знаній. Въ лучшемъ и богатѣйшемъ изъ нихъ въ медицинской школѣ при госпиталѣ св. Георгія студентъ долженъ платить за одно право на слушаніе лекцій и проч. 1250 рублей въ годъ. Совершенно справедливо, что общество должно имѣть учрежденія ученыя и учебныя, снабженныя всѣми средствами для пріобрѣтенія знанія и для научныхъ работъ; но такія учрежденія должны содержаться на счетъ общества и быть безвозмездными, въ нихъ должны обучаться и заниматься наукой наиболѣе способные, а не наиболѣе богатые. Чтобы отецъ, имѣющій нѣсколько сыновей, могъ платить за одно право на обученіе каждаго изъ нихъ 1250 рублей, его доходъ долженъ составлять десятки тысячъ. Кругъ лицъ, способныхъ получить высшее образованіе, этимъ крайне

ограничивается и въ этомъ ограниченномъ кругу преобладаютъ бездарности, лица, которыя уже съ молоду воспитаны въ условіяхъ вырожденія расы. Источникъ свѣта, вмѣсто того, чтобы возвышать интеллигентность страны, служитъ къ ея подавленію, создаетъ касту, наслѣдственно сплотившуюся, чтобы не давать доступа къ знанію живому и интеллигентному уму.

Дальнѣйшая карьера, воспитаннаго такимъ образомъ, юнаго англичанина развиваетъ въ немъ прежде всего и болѣе всего не любовь къ истинѣ, не стремленіе приносить пользу, а безнравственное научное шарлатанство. Его мечта заключается въ томъ, чтобы воспользоваться своими преимуществами для наживы денегъ. Въ Лондонѣ пять наиболѣе извѣстныхъ врачей получали отъ практики отъ двухсотъ до восьмисотъ пятидесяти тысячъ рублей въ годъ. Въ сравненіи съ такой блестящей будущностью положеніе профессора кажется ему жалкимъ. Профессоръ анатоміи эдинбургскаго университета получаетъ только тридцать четыре тысячи рублей, а физіологіи даже двадцать одну тысячу; они считаютъ себя обездоленными и проклинаютъ судьбу, которая принудила ихъ взяться за безплодную науку. Съ другой стороны врачъ, получающій сотни тысячъ въ годъ, чтобы выжать такую массу денегъ изъ своей практики, долженъ превратиться въ непрерывно работающую машину для пріобрѣтенія денегъ; жизнь его похожа на жизнь Гарпагона, который жадно всѣми средствами хватаетъ одну золотую монету за другой и, увлеченный необузданной страстью, самъ не знаетъ зачѣмъ и для чего онъ дѣлаетъ изъ себя жертву безплодной алчности. Гдѣ-же подобному практику заниматься наукой, когда онъ до изнуренія силъ поглощенъ погонею за высокими гонорарами; а между тѣмъ, чтобы получать эти гонорары онъ долженъ слыть свѣтиломъ науки, лучшимъ ея знатокомъ. Чтобы спасти себя ему остается одно средство — шарлатанство. Онъ проклинаетъ науку, которая на зло ему идетъ непрерывнымъ шагомъ впередъ, онъ употребляетъ все свое вліяніе, чтобы подавить въ ней всякій талантъ, всякое живое и глубокое пониманіе: куда ему справиться съ этимъ пониманіемъ, когда онъ, давно отъ ней отставшій среди погони за гонорарами, не можетъ употреблять на ея изученіе и десяти минутъ въ день своей старческой работы: куда ему понять, какъ мелокъ тотъ путь, которымъ онъ шолъ всю жизнь, заѣденный

рутиной, и повернуть на глубокій. Для чего наконецъ онъ накопляетъ всѣ эти богатства? — чтобы воспитать потомство, похожее на него съ его женою; его дочь, взрослая во взглядахъ лкпваго и мельчайшаго изъ мелкихъ міровоззрѣній, будетъ всю жизнь жаждать удовольствій, которыя нисколько не лучше игры въ куклы, тѣшившей ее въ дѣтствѣ; его сынъ будетъ или безпутнымъ прожигателемъ жизни или такимъ-же шарлатаномъ, какъ отецъ. Это племя жадныхъ искателей богатства стоитъ сплоченной стѣной ради заглушенія въ дѣятеляхъ науки всякой любви къ глубокой истинѣ и достигаетъ своей цѣли съ гораздо большей тонкостью и искусствомъ, чѣмъ могли это сдѣлать его невѣжественные и сиволапые предшественники временъ неограниченныхъ монархій.

Что-же касается до истинно полезной дѣятельности, то создаваемое ими положеніе даетъ намъ слѣдующую картину: на фабрикахъ и заведеніяхъ, занимающихъ рабочихъ массами, хозяева вычитаютъ у рабочихъ извѣстный процентъ, чтобы содержать для нихъ врача. Прежде всего хозяинъ изъ этихъ денегъ половину береть себѣ, за тѣмъ онъ старается на остальное нанять болѣе или менѣе извѣстнаго врача, который-бы безвозмездно лѣчилъ его семейство. Такому врачу онъ платитъ, положимъ, три тысячи пятьсотъ рублей; но развѣ мѣстная знаменитость можетъ удовольствоваться столь ничтожными деньгами, онъ имѣетъ четырехподобныхъ мѣста, но такъ какъ четырнадцать тысячъ кажутся ему все таки еще нищенскимъ гонораромъ, то онъ прибавляетъ къ нимъ обширную практику между богатыми людьми: послѣ того для рабочихъ у него остается на каждое заведеніе въ максимумѣ четверть часа въ день; онъ заѣдетъ къ нимъ въ каретѣ, разбросаетъ на удачу нѣсколько порошковъ и маршъ дальше. Чтобы спасти науку отъ окончательнаго упадка оказалось невозможнымъ предоставить выборъ профессоровъ самимъ ученымъ: это значилобы дать ученымъ ремесленникамъ возможность выбросить за бортъ всѣ таланты; колледжи пали-бы такъ-же низко, какъ пали академіи наукъ отъ права академиковъ избирать своихъ товарищей; вотъ почему пришлось предоставить выборъ тѣмъ, которые поддерживаютъ колледжи своими деньгами и потому заинтересованы тѣмъ, чтобы въ заведеніи были хорошіе ученые, но вѣдь эти избиратели не спеціалисты, они не могутъ правильно оцѣнить знаніе ученаго. Что же касается до интересовъ народа то такими

условіями онъ вовсе лишается помощи врачей, ему остается прибѣгать къ аптекарямъ и дѣйствительно число тѣхъ аптекарей, на долю которыхъ выпадаетъ леченіе народа въ нѣсколько разъ превышаетъ число врачей. При недостаточности своихъ знаній они дѣлаютъ свое дѣло, какъ умѣютъ, а врачи всѣми вависящими отъ нихъ средствами бросаютъ имъ палки въ колеса.

Юридическія знанія находятся въ положеніи еще болѣе неблагопріятномъ, чѣмъ медицина; гонорары адвокатовъ гораздо значительнѣй гонораровъ врачей; надъ ними возвышаются судьи, которые въ нѣкоторомъ смыслѣ являются рѣшителями ихъ судебъ и цѣнителями ихъ достоинства, а потому при современныхъ взглядахъ общества должны также получать громадныя содержанія и все таки завидуютъ обогощающимся адвокатамъ. Вслѣдствіе этого законодательство ими направляется такъ, чтобы оно служило сѣтью для уловленія гражданъ, чтобы злополучный обыватель никакъ не могъ разобраться въ своихъ нравахъ и обогащалъ-бы своихъ юристовъ настолько-же, насколько занятая непріятельскимъ войскомъ страна обогащаетъ взымающихъ съ нее контрибуціи генераловъ. Говорятъ, что въ Англіи поземельная аристократія служитъ противовѣсомъ алчной и узкой буржуазіи, но въ чемъ проходитъ жизнь этой аристократіи? — Аристократъ и его арендаторъ всю жизнь свою заняты тѣмъ, чтобы заглушить въ себѣ чувство страданія отъ бездѣлья; для этого они выработываютъ изъ себя или художника безъ таланта или музыканта безъ слуха и музыкальнаго чутья, подобно краснокожему дикарю, они готовы посвятить всѣ свои часы охотѣ, азартнымъ играмъ и пари; благородныя леди умиляются надъ несчастнымъ аристократомъ, который не можетъ доставить себѣ удовольствіе охоты и не имѣетъ денегъ, чтобы держать пари. Когда это смѣшное и жалкое высшее сословіе берется за серьезную дѣятельность, тогда оно заботится объ одномъ, чтобы серьезная мысль и истинное нравственное чувство не могли овладѣть обществомъ, чтобы носители этихъ идей и чувствъ не могли пріобрѣсти популярностъ и свергнуть ихъ съ пьедестала. Въ одномъ они упражняются, въ искусствѣ сплотиться такъ, чтобы общими силами выжимать изъ подвластныхъ имъ народовъ громадныя богатства. Рабочій въ Индіи скудно питается горстью риса, даже мѣстный чиновникъ ходитъ дома голый по недостатку средствъ купить одежду; во

время голода люди въ Индіи умираютъ милліонами вслѣдствіе своей крайней бѣдности и недостаточности заработковъ; рабочій въ Англіи далеко не получаетъ полнаго вознагражденія за свою работу.

Интересно, что при порядкѣ, который способствовалъ-бы развитію заработной платы въ Индіи и въ Англіи, интеллигенція была-бы не бѣднѣе, а даже богаче; современными порядками она отстаиваетъ не свои богатства, а свою невѣжественность и бездарность, свою привычку всю жизнь ребячиться, наполнять свое время такъ, какъ она наполняла его въ дѣтствѣ, т. е. играть въ игрушки, только игрушки у ней другія: политра и кисти, музыкальные инструменты, актрисы, вино, лошади, ордена, титулы и т. п. дрянь; даже и наука въ ихъ рукахъ дѣлается дрянью, пустой забавой. Читайте первостепенныя англійскія газеты: Times, Standard, Daily News, въ нихъ двѣ трети мѣста заняты такой дребеденью, а серьезнымъ извѣстіямъ не посвящается и десятой доли. Даже при американскихъ порядкахъ земли лордовъ давно-бы перешли въ руки болѣе способныхъ производителей, бездарное и пьяное англійское духовенство давно-бы лишилось своего вліянія на образованіе; современные англійскіе капиталисты въ Индіи замѣстились-бы другими, законодательныя препятствія къ развитію мѣстнаго производства рухнули-бы и индѣйскій рабочій съ возвышеніемъ своей заработной платы сталъ-бы производить предметы, нужные для увеличенія его благосостоянія, а не опіумъ для отравленія китайцевъ; англичанинъ также пересталъ-бы заваливать азіатскіе рынки мошеннической фальсификаціей, а производилъ-бы товаръ для собственнаго потребленія.

Въ настоящее время можно найдти родителей, которые понимаютъ лучше задачу воспитанія дѣтей съ цѣлью обезпечить за ними въ будущемъ максимумъ счастья. Они находятъ, что шансы на счастье у человѣка увеличиваются тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ имѣетъ способовъ и чѣмъ менѣе потребностей. Поэтому воспитаніе должно дать ему возможно болѣе развитія и знаній и пріучать его къ возможно большей простотѣ въ привычкахъ. Онъ долженъ полюбить людей самыхъ бѣдныхъ и малообразованныхъ, простоту въ одеждѣ, пищѣ и пр. — всего этого не трудно достигнуть, такъ какъ ребенокъ весьма склоненъ къ играмъ и

забавамъ дѣтей изъ народа, развивающимъ физическія силы и противодѣйствующимъ изнѣженности. Такъ какъ масса занимается физическимъ трудомъ, то ея молодое поколѣніе гораздо энергичнѣе въ играхъ, требующихъ силы и ловкости, чѣмъ дѣти образованныхъ людей. По натурѣ своей организмъ всякаго ребенка требуетъ физическаго развитія и дѣтямъ образованнаго класса дѣти изъ народа кажутся существами болѣе богато одаренными и достойными подражанія. Чтобы они начали смотрѣть иначе имъ нужно искусственно вбивать въ голову спѣсь и понятіе о своемъ общественномъ превосходствѣ. Такое искусственное извращеніе естественныхъ для ребенка взглядовъ и производится единодушной пропагандой всѣхъ его окружающихъ. Родители, конечно, должны умѣть противодѣйствовать подобному ложному въ немъ направленію. Если-же такое воспитаніе удастся, то выросшій изъ подобнаго ребенка человѣкъ окажется въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ для жизни. Люди, вышедшіе изъ среды народа, естественно попадаютъ въ такія условія, но чаще всего имъ съ молоду привитъ идеалъ покоя и обилія; на работу они привыкли смотрѣть, какъ на страданіе, необходимое для достиженія блаженнаго обилія; они смотрятъ такъ и на работу, необходимую для пріобрѣтенія денегъ и на ту, какая нужна для развитія. Подъ вліяніемъ такого настроенія они скоро привыкаютъ къ искусственнымъ потребностямъ и превращаютъ ихъ въ необходимыя, а трудъ и развитіе начинаютъ ненавидѣть. Съ другой стороны образованные люди въ молодыхъ еще лѣтахъ могутъ убѣдиться во вредномъ вліяніи искусственныхъ потребностей; но они уже вѣлись въ нихъ, имъ приходится съ ними бороться, а потому они ожесточаются и не могутъ вырабатывать изъ себя спокойнаго и правильнаго міровоззрѣнія.

Человѣкъ безъ искусственныхъ потребностей, снабженный богато и знаніями и развитіемъ, скоро почувствуетъ себя въ такомъ устойчивомъ положеніи, при которомъ забота о кускѣ хлѣба въ сущности будетъ для него отсутствовать. Любознательность его развита, куда-же онъ ее направитъ? Онъ человѣкъ и въ немъ живо дѣйствуютъ тѣ органическія привычки, которыя усвоены человѣческимъ организмомъ отъ вѣка. Онъ воспитанъ въ коммунистическомъ союзѣ семейства, гдѣ онъ былъ безпомощнымъ, неспособнымъ обезпечивать свои потребности ребенкомъ и гдѣ объ

немъ заботились безкорыстно, не изъ желанія получить отъ него какое-либо вознагражденіе, а съ единственной цѣлью осчастливить его въ дѣтствѣ и приготовить ему счастливую будущность во время самостоятельной его жизни. Родители его такъ и умерли, не нуждаясь отъ него ни въ какомъ вознагражденіи, но они развивали его умъ и онъ почувствовалъ, что этотъ умъ есть лучшее изъ его качествъ; то качество, которое ставитъ его выше всѣхъ прочихъ животныхъ; онъ почувствовалъ, что самыя сильныя, возвышенныя и благородныя ощущенія доставляютъ ему великія и глубокія мысли. Въ немъ родилось стремленіе глубоко понять условіе своей жизни; онъ задаетъ себѣ вопросъ: какая цѣль жизни? Каковъ-же будетъ его отвѣтъ при той обстановкѣ, въ которую онъ поставленъ своимъ воспитаніемъ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

XVIII-ый вѣкъ (продолженіе). — Идея нравственности (продолженіе).

ЧЕЛОВѢКЪ, получившій упомянутое выше здоровое воспитаніе, вступая въ жизнь, сдѣлаетъ прежде всего то наблюденіе, что люди, воспитанные подъ вліяніемъ идеала обилія и покоя пріобрѣтаютъ чрезмѣрную наклонность къ занятіямъ апатическимъ, требующимъ минимумъ напряженія и этимъ уродуютъ свою жизнь. На первомъ планѣ у такого человѣка занятія, для которыхъ не нужно никакого усилія; онъ стремится не къ тому, чтобы работать самому, а къ тому, чтобы любоваться произведеніями чужого труда. Первая его страсть къ зрѣлищамъ и къ дорогимъ произведеніямъ. Чтобы выработать изъ себя артиста: первостепеннаго пѣвца, художника, актера, нужно много работать, но апатически восхищаться его игрой, пѣньемъ или картиной, составляетъ вполнѣ пассивное занятіе. Великолѣпный праздникъ, эфектный костюмъ для красивой женщины стоятъ очень дорого потому, что поглощаютъ человѣческую работу въ огромныхъ размѣрахъ, а постоянно пользующійся такими удовольствіями часто ощущаетъ одно пресыщеніе. Такая жизнь, не давая того здороваго утомленія, которое получается при разви-

вающей дѣятельности, раздражаетъ организмъ, но не удовлетворяетъ его. Не чувствуя себя удовлетвореннымъ, человѣкъ приписываетъ это недостаточности самаго ощущенія, онъ дѣлается капризнымъ и взыскательнымъ до крайности. Ненасытность грызетъ его, онъ жадно стремится выжимать изъ трудящихся и окружающихъ его все болѣе жертвъ; такимъ путемъ онъ искусственно вызываетъ полную ненависти борьбу за существованіе и все таки не удовлетворенъ; онъ жаждетъ, онъ такъ слабъ и апатиченъ, что ему страшно подумать о другомъ направленіи жизни; онъ весь поглощенъ неукротимой страстью выжимать у однихъ, чтобы щедрою рукою разсыпать другимъ и окружать себя поклоненіемъ.

Нормально воспитанный человѣкъ прекрасно понимаетъ, что избавиться отъ подобнаго болѣзненнаго состоянія, которое величается именемъ жизни, полной наслажденій, можно только трудомъ, который одновременно и утомляетъ и развиваетъ. Трудъ и развитіе имѣютъ однако-же также свое условіе, — чтобы удовлетворять человѣка онъ долженъ имѣть цѣль. Игра въ карты, даже фланерство въ области науки, если они производятся апатично, исключительно, чтобы наполнить время, тоже трудъ: солидные люди проводятъ свои вечера за карточнымъ столомъ изо дня въ день, будто службу справляютъ. Но это трудъ безцѣльный, убивающій развитіе, а не развивающій, а потому онъ не можетъ удовлетворять здоровую личность. Какую-же цѣль можетъ поставить себѣ образованный человѣкъ? Работать ради куска хлѣба? У него избытокъ силъ и способовъ надъ потребностями, онъ такой цѣлью удовлетвориться не можетъ. Ему мало работы, онъ ищетъ полезной работы, полезнаго употребленія своего времени. Является вопросъ: что полезно? Полезно развитіе организма и его дѣятельности. Развитіе можетъ быть дѣйствительнымъ и кажущимся: можно напр. развить въ себѣ способность переносить очень высокія и низкія температуры. Съ виду это развитіе, въ дѣйствительности-же оно заключаетъ въ себѣ упадокъ солидарности. Чтобы пріобрѣсти способность брать руками горячіе предметы, надобно притупить впечатлительность нервовъ осязанія, надобно произвести въ ихъ клѣткахъ омертвѣніе. Человѣкъ, противопоставляя себя животному, ищетъ развитія человѣческаго, тѣхъ сильныхъ ощущеній, которыя доставляютъ ему глубокія мысли, порождающія страстныя чувства; они создаютъ въ немъ энтузіазмъ,

несравненно болѣе овладѣвающій всѣмъ его существомъ, чѣмъ всякія другія ощущенія и страсти. Восторги, вызываемые музыкой, видомъ художественныхъ произведеній, блескомъ и роскошью, даже пылкими увлеченіями первой юношеской любви, кажутся ему ничтожными и жалкими въ сравненіи съ возвышающимъ и просвѣтляющимъ все его существо могуществомъ глубокихъ, руководящихъ въ жизни идей.

Первыя подобныя серьезныя ощущенія даютъ ему религіозныя чувства, но вотъ онъ убѣдился, что религія приноситъ не пользу а вредъ и все ея обаяніе, все очарованіе мгновенно исчезло. Слѣдуя тому пути, которымъ шло развивающееся человѣчество, онъ переходитъ отъ религіи къ наукѣ и философіи. И тутъ сначала увлекаетъ его одна сила напряженія, необходимая для созданія себѣ философскаго мировоззрѣнія; философія кажется ему высшей, наиболѣе развивающей изъ всѣхъ родовъ дѣятельности, онъ остановливается передъ ней съ восторгомъ и благоговѣніемъ. Но вскорѣ онъ замѣчаетъ нелѣпость развитія ради одного развитія; оно противно основнымъ условіямъ жизни организма, въ немъ нѣтъ взаимности. Органъ, который развиваетя не принося этимъ организму никакой пользы, является паразитомъ, истощающимъ его. Всякій животный организмъ развиваетъ свои органы только ради удовлетворенія какой-либо потребности. Безцѣльное развитіе точно такъ-же противоестественно, какъ и та дѣятельность, которая имѣетъ своею цѣлью заглушить естественную потребность въ развитіи. Человѣкъ непремѣнно долженъ выяснить себѣ цѣль развитія, иначе онъ не выйдетъ изъ ненормальнаго состоянія. Животное и растеніе никогда не развиваются безцѣльно, — оградить себя отъ упадка органической солидарности есть вѣчная цѣль каждаго ихъ шага на пути развитія. Цѣль развитія человѣка уже указана нами выше. Животное ограждаетъ процвѣтаніе своего организма, охраняя въ немъ самомъ солидарность частей отъ разрушенія; человѣкъ дѣлаетъ шагъ далѣе и стремится для той-же цѣли создать солидарность интересовъ между собою и окружающими его людьми, замѣнить борьбу взаимной помощью. Только сбившійся ложнымъ направленіемъ съ толку человѣкъ прославляетъ борьбу. Стремленіе къ солидарности въ видѣ темнаго инстинкта уже укоренилось въ человѣкѣ. Создавая себѣ первое юношеское міровоззрѣніе, здраво воспитанный человѣкъ жаждетъ жить для

блага міра, эта же восторженная мысль возбудила въ немъ въ дѣтствѣ религіозный энтузіазмъ и онъ отсталъ отъ религіи только убѣдившись въ ея непригодности для достиженія великой цѣли. Какъ-же жить для блага міра? Въ чемъ заключается благо вселенной? Передъ его взорами лежатъ необъятныя пространства, наполненныя неорганической матеріей. Куда, къ чему она стремится? Что въ ней развитіе, гдѣ самосохраненіе, гдѣ упадокъ? Наука не сдѣлала и перваго шага для разрѣшенія такой задачи. Разъ не разрѣшена эта задача, возможно-ли идти далѣе. Жить для блага міра не соотвѣтствуетъ ни его знаніямъ, ни его способностямъ.

Единственная область, въ которой онъ можетъ разобраться — благо людей. Онъ можетъ понять, въ чемъ заключается благо другого человѣка и всѣхъ людей вообще — потому что онъ самъ человѣкъ. Ему ясно, что человѣкъ, увеличивая правильно понятое собственное свое счастье, тѣмъ самымъ работаетъ для той цѣли, къ которой стремится и весь органическій міръ. Для увеличенія своего счастья въ рукахъ человѣка одно средство — трудъ. Трудъ плодитъ жизнь въ пустынѣ, трудъ уничтожаетъ безплодную борьбу за существованіе, при которой животныя только истребляютъ другъ друга и тѣ растенія, которыя имъ служатъ пищею, нисколько не заботясь о томъ, чтобы способствовать развитію и процвѣтанію организмовъ, необходимыхъ для ихъ собственнаго существованія. Одинъ трудъ заботливой рукой роститъ и кормитъ то, что нужно человѣку, одинъ человѣкъ своимъ трудомъ увеличиваетъ существовавшіе до него размѣры органической жизни, правильно распредѣляя влагу и удобреніе. Его заботы даютъ домашнимъ животнымъ возможность жить даже на безплодномъ сѣверѣ. Своимъ умомъ и своимъ трудомъ онъ помогаетъ организмамъ достигать тѣхъ благопріятныхъ для ихъ жизни условій, къ которымъ они стремятся. И такъ, если образованный человѣкъ поставитъ себѣ цѣлью жить для блага людей, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ жить для блага органическаго міра вообще, онъ будетъ порождать весь тотъ прогрессъ, который онъ способенъ понимать. Направляя свою дѣятельность въ эту сторону, онъ вынужденъ будетъ убѣдиться, что благо и счастье нельзя навязывать людямъ, его нужно изслѣдовать, приводить въ извѣстность: собственное стремленіе организма составляетъ для насъ единственное доказательство, что мы со-

дѣйствуемъ его счастью, а не противодѣйствуемъ ему. Разъ человѣкъ будетъ употреблять власть, чтобы заставлять людей дѣйствовать и думать такъ или иначе, онъ вступаетъ на самый опасный путь; онъ можетъ направлять ихъ ко злу, воображая, что онъ содѣйствуетъ ихъ благу — въ его рукахъ одинъ правильный образъ дѣйствія — убѣжденіе. Пока онъ убѣждаетъ, а не повелѣваетъ, онъ развиваетъ другихъ и развивается самъ черезъ свободный отпоръ, черезъ противорѣчіе, которое встрѣчаетъ. Отвращеніе отъ власти, стремленіе дѣйствовать на людей не силой, а убѣжденіемъ, вполнѣ естественно для здоровой натуры.

Что-же выйдетъ изъ этого? Человѣкъ видитъ всю суть своего счастья въ своемъ развитіи, а развитіе свое въ томъ, чтобы понять въ чемъ заключается общественное благо и полезная работа. Онъ убѣдился, что понять общественное благо нельзя, игнорируя чувства и взгляды живыхъ, окружающихъ его людей. Ошибка ученія объ обществѣ, основанномъ на договорѣ, заключается въ томъ, что договоръ подразумѣваетъ взаимныя уступки: договоръ и компромиссъ между гражданами, составляющими одно государство, всегда будетъ въ сущности тѣмъ-же, чѣмъ является договоръ между воюющими державами: самый сильный дѣлаетъ наименьшія уступки, самый слабый наибольшія. Между тѣмъ общественное благо, общественное процвѣтаніе и спокойствіе требуютъ, чтобы было наоборотъ; они требуютъ не компромисса, а уничтоженія въ сильныхъ притязаній, которыя производятъ упадокъ и въ нихъ самихъ и во всемъ обществѣ. Борьба можетъ прекратиться и взаимная помощь, при которой сограждане будутъ помогать каждому изъ своихъ членовъ бороться съ фатальнымъ ходомъ упадка солидарности, можетъ наступить только тогда, когда въ людяхъ будутъ уничтожены тѣ ложные взляды на счастье, которые вызываютъ въ нихъ нелѣпыя притязанія. Такіе ложные взгляды поддерживаются болѣе всего тѣмъ, что они раздѣляются всѣми: всѣ, и интеллигентные, и не интеллигентные, и богатые и бѣдные, и сильные и слабые видятъ свое счастіе въ обилiи и покоѣ, интересы ихъ чрезъ это дѣлаются противоположными, взаимное довѣріе уничтожается, а потому они вмѣсто того, чтобы помогать другъ другу въ борьбѣ съ упадкомъ солидарности, сами борятся между собою и такимъ образомъ всѣ одинаково усугубляютъ у себя упадокъ; для однихъ онъ усугубляется тѣмъ, что жизнь дѣ-

лается для нихъ слишкомъ тяжелой, а для другихъ тѣмъ, что она дѣлается для нихъ слишкомъ легкой. Создавать и распространять такое воззрѣніе на счастье, при которомъ интересы людей дѣлаются солидарными, борьба замѣняется взаимной помощью, и составляетъ цѣль всякаго развитія. Вотъ почему человѣкъ долженъ всю жизнь свою развиваться, если онъ хочетъ обезпечить себѣ въ этой жизни максимумъ счастья. Общество живыхъ людей постоянно мѣняется; въ тотъ періодъ времени, въ который человѣкъ переходитъ отъ молодости къ старости, человѣчество вовсе не дѣлаетъ того-же перехода и чтобы сохранить свою способность къ развитію солидарности между людьми, онъ самъ долженъ постоянно развиваться по крайней мѣрѣ на столько-же, насколько развивается окружающее его общество.

Прежде всего и болѣе всего онъ будетъ стараться о созданіи правильнаго общественнаго мнѣнія между людьми. Общественное мнѣніе имѣетъ огромное вліяніе на взгляды и поступки людей, вліяніе это гораздо значительнѣе вліянія религіи. На громадное большинство людей и религія дѣйствуетъ только вслѣдствіе вліянія общественнаго мнѣнія. Подъ вліяніемъ той среды, которая непосредственно ихъ окружаетъ, люди дѣлаются то религіозными фанатиками, то мѣняютъ религію. Кромѣ того требованія общественнаго мнѣнія вытекаютъ прямо изъ жизни даннаго момента и практически вполнѣ осуществимы; затѣмъ еще — разъ человѣкъ дѣйствуетъ согласно съ истиннымъ, т. е. съ дѣятельнымъ общественнымъ мнѣніемъ, онъ находитъ для себя въ обществѣ весьма сильную поддержку. Но правильное общественное мнѣніе вырабатывается не вдругъ, чтобы создать его, нужны не только большія усилія, но и много времени. Отсюда вытекаетъ весьма существенное правило для нормальной жизни человѣка. Общество въ началѣ всегда относится враждебно къ передовымъ идеямъ; такое отношеніе не заключаетъ въ себѣ злого умысла со стороны общества, а вполнѣ естественно. Вѣрный взглядъ на вещи не налѣтаетъ на человѣка съ легкостью вѣтерка, его нужно уяснить себѣ и всесторонне понять; чѣмъ легче человѣкъ принимаетъ идеи на вѣру, тѣмъ легче онъ можетъ быть введенъ въ заблужденія. Легко-ли напр. усвоить себѣ основную идею нравственности?

При недостаточномъ питаніи во всякомъ организмѣ возстановляются сначала тѣ его части, которыя наиболѣе необходимы для

солидарныхъ его отправленій; остальныя подвергаются омертвѣнію. При обильномъ питаніи всѣ части организма могутъ развиваться, но необходимое условіе для такого развитія составляетъ дѣятельность этихъ частей. Если размѣры дѣятельности не соотвѣтствуютъ размѣрамъ питанія, то происходитъ слѣдующее: части организма возстановляются все таки только въ размѣрахъ ихъ дѣятельности; остальное питательное вещество идетъ на образованіе такихъ клѣточекъ, образованіе и питаніе которыхъ находится въ наиболѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, — до которыхъ питательное вещество достигаетъ съ наибольшей трудностью и которые поэтому питаются и развиваются только тогда, когда всѣ солидарныя части организма уже насыщены. Сюда принадлежатъ тѣ клѣточки организма, которыя не участвуютъ въ борьбѣ съ упадкомъ солидарности: клѣточки жировыя, и тѣ клѣтки, которыя, сохраняя условіе внутренней солидарности между собою, стремятся окончательно порвать свою солидарность со всѣмъ организмомъ, т. е. клѣточки воспроизведенія новой особи. Эти клѣтки получаютъ характеръ односторонніхъ паразитовъ, онѣ питаются на счетъ организма и не даютъ ему ничего; онѣ такъ-же, какъ и всякіе односторонніе паразиты, способствуютъ упадку солидарности въ организмѣ; онѣ являются внѣшнимъ, неблагопріятнымъ для сохраненія солидарности условіемъ. Организмъ борется съ этимъ условіемъ такъ-же, какъ со всѣми прочими. Прежде всего онъ старается обратить питательное вещество на образованіе солидарныхъ съ нимъ клѣточекъ и только тогда, когда это ему удастся, онъ употребляетъ его на питаніе и размноженіе тѣхъ, которыя разрываютъ съ нимъ солидарную связь. Затѣмъ при первомъ уменьшеніи питательнаго вещества или способности организма производить такое вещество прежде всего прекращается размноженіе и развитіе не солидарныхъ клѣточекъ. Во время голода или болѣзни, мѣшающей пищеваренію, количество жировыхъ клѣточекъ не только перестаетъ увеличиваться, но уменьшается, затѣмъ ослабѣваетъ и прекращается появленіе и размноженіе половыхъ продуктовъ. Но половые продукты нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ внѣшніе паразиты. Къ внѣшнимъ паразитамъ организмъ относится, какъ къ врагамъ и стремится ихъ уничтожить, но съ половыми продуктами у него связь, существенно измѣняющая дѣло. Когда онъ составлялъ одну клѣточку, эта клѣточка развивалась при обиліи питанія, утрачи-

вала вмѣстѣ съ тѣмъ свою внутреннюю солидарность и для ея возстановленія дѣлилась на двѣ. Хотя при этомъ процессѣ развитія взаимная солидарность между клѣточками уменьшалась, но она не уничтожалась, неблагопріятныя впечатлѣнія, получаемыя одной клѣточкой, отзывались на другой вовсе не такъ, какъ на ней отзывались неблагопріятныя впечатлѣнія, получаемыя паразитомъ; — страданіе и смерть паразита доставляли клѣточкѣ одно облегченіе, а страданія развившейся въ организмѣ клѣточки доставляли и ему страданіе и побуждали его къ общей дѣятельности ради спасенія клѣточки-дочери отъ впечатлѣній, порождающихъ въ ней упадокъ солидарности.

Связь между клѣточками, разросшимися изъ одной клѣточки, сохранялась и тогда, когда ихъ было нѣсколько. При этомъ являлись клѣточки, которыя уже ничего не давали другъ другу, между тѣмъ связь ихъ требовала единства дѣйствія, а потому страданія одной клѣточки, посредствомъ того впечатлѣнія, которое она производила на всю цѣпь, вызывали страданіе во всѣхъ и вызывали общее дѣйствіе. Рядомъ съ этимъ ходъ развитія принималъ слѣдующее направленіе; клѣточка получала родъ организаціи, — оболочка, полужидкое, зернистое содержаніе, ядро, ядрышко, нитевидныя развѣтвленія. При обильномъ питаніи ядро и ядрышко развивались и дѣлились каждое на части; — сдѣлавшіяся самостоятельными отъ клѣточки ядра и ядрышки соединялись другъ съ другомъ, порождали зародышъ, сбрасывали омертвѣвшія части клѣточки-матери и производили изъ себя нѣсколько клѣточекъ. Такимъ образомъ часть ядра и часть ядрышекъ превращались, такъ сказать, изъ частей клѣточки въ два отдѣльныхъ существа того-же вида, которыя соединялись другъ съ другомъ и, отдѣляясь отъ организма матери, составляли новый, солидарный и способный къ развитію организмъ. Въ дальнѣйшей стадіи развитія мы видимъ уже не соединеніе частей клѣточекъ, а соединеніе организмовъ того-же вида въ одинъ солидарный организмъ, такъ у морскихъ лилій организмы матерей выбрасываютъ въ воду живчиковъ и яйца; живчики плаваютъ въ водѣ, отыскиваютъ яйца и соединяются съ ними въ солидарный организмъ. Такія двѣ формы организаціи въ той-же самой разновидности вытекаютъ изъ условій, въ которыхъ живетъ организмъ. Для его процвѣтанія ему необходимы то подвижность, то неподвижность; поэтому въ немъ раз-

вивается и два рода органовъ и клѣточекъ: подвижные и неподвижные, — первые называются органами и клѣточками животной, а вторые растительной жизни. Если условія среды и жизни требуютъ преобладанія неподвижности, какъ это имѣетъ мѣсто въ растеніяхъ, то и подвижные, мужскіе элементы зародыша дѣлаются наконецъ неподвижными. Съ другой стороны неподвижныя клѣточки, такъ называемые органы растительной жизни, сохраняются и въ самыхъ подвижныхъ животныхъ организмахъ; — организмы носятъ ихъ въ себѣ, двигаютъ ихъ и двигаются съ ними, когда это нужно. Такимъ образомъ на самой ранней ступени органической жизни является стремленіе организмовъ того-же вида соединяться и составлять одинъ солидарный организмъ. Это стремленіе вызывается въ организмахъ внѣшними или независящими отъ нихъ, въ извѣстной степени механическими условіями жизни. Вліяніе этихъ условій таково, что высшіе организмы производятъ двѣ различныя органическія формы того-же вида — мужскую и женскую, которыя тѣмъ болѣе отличаются другъ отъ друга, чѣмъ значительнѣе обусловленная внѣшними обстоятельствами разница въ образѣ жизни каждой изъ нихъ.

Когда стремленіе организма къ развитію и къ борьбѣ этимъ путемъ съ упадкомъ солидарности встрѣчаетъ неодолимое препятствіе въ механическихъ условіяхъ роста и организаціи, тогда путемъ общихъ ощущеній въ организмѣ и его зародышѣ создается стремленіе усовершенствовать основной планъ организаціи. Появляется извѣстный родъ развитія солидарности между поколѣніями: одна особь не можетъ акклиматизироваться, а рядъ поколѣній вполнѣ къ этому способенъ; усовершенствованіе организаціи, къ осуществленію котораго одна особь не способна, можетъ быть успѣшно выполнено рядомъ поколѣній. Стремленіе бороться съ упадкомъ солидарности, вызываемымъ механическими условіями роста, внѣшней обстановки и пр. не только посредствомъ развитія самаго организма, но и посредствомъ соединенія различныхъ организмовъ въ одно солидарное цѣлое, началось уже при дѣленіи одной клѣточки и втеченіе всей жизни организмовъ и органическаго міра получаетъ постоянную пищу. При этомъ механическія условія роста организма таковы, что развитіе можетъ только ослаблять упадокъ солидарности въ томъ-же организмѣ, а отнюдь не увеличивать этой солидарности, поэтому смерть является непз-

бѣжнымъ послѣдствіемъ жизни и развитія всякаго организма. Въ недѣлимомъ организмѣ зародышъ составляетъ кульминаціонный пунктъ органической солидарности, а все его развитіе постоянный и неустранимый ея упадокъ. Для отдѣльныхъ организмовъ такого механическаго условія уже не существуетъ. Отдѣльный организмъ растетъ, клѣтки его размножаются, вмѣстѣ съ тѣмъ уплотняется каждая клѣтка и никакое развитіе не можетъ помѣшать такому уплотненію, приводящему къ омертвѣнію, пока существуетъ ростъ. Мускульная сила увеличивается пропорціонально поперечному разрѣзу мускула, а вѣсъ тѣла пропорціонально кубу линейныхъ размѣровъ тѣла; поэтому при той-же плотности возростаніе силы мускула относится къ возростанію вѣса тѣла, какъ квадратъ къ кубу. Чтобы передвигать тѣло съ той-же скоростью, плотность мускула должна увеличиваться гораздо быстрѣе вѣса тѣла; вещь невозможная, такъ какъ увеличеніе плотности увеличиваетъ вѣсъ. Вотъ почему животное никогда не можетъ достигать тѣхъ громадныхъ размѣровъ, которыхъ достигаетъ растеніе. Для двухъ отдѣльныхъ организмовъ такого условія не существуетъ, а потому они могутъ увеличивать между собою солидарность и взаимную помощь для борьбы съ упадкомъ солидарности въ каждомъ отдѣльномъ организмѣ въ неопредѣленномъ размѣрѣ.

При ростѣ отдѣльнаго организма солидарность можетъ только падать, а при стремленіи двухъ или нѣсколькихъ организмовъ къ взаимности солидарность можетъ возрастать. Вотъ почему развитіе организмовъ неизбѣжно должно было породить въ нихъ стремленіе бороться съ упадкомъ собственной солидарности посредствомъ развитія солидарности между отдѣльно существующими особями, и притомъ солидарности такой, при которой они сохраняютъ отдѣльное свое существованіе и условіе роста не дѣлается неизбѣжнымъ источникомъ упадка солидарности. Чтобы устранить быстрый упадокъ солидарности, порождаемый пребываніемъ на одномъ мѣстѣ, организмъ выработалъ въ себѣ общее мышленіе, которое развивало въ немъ органы, дающіе ему понятіе о внѣшнихъ предметахъ и органы передвиженія. Идеалъ организаціи въ этомъ отношеніи составила птица, передъ которой открылась поверхность всего земного шара, такъ что она можетъ быстро перелетая, избирать себѣ любое мѣсто, гдѣ скопились наиболѣе благо-

пріятныя условія для ея борьбы съ упадкомъ солидарности, но это вынуждаетъ ее сохранять малый ростъ. Мало этого, только для того, чтобы пріобрѣсти способность летать, она должна была произвести сильный упадокъ солидарности въ своемъ организмѣ. Существованіемъ оперенія и крыла обусловливается умственная ограниченность птицы. Чтобы открыть себѣ возможность бороться съ упадкомъ солидарности посредствомъ развитія солидарности съ другими самостоятельными организмами, организмъ долженъ былъ создать для себя особенный, приспособленный къ этой цѣли планъ развитія. Онъ долженъ былъ приспособить себя къ труду и къ работѣ съ раздѣленіемъ труда. Стадность хотя и приноситъ пользу организмамъ, но эта польза очень ограниченная, поэтому и солидарность между животными, составляющими стадо, можетъ быть и оставаться только въ зародышѣ. Человѣкъ пошелъ далѣе, въ своей организаціи онъ сдѣлалъ усовершенствованіе на столько-же великое какъ то, которое произвелъ въ себѣ животный организмъ по сравненію съ растительнымъ, создавъ для себя общее мышленіе. Съ одной стороны подъ вліяніемъ стремленія двухъ организмовъ разнаго пола — мущины и женщины — къ брачному союзу, а съ другой подъ вліяніемъ связи между зародышемъ и родившимся ребенкомъ и его матерью, развилась у людей способность говорить другъ съ другомъ и понимать другъ друга.

Между зародышемъ и матерью связь такъ сильна, что каждое страданіе зародыша отзывается на матери, а страданіе матери на зародышѣ. Съ рожденіемъ ребенка хотя связь эта ослабляется, но за то-же она замѣняется пользою, приносимою возростаніемъ взаимной солидарности. Зародышъ въ утробѣ матери является паразитомъ, живущимъ на счетъ ея организма и ничего ему не дающимъ; дѣло измѣняется, когда образуется семейство. Жена была нужна для мужа, мать создала связь между дѣтьми и отцомъ, такимъ образомъ они научились говорить и понимать другъ друга; рѣчь создала въ нихъ средѣ способность производить другъ на друга такое-же сильное и многообразное впечатлѣніе, какое клѣточки производятъ другъ на друга и на весь организмъ посредствомъ нервовъ и общаго мышленія. Каждая особь семейства стала черезъ нее отдѣльной клѣточкой, способной съ другими особями семейства создать такой-же солидарный организмъ, какъ нѣсколько клѣтокъ, разросшихся изъ одной клѣтки матери. Члены

семьи могутъ обезпечивать и ограждать другъ друга совершенно такъ-же, какъ клѣтки, составляющія одинъ животный организмъ. Посредствомъ рѣчи не только члены семьи, но всѣ люди открываютъ себѣ путь къ созиданію между собою союза органической солидарности. Но если съ одной стороны отсутствіе механической связи между особями устранило неудобства роста, то съ другой стороны оно этимъ до такой степени облегчило отдѣльное существованіе организма, что у нихъ вмѣсто взаимной помощи можетъ сохраниться и даже зародиться прежнее отношеніе вражды и эксплуатаціи. Конечно рѣчь и ухо могутъ сообщать обществу о потребностяхъ и страданіяхъ отдѣльнаго члена этого общества, точно такъ-же, какъ нервы дѣлаютъ это для клѣточки, если общество будетъ относиться къ этимъ заявленіямъ такъ-же сочувственно и солидарно, какъ организмъ относится къ своимъ клѣткамъ, и тогда жизнь всѣхъ членовъ этого общества безъ исключенія достигнетъ максимальной степени прочной обезпеченности и благополучія, потому что общество для отдѣльнаго своего члена можетъ сдѣлать по крайней мѣрѣ столько-же, сколько организмъ для клѣтки. Въ окончательномъ результатѣ выйдетъ, что основной органически развившійся принципъ семейства перенесется на все общество, общее дѣйствіе приведетъ къ тому, что сильные будутъ работать на слабыхъ, и все таки, вслѣдствіе чувства всеобщей солидарности эти сильные будутъ чувствовать себя болѣе благоденствующими, чѣмъ въ условіяхъ борьбы, всегда неизбѣжно сопряженной съ безчисленными страданіями. Но разъ на мѣстѣ чувства солидарности явилась вражда, роль рѣчи въ обществѣ существенно извращается. Вражда не только уничтожаетъ естественное сочувствіе человѣка человѣку, но замѣняетъ его такимъ настроеніемъ, при которомъ рѣчь, провозглашающая о потребностяхъ и страданіяхъ, дѣлается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Чтобы выйти изъ этого положенія люди стали развивать посредствомъ своего вліянія другъ на друга инстинктъ повиновенія. Инстинктъ повиновенія смягчалъ вражду, замѣняя ее подчиненіемъ; но подчиненіе породило эксплуатацію, а эксплуатація опять таки создавала отношеніе, при которомъ рѣчь не достигла своей цѣли. Эксплуатація возможна только при условіи пренебреженія къ потребностямъ эксплуатируемаго; поэтому въ обществѣ, основанномъ на эксплуатаціи, развитіе рѣчи, какъ органа человѣческой солидарности, опять таки

извращается. Отыскивая выходъ изъ этого положенія, человѣчество плодило въ своей средѣ инстинктъ за инстинктомъ, надѣясь путемъ этихъ инстинктовъ выйти изъ затрудненія; одни инстинкты, созданныя религіями и обычаями, представляютъ изъ себя необозримое поле инстинктивности. Такъ создался современный человѣкъ. Заурядные наблюдатели полагаютъ, что въ человѣкѣ и въ настоящее время господствуетъ тотъ эксплуататорскій эгоизмъ, который составляетъ основную черту животнаго организма. Болѣе глубокое наблюденіе показываетъ, что люди въ громадномъ большинствѣ случаевъ руководствуются въ своей жизни вовсе не эгоизмомъ, а инстинктивностью. Начиная отъ удовлетворенія прямыхъ животныхъ потребностей между человѣкомъ и животнымъ явилась уже существенная разница. Животное при своихъ дѣйствіяхъ имѣетъ исключительно въ виду прямое удовлетвореніе своихъ потребностей, между тѣмъ какъ на человѣка дѣйствуетъ множество инстинктивныхъ стремленій, порожденныхъ прошедшей жизнію человѣчества. Если-бы человѣкъ былъ животнымъ, то ему никогда не вздумалось бы ни пить, ни курить, естественное отвращеніе оттолкнуло-бы его при первой попыткѣ; между тѣмъ человѣкъ создалъ въ себѣ инстинктивныя стремленія, которыя одолѣли это естественное отвращеніе и порождаютъ въ немъ неодолимыя страсти и потребности крайне для него мучительныя. онъ доходитъ до запоя, сумашествія и паралича отъ употребленія вина, куренія опіума и другихъ возбуждающихъ. Тоже можно сказать о пищѣ и прочихъ его животныхъ потребностяхъ. Вездѣ онъ наноситъ себѣ своими поступками такъ много вреда и столько страданій, что ему нужно большую силу воли, чтобы слѣдовать въ этой сферѣ исключительно эгоистическимъ побужденіямъ, хотя всякій понимаетъ, что эгоистическое побужденіе избѣгать дѣятельности, причиняющей страданіе и вредъ, тутъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Въ другихъ сферахъ человѣкъ могъ до такой степени исказить свою дѣятельность порожденіемъ нелѣпыхъ инстинктовъ, что его понятія о своемъ счастьѣ достигли безпредѣльной шаткости и неопредѣленности, онъ могъ дойти до фанатической страсти мучить себя и другихъ безъ малѣйшей для кого бы то ни было пользы аскетическими идеями. Самая зловредная черта въ современномъ человѣкѣ вовсе не эгоизмъ, а инстинктивность. Эту-то инстинктивность онъ долженъ одолѣвать понятіемъ о счастьѣ.

созданнымъ путемъ правильнаго синтеза и тогда онъ не будетъ вредить въ своей дѣятельности ни себѣ, ни другимъ, его личное благо будетъ сливаться съ общимъ благомъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

XVIII-ый вѣкъ (продолженіе). Идея нравственности. Французская революція.

Ясно, что идея нравственности, вытекающая изъ вышеизложеннаго воззрѣнія на развитіе организма можетъ усваиваться людьми только съ большимъ трудомъ. Идеалъ обилія и покоя, хищническая похоть выросла въ людяхъ органическимъ путемъ, гораздо болѣе стараго происхожденія, чѣмъ концепція идеала солидарности между людьми. Человѣку трудно усвоить себѣ вполнѣ тѣ черты, которыя создаютъ существенную разницу между его организаціей и организаціей прочихъ животныхъ. Животное во время обилія пищи накопляетъ жиръ, а за тѣмъ погружается въ спячку на время скудности; яйцо и сѣмя ничто иное, какъ накопленіе значительнаго питательнаго матерьяла рядомъ съ организмомъ. Такое приспособленіе создало существенную основу для идеала обилія и покоя. Организмъ человѣка совсѣмъ иного устройства, зимняя спячка невозможна и гибельна для него, его организмъ начинаетъ гнить и разлагаться даже отъ значительнаго преобладанія покоя надъ дѣятельностью; для здоровья онъ требуетъ утомляющей работы. Самая эта работа, которая дѣлается для другихъ, заставляетъ его вникать въ чужія потребности и создаетъ у него съ окружающими безпрерывный обмѣнъ чувствъ столь-же дѣятельный, какъ обмѣнъ ощущеній между клѣточками его организма. Единственный нормальный ходъ развитія при такой организаціи заключается въ развитіи солидарности между людьми, — такой солидарности, которая неизбѣжно должна сравняться съ солидарностью отдѣльныхъ клѣточекъ

организма. Человѣкъ только тогда можетъ чувствовать, что онъ выполняетъ вполнѣ планъ своей организаціи, когда онъ сливаетъ свое благо съ общимъ благомъ; онъ тогда только ощущаетъ полное счастье, когда онъ дѣйствуетъ въ условіяхъ солидарности съ окружающими его людьми; отсюда тотъ восторгъ свободы, который наполняетъ людей, когда они чувствуютъ себя солидарными и общимъ усиліемъ достигаютъ общаго блага. Но попасть въ такія положенія людямъ очень трудно, обыкновенно ихъ понятія о счастьѣ и объ условіяхъ общественной жизни слишкомъ далеки отъ истины. Они инстинктивно предчувствуютъ и вздыхаютъ о солидарности, какъ объ условіи истиннаго счастья, но не рѣшаются предвидѣть возможность его осуществленія. Даже въ наше научное время не понимаютъ условія максимальнаго счастья для человѣка, не знаютъ почему и для чего явилась рѣчь, и куда ведетъ людей эта способность заявлять другъ другу о своихъ потребностяхъ и страданіяхъ.

Правильному понятію о счастьѣ трудно развиваться и въ самыхъ свѣтлыхъ людяхъ; потому что ему противодѣйствуютъ взгляды сильныхъ міра и взгляды общественнаго мнѣнія. Эти взгляды ставятъ и дѣло и людей въ ложное положеніе. Счастье каждаго человѣка и всѣхъ людей вообще можетъ возрастать только въ томъ размѣрѣ, въ которомъ развиваются между ними миръ, солидарность, отсутствіе эксплуатаціи и взаимная помощь, а люди единогласно утверждаютъ, что борьба и эксплуатація составляютъ единственный путь, которымъ отдѣльныя особи и цѣлыя государства могутъ увеличивать свое счастье. Эти противоположные идеалы требуютъ въ людяхъ развитіе прямо противоположныхъ свойствъ. При такихъ условіяхъ человѣку нужно очень много дальновидности и ума, чтобы идти истиннымъ путемъ и еще болѣе для того, чтобы убѣдить людей въ правильности этого пути. Человѣку, который стремится къ наиболѣе полезному дѣлу, естественно прежде всего желать для себя общественной дѣятельности и направлять людей къ политическому и имущественному равенству. Но равенство между людьми невозможно, пока общество будетъ состоять изъ двухъ естественныхъ слоевъ: изъ мало образованной или вполнѣ невѣжественной массы и не большого числа интеллигентныхъ людей. У интеллигентныхъ людей есть необходимая потребность, въ удовлетвореніи которой они не могутъ и не

должны себѣ отказывать, — доведеніе своихъ дѣтей до той степени умственнаго и нравственнаго развитія, на которой они сами стоятъ. Чѣмъ ниже умственный уровень народа, тѣмъ недоступнѣе для человѣка, получающаго среднюю заработную плату, то образованіе, которое можетъ его сдѣлать вполнѣ образованнымъ человѣкомъ, а между тѣмъ для образованнаго человѣка отказать въ такомъ развитіи своимъ дѣтямъ значитъ уронить, а не возвысить умственный и нравственный уровень въ обществѣ. Если въ народѣ отсутствіе стремленія къ такому уровню образованія естественно, то для образованнаго человѣка оно составляетъ преступленіе. Существованіе возможно большаго числа умственно и нравственно развитыхъ людей составляетъ единственный путь, которымъ общество можетъ выдти изъ сферы того низкаго уровня, на которомъ оно стоитъ.

Образованіе неизбѣжная подкладка для развитія идеи солидарности. Всестороннее развитіе человѣка единственный путь, которымъ онъ доходитъ до разработки идей солидарности и съ появленіемъ интеллигенціи человѣчество все дальше идетъ по этому пути. Семейство первое вполнѣ преобразовалось въ своихъ нравахъ съ размноженіемъ интеллигентности. Нравы интеллигентныхъ семействъ ушли далеко впередъ по сравненію съ законодательствомъ и водворили истинную солидарность, равенство и коммунизмъ тамъ, гдѣ законъ продолжаетъ сохранять монархическій режимъ. Хотя на основаніи превосходства своихъ знаній интеллигенція могла-бы скорѣе претендовать на права управленія народомъ, чѣмъ невѣжественные правители; однако-же невѣжественные правители поддерживаютъ деспотизмъ а интеллигенція первая поняла, что для правильнаго развитія общества ей слѣдуетъ превратиться изъ силы господствующей въ силу убѣждающую; что человѣку нельзя навязывать понятіе о счастьѣ, что нужно изслѣдовать его и за тѣмъ дѣйствовать убѣжденіемъ. Поэтому она распространила и осуществила демократическую идею, при которой интеллигенція убѣждаетъ, а народъ рѣшаетъ. Чѣмъ интеллигентнѣе человѣкъ, тѣмъ онъ дальше можетъ идти въ пониманіи условій солидарности между людьми. Чѣмъ дольше онъ идетъ по этому пути, тѣмъ яснѣе онъ понимаетъ, что онъ попалъ на истинную, наиболѣе плодоносную дорогу для своего развитія. Грубаго человѣка, даже такого умнаго, какъ Наполеонъ, Кром-

вель, Александръ македонскій или Тамерланъ, плѣняютъ слава, блескъ и могущество; человѣкъ, развившійся до истиннаго взгляда на идею нравственности, понимаетъ, ложность восхищавшаго ихъ идеала; онъ понимаетъ, что ихъ образъ дѣйствія вызываетъ въ людяхъ стремленія и инстинкты прямо противоположные тѣмъ, которые необходимо развивать въ нихъ, чтобы человѣчество достигло цѣли, предначертанной въ самой сути природы человѣка. Онъ понимаетъ, что его міровоззрѣніе выше и глубже, и что такое сознаніе создаетъ въ немъ условія счастья несравненно болѣе возвышеннаго порядка, чѣмъ счастье этихъ прославленныхъ героевъ исторіи; при этомъ въ немъ является мысль, заключающая въ себѣ величайшее изъ наслажденій, къ которымъ способна человѣческая душа.

Онъ убѣждается, что въ самой скромной, никѣмъ не замѣчаемой обстановкѣ, жизнь людей можетъ быть полна самыхъ возвышенныхъ и увлекательныхъ ощущеній, къ которымъ способенъ человѣкъ. Количество и качество этихъ ощущеній зависитъ отъ глубины и величія тѣхъ идей, которыя онъ въ себѣ развиваетъ: если эти идеи низки и пошлы, то и власть и богатство дадутъ ему только низмѣнныя и грубыя ощущенія, а при умственномъ и нравственномъ совершенствѣ и если однажды идеалъ величія лишился всякой для него плѣнительности, то обыкновенные идеалы счастья: богатство и пр. уже вовсе не могутъ служить для него приманкою. Онъ обсуждаетъ ихъ съ совсѣмъ другой точки зрѣнія. Говорятъ власть даетъ возможность дѣлать добро и осуществлять лучшія свои идеи. Такъ можетъ разсуждать только человѣкъ наивный. «Вы не знаете чувствительности человѣческой кожи» — отвѣтила императрица Екатерина Дидро, когда онъ говорилъ ей о политическихъ идеалахъ. Сколько государей восходили на престолъ съ лучшими намѣреніями и всѣ кончали тѣмъ, что вполнѣ подчинялись средѣ. Относительно сановниковъ это еще болѣе справедливо; сановникъ долженъ и дѣйствовать и говорить и думать именно такъ, какъ того требуетъ среда. Борьба возможна, но опять таки только за такую идею, которая уже сдѣлалась общимъ достояніемъ, но встрѣчаетъ препятствіе къ своему осуществленію. Проповѣдь идей въ печати подчиняется такому-же закону; чѣмъ совершеннѣе и глубже идея, тѣмъ уже кругъ, въ которомъ она можетъ .аси остраниться. Чтобы чрезмѣрно быстро

распространить глубокую идею, нужно ее исказить. Если человѣкъ составилъ себѣ вполнѣ правильный взглядъ на идею нравственности и на то направленіе, которое для ея осуществленія должны принимать его способности и склонности при своемъ развитіи, онъ будетъ искать такую сферу существованія, въ которой онъ свой нравственный уровень можетъ сохранить во всей своей чистотѣ. Идея получить власть, богатство, литературную извѣстность на счетъ своей нравственной чистоты, будетъ для него невыносима и онъ будетъ стремиться туда, гдѣ царящія темныя силы общества будутъ оставлять его въ покоѣ и гдѣ онъ можетъ вполнѣ свободно и правдиво смотрѣть на вещи и развиваться.

Тамъ, гдѣ извѣстность дала-бы ему одни безплодныя гоненія, онъ будетъ стремиться подъ защиту неизвѣстности и будетъ продолжать вырабатывать изъ себя человѣка, обладающаго вполнѣ тѣми идеями, которыя способны вести окружающихъ его людей по пути наиболѣе быстраго прогресса; всякаго рода эгоизмъ: международный, государственный, національный, сословный, семейный или индивидуальный, онъ будетъ стремиться замѣнять чувствами справедливости, солидарности и взаимной помощи, правильнымъ понятіемъ о тѣхъ путяхъ, которыми достигается развитіе этихъ чувствъ. На арену общественной дѣятельности онъ будетъ выступать только во имя этихъ стремленій, и будетъ держаться на ней только до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ въ состояніи своей дѣятельностью способствовать ихъ осуществленію. Только тогда, когда количество подобныхъ людей будетъ достаточно велико наиболѣе быстрый мирный прогрессъ сдѣлается осуществимымъ. Все дальнѣйшее изложеніе развитія западной цивилизаціи покажетъ намъ, что оно шло ложнымъ и тяжкимъ путемъ именно потому, что въ ней не было правильной идеи нравственности, не было пониманія, что, слѣдуя этой идеѣ, человѣкъ одновременно увеличиваетъ и свое счастье: проповѣдь о необходимости чувства долга вредна такъ-же, какъ и религія потому, что они только до тѣхъ поръ и могутъ существовать, пока не понята истина, т. е. совпаденіе требованій общаго блага и счастья каждой отдѣльной личности; понятія долга и религіи неизбѣжно заключаютъ въ себѣ ложную идею. Пониманіе совпаденія наибольшаго для человѣка счастья съ осуществленіемъ идеи нравственности должно и будетъ служить для него истиннымъ и

гораздо болѣе сильнымъ стимуломъ, чѣмъ идея долга. Разъ онъ опускается, дѣлается грубѣе, эгоистичнѣе, правильно развитой человѣкъ чувствуетъ, что одновременно и его нравственный уровень и его счастье понижаются. Для человѣка правильно понимающаго жизнь идеалъ нравственности и идеалъ счастья совпадаютъ, идея долга дѣлается излишней, потому что замѣняется несравненно болѣе сильнымъ и инстинктивнымъ стимуломъ стремленія къ счастью; но навязать такую идею людямъ силою, какъ навязываются религіи, невозможно; она требуетъ сознательнаго пониманія, а не иммитаціоннаго подражанія, ее можно распространять только путемъ убѣжденія.

Одновременно съ созданіемъ въ Америкѣ федеративнаго демократическаго управленія во Франціи сдѣлана была попытка водворить силою идею отчасти сходную съ вышеизложенной. Героемъ этой драмы явился Робеспьеръ. Франція того времени составляла средоточіе великихъ умовъ и самыхъ свѣтлыхъ идей; Соединенные Штаты Америки стояли по образованію и по интеллигентности ниже ея. Естественно было ожидать, что Франція окажется способной создать форму общественной жизни болѣе совершенную, чѣмъ Соединенные Штаты. Французы были свѣточами міра и, воодушевившись небывалымъ до того времени энтузіазмомъ, старались сдѣлаться ими еще въ большей мѣрѣ. Они не довольствовались тѣми идеями, какія осуществили Соединенные Штаты, они хотѣли осуществить не только демократическій идеалъ, но идеалъ полной человѣческой солидарности, соціальнаго и имущественнаго равенства, которыя подразумѣвались подъ одушевлявшими всѣхъ словами: свобода, равенство и братство. Не смотря на то, что Франція была самой просвѣщенной страной міра, уровень знаній и умственнаго развитія былъ еще такъ низокъ, что о правильномъ, теоретическомъ взглядѣ на дѣло не могло быть и рѣчи. Руссо, въ которомъ олицетворялось чутье будущей истины, могъ проповѣдывать противъ наукъ и подъ возвращеніемъ къ естественному состоянію разумѣлъ возвращеніе къ невѣжеству. Другіе выставляли идеалъ античныхъ добродѣтелей, античной простоты, — утверждали, что свободнымъ можетъ быть только народъ бѣдный, что богатство водворяетъ роскошь, порчу

нравы и разрушаетъ свободу. Ясный и опредѣленный планъ къ достиженію такого состоянія былъ у Робеспьера и его сообщниковъ. Дѣятельность католическаго духовенства, которое въ первыя времена христіанства распространяло католическую религію посредствомъ школы, а потомъ существенно поддерживало католическую идею, забирая школу въ свои руки, — имѣла такое-же большое вліяніе на Робеспьера и его сочувственниковъ, какъ впослѣдствіи на Огюста Конта, но онъ такъ неумѣло взялся за дѣло, что не могъ дойдти даже и до начала осуществленія своей идеи посредствомъ школы и воспитанія.

Цивилизація и умственное развитіе стояли во Франціи значительно выше, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, но Соединенные Штаты имѣли надъ нею преимущество, которое въ этомъ случаѣ значило гораздо болѣе, они давно практиковались въ организаціи и понимали условія, при которыхъ осуществленіе сознательной демократической организаціи возможно, а французы, начиная отъ консерваторовъ и кончая террористами и монтаньярами, въ этомъ дѣлѣ почти ничего не смыслили. Энтузіазмъ, охватившій народъ, былъ такого свойства, что для всякаго понимающаго было ясно, что учрежденіе федеративной демократіи составляло минимумъ, на которомъ могла остановиться реформа, чтобы удовлетворить всѣхъ. Пришлось-бы даже присовокупить глубокія идеи, которыя поставили-бы Францію выше Соединенныхъ Штатовъ, такъ что, пользуясь своимъ умственнымъ превосходствомъ, она стала-бы окончательно во главѣ цивилизаціи. Было существенно важно, чтобы аристократія поняла свое положеніе. Историки считаютъ ночь, въ которую она, будто-бы, отреклась отъ своихъ феодальныхъ правъ, ночью дѣтскаго увлеченія; между тѣмъ подобное отреченіе заключало въ себѣ поступокъ совершенно правильный и ребячество состояло въ томъ, что она не понимала для чего и зачѣмъ ей слѣдовало такъ поступить. Въ Америкѣ существовали и феодалы и знать, однако-же они дѣйствовали за одно съ народомъ и расчитали совершенно вѣрно. Отъ феодальныхъ правъ своихъ они не отрекались, но права эти уничтожились впослѣдствіи безъ всякаго шуму, вообще-же они выиграли, а не проиграли отъ новаго режима. Феодальныя права, ордена, титулы, названіе аристократіи исчезли-бы во Франціи, но какой смыслъ имѣли для аристократовъ эти глупыя побрякушки, они были и

остались-бы въ массѣ самой образованной частью французскаго общества, тѣмъ слоемъ, къ которому принадлежали Мирабо, Лафаетъ, Бюфонъ, Лавуазье. Къ среднему сословію принадлежали самыя свѣтлыя личности, но въ массѣ аристократія была образованнѣе средняго сословія.

Ихъ собственность осталась-бы въ ихъ рукахъ, принципъ собственности не былъ отмѣненъ даже и во время террора, — и земли, конфискованныя у однихъ, продавались другимъ въ собственность. Съ подъемомъ народнаго духа и развитіемъ благосостоянія массъ ихъ собственность увеличилась-бы въ цѣнѣ и они сдѣлались-бы болѣе богатыми, чѣмъ были. Когда наши террористы и власть перешла въ руки тѣхъ, кому достались богатства бѣжавшей аристократіи, тогда оказалось, что они могли щеголять бо́льшей роскошью, чѣмъ та, которую могли выказывать дореволюціонные аристократы. Положеніе ихъ измѣнилось-бы слѣдующимъ образомъ: при господствѣ королей они должны были пресмыкаться передъ ними, считать для себя за великую честь исполнять лакейскія обязанности, напр. подавать королевѣ рубашку; ихъ жены и дочери домогались позора отдать свою честь королю и сдѣлаться его любовницами, а вельможи должны были пресмыкаться передъ этими падшими тварями. Король могъ сдѣлать послѣдняго глупца и негодяя своимъ любимцемъ и вельможи должны были унижаться передъ нимъ. Если-бы аристократія стала во главѣ народа и водворила-бы федеративную демократію, то, разумѣется, глупцы, негодяи и падшія твари, возвышавшіеся милостью короля, лишились-бы своего значенія, а умные и дѣльные аристократы взяли-бы въ свои руки управленіе страною; выборъ народа непремѣнно палъ-бы на нихъ уже потому, что во время переворота они могли болѣе другихъ содѣйствовать его успѣху. Кромѣ того богатство давало имъ бо́льшую извѣстность, чѣмъ другимъ людямъ, къ ней присоединялось образованіе, привычка и приспособленность къ общественной дѣятельности; если-бы они въ народѣ имѣли репутацію извѣстныхъ защитниковъ его интересовъ, то они избирались-бы съ такою-же охотою, какъ избирались Мирабо, Лафаетъ и др.

Если-бы за тѣмъ они наполнили собою законодательный корпусъ, то они управляли-бы страною во имя собственной своей силы и своихъ талантовъ, а не вслѣдствіе милости какого нибудь глупаго

и развратнаго короля. Какой нибудь тупоумный развратникъ могъ дѣлать ихъ великими и ничтожными по своему усмотрѣнію; но если-бы аристократъ сдѣлался министромъ по выбору народа-то даже вынужденный отступить въ опозицію, онъ имѣлъ-бы за собою всю силу побѣжденной своей партіи, онъ оставался-бы силой первостепенной величины, которая завтра-же могла стать во главѣ. Мало этого, лица, недостаточно сильныя, чтобы господствовать въ государствѣ, могли при федеративномъ устройствѣ получить первостепенное значеніе на своей родинѣ, по выбору народа они заняли-бы первыя мѣста въ провинціи. Имъ не пришлось-бы пресмыкаться передъ губернаторомъ, который получилъ эту должность потому, что его жена или дочь стала падшей женщиной. Умственное и нравственное ожирѣніе, нравственная пошлость, отсутствіе смѣлости и умѣнья находиться при измѣнившихся обстоятельствахъ помѣшали аристократіи понять тотъ образъ дѣйствія, котораго она должна была держаться. Она поступила такъ, какъ поступаютъ всегда растерявшіеся люди, избрала худшій изъ всѣхъ возможныхъ путей; вмѣсто того, чтобы создать себѣ новое, лучшее положеніе, она лишила себя всего, должна была бѣжать изъ страны, нищенствовать, пресмыкаться передъ иностранцами и дожила до такого позора, что сдѣлалась измѣнницей по отношенію къ своему отечеству и повела на него внѣшнихъ враговъ.

Король находился въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, онъ не могъ раздуть энтузіазмъ и сдѣлать его всесокрушающимъ, какъ могла сдѣлать аристократія, проповѣдуя всемірную федеративную демократію; становясь на сторону народа, онъ долженъ былъ охранять монархическій принципъ. Но и онъ могъ настоять на всеобщей подачѣ голосовъ, наполнить парламентъ людьми, не употребляющими мыла, руководить ими въ борьбѣ съ аристократіей и сдѣлаться господиномъ положенія. Конечно Людовикъ XVI былъ человѣкъ безъ энергіи, но этого и не требовалось; императоръ австрійскій въ 1848 году былъ очень плохъ, однако-же въ его семействѣ нашелся человѣкъ, который, замѣняя его въ Вѣнѣ, пошелъ далѣе революціоннаго министерства, свергнулъ его, поддерживая идею прямыхъ выборовъ и всеобщей подачи голосовъ, сдѣлался покровителемъ и руководителемъ представителей, избранныхъ народомъ, провелъ для нихъ реформы и ихъ неумытыми руками утеръ носъ бѣлоручекъ рабовладѣльцевъ. Своей находчи-

востью онъ, по крайней мѣрѣ, спасъ императорское семейство и научилъ его демагогическими пріемами побѣждать своихъ противниковъ. Королевское семейство оказалось настолько-же недальновиднымъ, какъ и аристократія; вмѣсто того, чтобы спасать себя единодушіемъ, оно разщепилось и стало подкапываться другъ подъ друга. Когда Мирабо доказывалъ ему, что оно сдѣлается сильнѣе чрезъ переворотъ, ему слѣдовало обратить серьезное вниманіе на его совѣтъ и, если-бы онъ оказался нерѣшительнымъ, пойдти далѣе его. Въ толпѣ представителей, шествовавшихъ къ присягѣ во время открытія законодательнаго собранія, былъ только одинъ простолюдинъ въ своемъ національномъ костюмѣ; король долженъ былъ настоять, чтобы число ихъ увеличилось до пятисотъ; опираясь на нихъ, на низшее духовенство, среднее сословіе и лишенную привиллегій интеллигенцію, онъ долженъ былъ-бы уничтожать феодальныя права, крѣпостное состояніе, привиллегіи, все то, что дѣлало управленіе невозможнымъ. Однимъ словомъ Людовику XVI слѣдовало запастись сильнымъ человѣкомъ для низверженія аристократіи, подобно тому, какъ сдѣлалъ Людовикъ XIII. И этотъ жилъ въ смутную эпоху и не былъ способенъ овладѣть бурей, но онъ сумѣлъ оцѣнить Ришелье и дать ему власть въ руки; Людовику XVI слѣдовало найдти человѣка болѣе умнаго и чуткаго, чѣмъ Ришелье, который могъ-бы навести Францію на истинную дорогу и исправить то, что испорчено было деспотизмомъ.

Вслѣдствіе неспособности аристократіи и короля овладѣть положеніемъ дѣло это пришлось дѣлать представителямъ народа. Противодѣйствіе двора и аристократіи существенно мѣшали его полному успѣху, но представители были все таки достаточно сильны, чтобы довести его благополучно до конца, опираясь на энтузіазмъ народа. Если-бы они были знакомы съ искусствомъ создавать и руководить организаціями, тогда-бы они знали основное правило, извѣстное всякому опытному въ этомъ дѣлѣ. Для борьбы нужна сила, не создавши силы бороться невозможно; тотъ беретъ верхъ, кто искуснѣе другого создаетъ силу. И безсильный можетъ одолѣть сильнаго, если онъ будетъ бороться въ предѣлахъ своихъ силъ, а его сильный противникъ не будетъ знать этихъ предѣловъ; организуя силу нужно умѣть опредѣлить степень ея прочности. Мало создать силу, нужно создать силу прочную и за тѣмъ дѣйствовать.

Первые, имѣвшіе большинство, представители, — тѣ, которые дѣйствовали пока еще жилъ Мирабо, не имѣли никакого понятія о томъ, какъ созидается сила. Они довольствовались тѣмъ, что назывались представителями и наивно считали возможнымъ забрать въ свои руки власть, произнося краснорѣчивыя рѣчи и вызывая народныя манифестаціи. Даже Лафаетъ, имѣвшій возможность изучить дѣло въ Америкѣ, оказался очень плохо знакомымъ съ подкладкой самоуправленія. Они хотѣли дать буржуазную конституцію и полагали возможнымъ съ помощью такого листочка одолѣть сопротивленіе двора, аристократіи, лицъ, стоявшихъ во главѣ арміи, и духовенства. Жирондисты были еще слабѣе, даже Дантонъ считалъ для себя достаточнымъ опираться на клубъ, имѣвшій ограниченное значеніе въ одномъ только Парижѣ. Всѣ эти претенденты на власть: король, аристократія, Мирабо, Лафаетъ, Роланъ, Дантонъ могли очень ясно видѣть, что они ни въ народѣ, ни въ войскѣ, ни въ народномъ ополченіи никакихъ корней, никакихъ стойкихъ защитниковъ не имѣютъ. Посылаемыя на ихъ защиту народныя силы отказывались дѣйствовать, когда ихъ брали подъ арестъ никто не противопоставлялъ арестующимъ достаточную силу, чтобы этому помѣшать; когда ихъ вели на казнь имъ приходилось безсильно покоряться своей участи. Только у Робеспьера и его сообщниковъ было достаточно политическаго чутья, чтобы сдѣлать попытку создать организованную силу въ формѣ якобинскаго клуба съ его развѣтвленіями по всей Франціи и парижскихъ секцій. При всеобщей неумѣлости это дало Робеспьеру такой устой, что если-бы его братъ не совершилъ глупости и не оставилъ Бонапарта въ Италіи, а взялъ-бы его съ собою въ Парижъ, то термидорьянцы были-бы безъ всякаго сомнѣнія побѣждены и Робеспьеръ вышелъ-бы изъ борьбы болѣе сильнымъ, чѣмъ былъ до нея. Относительно дальнѣйшаго хода дѣла мы не будемъ строить догадокъ, потому что колоссальнѣйшая неумѣлость Робеспьера заключалась не въ томъ, что онъ не догадался, какъ воспользоваться Бонапартомъ, а въ томъ, что онъ не имѣлъ и малѣйшаго понятія объ истинной своей политической силѣ и о томъ, какъ ему слѣдовало пользоваться этой силой, чтобы достигать той цѣли, къ которой онъ стремился. Нелѣпый мечтатель и практическій человѣкъ составляли въ немъ такую смѣсь, въ которой одинъ уничтожалъ другого.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

XVIII-ый вѣкъ (продолженіе). Французская революція (окончаніе).

Имѣя противъ себя такую большую традиціонную силу, какъ король, аристократія и высшее духовенство, представители народа могли надѣяться одолѣть ее съ успѣхомъ только сплотившись болѣе сильною связью между собою и съ народомъ, чѣмъ та, которая создана была федералистами въ Америкѣ. Но они объ этомъ и понятія не имѣли; Мирабо, Сіесъ и имъ подобные воображали, что они съ однимъ среднимъ сословіемъ могутъ совершить переворотъ. Обыкновенно Мирабо называется единственнымъ государственнымъ человѣкомъ великой революціи; но если вглядѣться въ него ближе, то окажется, что у него не было и тѣни знаній и чутья, необходимыхъ для государственнаго человѣка. Сопоставлять его съ государственными людьми, создавшими Соединенные Штаты, нѣтъ никакой возможности; по сравненію съ ними онъ представляется жалкой бездарностью. Кромвель человѣкъ весьма малаго роста по сравненію съ отцами федеративной демократіи, но онъ гигантъ ума и дарованій по сравненію съ Мирабо, — а Мирабо краснорѣчивая тряпка. Партіи разбились на мелкія фракціи и враждовали между собою на смерть. Даже демагоги: Дантонъ, Маратъ и другіе не думали о томъ, чтобы создать въ народѣ правильную организацію и заставить его дѣйствовать посредствомъ этой организаціи. Никто не ставилъ ему задачъ, которымъ бы онъ при своемъ нравственномъ и умственномъ уровнѣ могъ сочувствовать и которыя бы онъ могъ выполнить. Всѣ отъ первыхъ до послѣднихъ только деморализировали этотъ злополучный народъ своими политическими страстями. Король, дворъ, аристократія, высшее духовенство ненавидѣли его; Мирабо, Тальеранъ, Бонапартъ презирали его: Лафаетъ, Жирондисты любили страстно и искренно свою мечту, которую называли народомъ, а дѣйствительно существующій народъ казался имъ грязнымъ, грубымъ, отвратительнымъ, они боялись даже прикоснуться къ этой зловонной массѣ своимъ чистымъ, утонченнымъ суще-

ствомъ. Въ устахъ Дантона, Марата и Робеспьера свобода, равенство и братство были безплодными словами; они были демократами, не вѣрившими въ демократію. Маратъ и Робеспьеръ и дѣломъ и словомъ доказывали, что они считали во Франціи возможнымъ одинъ деспотизмъ. Ихъ примѣръ доказалъ до очевидности, что деспотическое и бюрократическое управленіе при какихъ бы то ни было, даже самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не можетъ быть управленіемъ въ интересахъ народной массы. Деспотическое и бюрократическое управленіе должно носить на себѣ неизбѣжно олигархическій характеръ, оно должно угнетать цѣлый народъ въ интересахъ или идеяхъ нѣсколькихъ сотенъ или тысячъ людей, и иначе никогда и нигдѣ не поступало и поступать не можетъ. Никакой просвѣщенный деспотизмъ не можетъ избавить его отъ этой необходимости: онъ не можетъ помѣшать грабительству чиновниковъ и ихъ враждебному отношенію къ населенію, къ его чувствамъ и нравамъ уже потому, что онъ не можетъ дозволять критику и обличеніе чиновниковъ. Свобода въ этомъ отношеніи неизбѣжно разрушитъ и погубитъ власть. Какъ не велика была умственная сила и проницательность Кромвеля, но она все таки не помогла ему разрѣшить задачу. Онъ ясно понималъ, что аристократія и имущій классъ никогда не дозволятъ ему сдѣлаться королемъ, что онъ могъ сдѣлаться имъ только употребляя свою власть на пользу массъ и если-бы существовала какая либо возможность явиться ихъ открытымъ покровителемъ и опереться на нихъ, онъ бы это сдѣлалъ, какъ сдѣлалъ Наполеонъ, разжигая въ народѣ національное славолюбіе. Деспотъ не можетъ быть благодѣтелемъ массъ, деспотическое государство можетъ только жалкимъ образомъ волочиться въ хвостѣ цивилизаціи и совершать реформы, которыя уже закончены болѣе передовыми народами. Деспотъ считается великимъ и благодѣтелемъ народа, если онъ производитъ такія запоздалыя реформы, какъ реформы Петра Великаго, Мехмета Али и Александра II; съ свойственнымъ имъ раболѣпіемъ народы забываютъ, что причиною запоздалости реформъ былъ тотъ-же деспотизмъ и что если зло имъ причиняемое можетъ по временамъ быть уменьшаемо, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ не есть источникъ зла. Кромвелю осталось одно: покориться необходимости и умереть протекторомъ, не оставивъ своему сыну

ни престола, ни идеи, посредствомъ которой оказалось-бы возможнымъ благодѣтельствовать народъ просвѣщеннымъ деспотизмомъ. Кромвель доказалъ, что великій умъ не въ силахъ создать идею благодѣтельнаго для массъ деспотизма, потому что такая идея равнозначуща съ пространствомъ о четырехъ измѣреніяхъ, она можетъ существовать только въ воображеніи, а не въ дѣйствительности. Робеспьеръ доказалъ, что самый чистый, пламенный и страстный энтузіазмъ на столько-же мало способенъ одолѣть подобную невозможность, какъ и великій умъ; взявъ на себя такую задачу, онъ можетъ только загрязнить и себя и народъ, на пользу котораго онъ хочетъ дѣйствовать. Робеспьеръ былъ не только искренній энтузіастъ, но человѣкъ весьма проницательный, расчетливый и чуткій въ практическомъ отношеніи. Онъ обладалъ большимъ талантомъ отличать въ массѣ даровитыхъ людей; на военномъ поприщѣ Бонапартъ и Карно были его креатурами; онъ обладалъ чутьемъ положенія и изобрѣтательностью, чтобы находить выходы. Но условія взятой имъ на себя задачи были таковы, что невыполнимость ея выяснилась до очевидности, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась вполнѣ невозможность благодѣтельствовать народныя массы путемъ деспотизма. Чтобы выполнять свою задачу онъ долженъ былъ посылать на казнь руководителей и дѣятелей одной партіи за другою: королевское семейство и дворъ, консервативныхъ аристократовъ, либеральныхъ аристократовъ, жирондистовъ, дантонистовъ, гебертистовъ. Стоитъ вникнуть въ его задачу, чтобы понять, что такой образъ дѣйствія былъ неизбѣженъ при той цѣли, которую онъ себѣ поставилъ. Было совершенно ясно, что ни жирондисты, ни даже Дантонъ не стали-бы дѣйствовать въ интересахъ робеспьеровскаго деспотизма, а скоро вышли-бы на другую дорогу. Если-бы его братъ не отказался взять съ собою въ Парижъ Бонапарта, то Бонапартъ одолѣлъ-бы термидорьянцевъ въ пользу Робеспьера, но новые его союзники были-бы хуже прежнихъ и сколько бы онъ ихъ не замѣнялъ однихъ другими, его положеніе ухудшалось-бы отъ этого. Жестокость, которую ему приходилось проявлять, чтобы съ грѣхомъ пополамъ сохранять въ рукахъ власть, неизбѣжно привела-бы къ паденію восточнаго деспота полудикой страны, а не только диктатора свободолюбиваго народа. Дантонъ, Маратъ и Робеспьеръ получили общую черту съ нашими самозванцами, начиная отъ Отрепьева

и кончая Пугачевымъ; они явились отчаянными головами, захватывающими власть безъ всякой мысли о будущемъ съ тѣмъ, чтобы ею воспользоваться на мгновеніе и погибнуть. Вмѣсто того, чтобы развить въ народѣ гражданскую доблесть, въ немъ развивали подозрительность тирана, жажду мести и свирѣпую жестокость, а между тѣмъ французскій народъ былъ болѣе американскаго способенъ проявлять самоотверженную добродѣтель и гражданское мужество; въ минуты энтузіазма въ немъ исчезаетъ та пошлость и грязноватость характера, которая англичанина не покидаетъ никогда; эти черты проявлялись въ немъ даже среди полнаго разгара разнузданной жестокости черни. Образованное общество, вожди движенія вслѣдствіе своей неопытности и упрямства не умѣли сплотиться, всѣ погибли одни за другими, сваливая вину свою другъ на друга, хотя народъ и даже войско проявляли рѣдкое единодушіе и полную готовность дѣйствовать, не жалѣя себя, на общее благо. Въ умѣлыхъ рукахъ это одушевленіе неизбѣжно привело-бы къ достиженію великой цѣли. Въ деспотическомъ обществѣ человѣкъ пріучается смотрѣть на всякій авторитетъ, на всякую власть, какъ на нѣчто враждебное, тиранствующее, злоумышленно давящее и это потому, что въ деспотическомъ государствѣ всякая власть дѣйствительно такова и это вытекаетъ изъ самой сущности деспотизма. Интересъ деспотической власти всегда находится въ противорѣчіи съ интересомъ подвластныхъ, иначе ей не нужно было-бы и существовать; ей не нужно было-бы подавлять учрежденія мѣстнаго самоуправленія, напротивъ она бы стремилась развивать ихъ, чтобы лучше ознакомиться съ потребностями народа, а развивая ихъ она этимъ самымъ перестала-бы быть деспотической. Актъ подавленія производитъ взаимную ненависть между подавляемыми и подавляющими; двуличная роль, которую при этомъ играетъ власть, пріучаетъ управляемыхъ смотрѣть на всякія заявленія властедержителей о ихъ стремленіи къ общему благу, какъ на ложь и лицемѣріе, направленное къ вящему угнетанію народа. Отсюда вытекаетъ, что дѣйствовать на народъ такъ, какъ дѣйствовали на него отцы федеративной демократіи, можно только при большомъ единодушіи вождей всѣхъ партій, направляющихъ народъ къ единству дѣйствія. Соперничество между этими вождями даетъ легкій случай уничтожить всякую возможность возникновенія какой бы то ни было формы

прочнаго народовластія и дѣлаетъ неизбѣжнымъ возвращеніе къ деспотизму. Народъ начинаетъ съ того, что на всякую возникающую власть смотритъ съ подозрительностью и склоненъ видѣть въ ней двуличнаго деспота, готовящаго ему еще болѣе тяжкое ярмо, чѣмъ то, которое онъ свергнулъ. Всякое печатное слово, позорящее эту власть, принимается народомъ съ восторгомъ; этой деморализаціей народныхъ чувствъ, порожденной деспотизмомъ, всѣ соперники въ исканіи власти пользовались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Соперниками-же были всѣ, кто имѣлъ какую-нибудь кучку сочувствующихъ, начиная отъ короля, Филиппа Эгалитэ и кончая Маратомъ. Всякаго, имѣвшаго въ своихъ рукахъ хотя какую-либо долю власти, осыпали читавшимися съ восторгомъ ехидствами и клеветами со всѣхъ сторонъ и вожди фракцій считали себя совершенно правыми въ этомъ случаѣ и съ восторгомъ смотрѣли на дѣйствіе своего оружія. Даже Маратъ и Дантонъ не проявляли большей проницательности. Самыя рѣзкія нападки Марата направлены были на вновь возникавшія популярности; — Некеръ, Лафаэтъ, Ролянъ и т. п. были мишенью, куда онъ пускалъ свои стрѣлы. Онъ шелъ въ этомъ случаѣ по стопамъ Мирабо, который еще до начала революціи съ такой-же яростью нападалъ на Некера, съ какой Маратъ впослѣдствіи нападалъ на него самого. Маратъ такъ-же мало понималъ вредъ, отсюда происходящій, какъ Мирабо понималъ гибельное для него дѣйствіе превращенія, которымъ онъ обдавалъ демократовъ въ палатѣ представителей, когда онъ закричалъ имъ свое знаменитое: «молчать тридцать голосовъ». Не имѣя и тѣни проницательности государственнаго человѣка, Мирабо не понималъ, что вся сила переворота лежитъ въ демократическомъ настроеніи народа и что если дворъ умышленно такъ устроилъ выборы, что тамъ не могло быть демократическаго большинства, то явившаяся отсюда законодательная машинка легко будетъ раздроблена въ куски. Маратъ считалъ даже гражданскою своею обязанностью нападать на возникающую власть; по его мнѣнію свобода въ томъ и заключалась, что поступки любимцевъ народа подвергались самой строгой критикѣ; масса читателей раздѣляла такое воззрѣніе и онъ возвысился до степени первостепеннаго вождя. Одна изъ его выходокъ противъ Ролана взбѣсила Дантона, бывшаго министромъ: «Развѣ можно такъ нападать на члена кабинета», сказалъ онъ Петіону. «Это

очень эфектно», отвѣтилъ Петіонъ и Дантонъ согласился. Если эфектно, поддерживаетъ волненіе умовъ, значитъ хорошо. А что будетъ дальше? Все равно, объ этомъ мы не думаемъ. Такъ дѣйствовали не только во Франціи, но втеченіе всего XIX-го вѣка во всѣхъ деспотическихъ странахъ, гдѣ начиналось политическое движеніе. Деспотическія правительства, облекавшія все тайною, могли скрывать злоупотребленія своихъ агентовъ, ихъ легче было низвергать инсинуаціями и клеветою, чѣмъ разоблаченіями; къ такимъ пріемамъ пріучались и они тотчасъ употреблялись и противъ новыхъ властей. Ошибки революціонеровъ вытекали изъ легкомыслія и изъ наклонности къ безнравственнымъ пріемамъ, воспитанной во всемъ обществѣ деспотическимъ режимомъ и до того пропитавшей его, что никто не могъ отъ нея отдѣлаться. Все таки зло, созданное политическими дѣятелями французской революціи, не могло уничтожить величія тѣхъ идей, которыми она была вызвана; среди всѣхъ своихъ ошибокъ она породила благопріятныя условія для существованія этихъ идей; во имя новыхъ идей сочинялись законы и творились великія дѣла людьми, остававшимися въ тѣни и никѣмъ не замѣчаемыми.

Деспотизмъ не можетъ проводить никакихъ существенныхъ реформъ; для возможности осуществленія великихъ идей нужно, чтобы онъ превратился, по кайней мѣрѣ, въ анархію и чтобы анархія сломила сопротивленіе деспотически сплоченной силы. Благодаря помянутымъ скромнымъ благодѣтелямъ человѣчества, французы почувствовали себя великимъ народомъ, и всѣ народы Европы, не исключая англичанъ, голландцевъ, шведовъ, поляковъ и швейцарцевъ, — народовъ, опередившихъ другихъ политическими идеями, почувствовали ихъ превосходство надъ собою. Урокъ скромнымъ людямъ, живущимъ и дѣйствующимъ ради вѣрной идеи; необходимость оставаться безвѣстными никогда не должна смущать ихъ и не должна соблазнять ихъ ради славы понижать свой нравственный уровень. Нравственная высота есть величайшее счастье, которое можетъ быть удѣломъ человѣка. Народъ французскій въ первый разъ въ исторіи почувствовалъ, что онъ дѣйствуетъ, что изъ орудія чужой воли онъ превращается въ самостоятельнаго дѣятеля, осуществляющаго свою собственную идею — идею санкюлотизма. Вырвавшись изъ клѣтки на свободу, онъ проявилъ столько способности выносить лишенія, столько самоотверженія,

энергіи и пламеннаго героизма, что міръ съ изумленіемъ остановился передъ этой картиной. Въ первый разъ въ жизни у французовъ интеллигенція соединилась съ народомъ для общаго дѣйствія и этотъ союзъ создалъ чудеса. Англійскіе агенты, которые давали своему правительству наиболѣе точныя свѣденія о состояніи Франціи временъ террора, утверждаютъ, что Франція никогда не была такъ прекрасно обработана и промышленная дѣятельность ея никогда не была такъ оживлена, какъ въ это время. Громадная производительность этого времени дала ей возможность вести безпримѣрную свою борьбу со всей Европой.

Вся Европа ополчилась на французскій народъ и онъ низвергнулъ всю Европу къ своимъ ногамъ. Талантъ и знаніе являлись въ этой борьбѣ въ безчисленныхъ образахъ, Наполеонъ былъ только одинъ изъ многихъ; прежде, чѣмъ онъ выступилъ героемъ дня, Европа уже была повергнута въ прахъ другими. Никакая дисциплина не могла помѣшать поклонникамъ французскихъ идей размножаться въ рядахъ враговъ Франціи; даже въ Голландіи толпы солдатъ переходили къ французамъ во время французскаго нашествія. Борьба деспотической Европы съ французами обнажала только во всей красѣ низость и безсиліе деспотизма. Единственнымъ народомъ того времени, способнымъ на материкѣ стремиться къ такъ называемымъ свободнымъ учрежденіямъ, оказалась Польша. Низость и продажность ея аристократіи была вполнѣ достойна стоять на ряду съ государственными людьми деспотическихъ государствъ Европы, но въ ней оказалась кучка людей, достаточно развитая, чтобы одушевляться болѣе возвышенными идеями. Кучка была ничтожна и порывъ ея не выдерживалъ и тѣни сравненія съ французской энергіей и французскимъ энтузіазмомъ; она была разбита и подавлена безъ всякаго усилія и все таки оказалось, что это единственная искра, которая могла проявиться среди грязной гнусности европейскаго деспотизма.

Если-бы французы сумѣли взяться за дѣло и создать для себя федеративную демократію, образецъ которой былъ для нихъ уже предначертанъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, то весь энтузіазмъ французскихъ массъ пошелъ-бы на дѣло и уже въ концѣ XVIII-го вѣка Европа получила-бы совсѣмъ другой видъ. Когда они занимали Голландію, Бельгію, Швейцарію, Италію — ихъ принимали съ восторгомъ. Чтобы удержаться на престолахъ,

итальянскимъ государямъ приходилось вступать въ союзъ съ разбойниками и играть позорную роль разбойничьихъ атамановъ и предводителей жуликовъ въ городахъ. Если-бы Франція была федеративной демократіей, гдѣ народъ всякой области управлялъ самъ собою, создавая центральное управленіе только для общихъ цѣлей республики, тогда по изгнаніи государей и низверженіи олигархій, эти области тотчасъ присоединились-бы къ Франціи. Препятствіе къ присоединенію заключалось именно въ томъ, что французы, завладѣвая государствами, гдѣ интеллигенція и народъ видѣли въ нихъ избавителей отъ тяготѣвшаго надъ ними гнета, отказывались вручать власть народу и интеллигенціи, у нихъ для этого не было выработано тѣхъ пріемовъ, которые созданы были американцами. Они хотѣли облагодѣтельствовать завоеванныхъ чрезъ французскихъ бюрократовъ и порождали этимъ неодолимое препятствіе къ созданію единой республики. Если-бы французы постигли секретъ, которымъ созданы были Соединенные Штаты Америки и посредствомъ единодушнаго союза своихъ вождей и первостепенныхъ дѣятелей своей прессы ввели у себя федеративную демократію, то Голландія, Италія и западная Германія легко составили-бы съ ними одно прочное, федеративное государство. Тѣ-же нѣмцы, французы и итальянцы, тѣ-же католики и отщепенцы отъ католической вѣры составили въ Швейцаріи федеративно-демократическое государство; почему они не могли составить его въ обширныхъ размѣрахъ въ концѣ XVIII-го вѣка?

Франція не дала имъ для этого образца. Она одушевилась великой идеей, распространила это одушевленіе по всей Европѣ, но у ней не оказалось вождей для ея осуществленія. Народы были въ такомъ настроеніи, что они безъ всякаго сомнѣнія послѣдовали-бы за вождями, которые повели-бы ихъ истиннымъ путемъ. Но вожди съ преступнымъ самомнѣніемъ обожали свою опеку и повели народъ не къ созданію, а къ уничтоженію великаго дѣла; исторія обязана оцѣнить ихъ по достоинству и заклеймить ихъ лѣнь и гнусность. Народъ французскій былъ великъ потому, что сумѣлъ воспламениться великимъ энтузіазмомъ, а вожди его достойны одного презрѣнія. Испанцы Америки отличались отъ испанцевъ Европы только тѣмъ, что они были невѣжественнѣе и грубѣе, однако-же тамъ установились сразу прочныя республики, которыя нельзя было превращать въ монархіи даже европейскимъ

оружіемъ. Ни крупное землевладѣніе, ни милитаризмъ, ни католическая религія не мѣшали учрежденію республиканскихъ формъ. Уже въ 1803 году Соединенные Штаты присоединили къ себѣ области, превышавшія ихъ территорію и заселенныя испанцами и французами, находившимися до того подъ деспотическимъ управленіемъ, однако-же это не помѣшало имъ плотно примкнуть къ федеративной республикѣ; переселенцы Европы тамъ такъ-же легко дѣлались демократами, какъ жители Техаса и Калифорніи, отторгнутыхъ отъ Мехики. Все это вполнѣ убѣждаетъ, что не народы, а ихъ вожди были причиною тому, что на рубежѣ XVIII-го и XIX-го вѣка въ центрѣ Европы не создалось прочной федеративной республики, простиравшейся отъ Нѣмецкаго моря и устьевъ Эльбы до южныхъ береговъ Сициліи.

Если-бы первоначальные вожди французской революціи сумѣли поставить дѣло на настоящую точку, тогда-бы и Наполеонъ Бонапартъ понялъ, что для него гораздо выгоднѣе было-бы быть побѣдоноснымъ героемъ и созидателемъ первой великой федеративной республики. Онъ не обладалъ способностью Кромвеля быть демагогомъ и разжигать въ народахъ энтузіазмъ равенства, но онъ прекрасно понималъ до какой степени подобный энтузіазмъ облегчаетъ побѣды и способствуетъ побѣдоносному торжеству военачальника. Жажда славы стояла у него на первомъ планѣ и онъ не задумываясь принялъ предложеніе подавить народъ, чтобы поддержать правительство, которое сдѣлало его главнокомандующимъ; но если-бы Робеспьеръ его не забраковалъ, то онъ съ бо́льшею охотою низвергъ-бы враговъ Робеспьера для той-же цѣли. При Робеспьерѣ его армія была-бы лучше снабжена всѣмъ необходимымъ, обладала-бы болѣе геройскимъ духомъ и успѣхъ побѣдъ былъ бы лучше обезпеченъ. Даже при правительствѣ совсѣмъ иного характера онъ дѣйствовалъ монтаньяромъ въ тотъ итальянскій походъ, который положилъ краеугольный камень для его славы. Въ Италіи онъ являлся защитникомъ народныхъ массъ, онъ провозглашалъ себя ихъ освободителемъ отъ угнетенія сильныхъ и орудіемъ народной мести, поражающимъ его угнетателей. Это ставило его въ такое ловкое положеніе, что онъ не нуждался ни въ помощи, ни въ деньгахъ парижскаго правительства. Съ имущаго класса онъ могъ собирать гораздо болѣе, чѣмъ необходимо было для содержанія его арміи, а народъ находилъ совершенно

справедливымъ, чтобы его угнетатели оплачивали войско, смиряющее ихъ въ его пользу. Робеспьеровская идея санкюлотизма развязывала ему руки такъ-же, какъ она развязывала ихъ Робеспьеру во Франціи. На всю жизнь Наполеонъ сохранилъ пріятное воспоминаніе о своихъ отношеніяхъ къ итальянскому народу во время первыхъ своихъ побѣдъ и всегда смотрѣлъ на сѣверную Италію съ любовью. Наполеонъ понималъ такъ хорошо нравственную силу санкюлотизма, что въ 1813 году, въ минуту крайней опасности, онъ опять вздумалъ принять на себя личину монтаньяра, но послѣ его прошедшаго это было смѣшно.

Если-бы во Франціи устроилась федеративная демократія на тѣхъ-же началахъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, то при правильномъ управленіи его положеніе сдѣлалось-бы неизмѣримо лучшимъ. Борьба съ отвращеніемъ народовъ отъ воинской повинности была въ то время въ Европѣ главнымъ источникомъ слабости государствъ въ самозащитѣ; между тѣмъ основной принципъ федеративной демократіи превращалъ каждаго гражданина въ солдата, — кто хочетъ быть свободнымъ, долженъ умѣть защищать свою свободу оружіемъ. Присовокупите къ этому восторженное желаніе французовъ пропагандировать свою идею, и у васъ получится слѣдующая картина. Побѣды Наполеона свергаютъ толпами мелкихъ государей Италіи и западной Германіи. Все это кинулось въ Австрію, Пруссію и Россію и травило-бы эти государства противъ великой республики; у Бонапарта были-бы полны руки дѣла. Если-бы республика имѣла такое-же правительство, какое создалось въ Соединенныхъ Штатахъ, то онъ, какъ великій полководецъ, тотчасъ понялъ-бы, какъ важно было сохранять въ арміи одушевлявшій ее героизмомъ республиканскій духъ. Онъ былъ вполнѣ способенъ понять, насколько болѣе лучезарной сдѣлалась-бы его слава, если-бы онъ представилъ изъ себя небывалый въ исторіи примѣръ великаго освободителя народовъ отъ ига тиранніи, онъ бы сразу постигъ, что онъ становится этимъ выше всѣхъ бывшихъ до него великихъ завоевателей: Александра Македонскаго, Цезаря, Чингисхана, Тамерлана; они были героями, но въ то-же время бичами народовъ, а онъ ихъ освободитель. Вѣдь Бонапартъ былъ романтикъ, — стоитъ вспомнить его египетскій походъ. Конечно въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ находился, ему не оставалось выбора; онъ выступилъ орудіемъ

грубыхъ эгоистовъ и развратныхъ взяточниковъ, онъ долженъ былъ стрѣлять въ демократовъ, чтобы получить начальство. Чтобы смыть съ себя это пятно и заставить замолчать всѣхъ, способныхъ ему напомнить о немъ, ему оставалось одно: свергнуть то правительство, которое его запятнало и сдѣлаться императоромъ съ съ громами цензуры въ рукахъ.

Весьма многіе найдутъ, что я слишкомъ довѣрчивъ по отношенію благородства человѣческой природы, и приписываю Бонапарту способность пониманія, окончательно превышающую сферу нравственныхъ воззрѣній, въ которой могла вращаться его низкая и грубая натура; но этихъ не вѣрующихъ я прошу подумать о томъ, какъ облагораживались сильные умы въ той области, гдѣ дѣйствовала сплоченная масса творцовъ Соединенныхъ Штатовъ. Она обуздывала военныя замашки и деспотическіе предразсудки въ Вашингтонѣ: при отсутствіи обстановки, состоящей изъ такой интеллигенціи, Бисмаркъ, Мольтке, Велингтонъ все таки никогда не выходили изъ извѣстной рамки и не стремились къ этому. Французская революція служитъ яркимъ доказательствомъ того зла, которое вытекаетъ изъ неправильной постановки основной идеи. Было вполнѣ понятно и естественно, что французская революція стремилась сдѣлать одинъ шагъ далѣе по сравненію съ американской и при томъ энтузіазмѣ, который овладѣлъ всѣмъ обществомъ, она могла надѣяться на успѣхъ. Въ чемъ долженъ былъ заключаться этотъ шагъ, было также ясно. Американская революція отдала въ руки народа политическій порядокъ, французская должна была то-же сдѣлать съ соціальнымъ. Для такого шага именно въ то время наступилъ надлежащій моментъ. Наука создала такіе пріемы производства, при которыхъ для народа взять въ свои руки соціальный порядокъ составляло необходимѣйшую изъ потребностей. Робеспьеръ напр. прекрасно понималъ это, но онъ жесточайшимъ образомъ ошибался на счетъ того пути, которымъ это могло быть сдѣлано. Прошло цѣлое столѣтіе и путь этотъ до сихъ поръ остается не понятымъ. Великій подвигъ не былъ совершенъ своевременно и послѣдствія были злополучныя. Изслѣдованіе, произведенное англійскимъ парламентомъ въ 1889 году, показало къ чему приводитъ современный соціальный порядокъ. Въ Англіи сельскіе хозяева за производимый ими картофель получаютъ 150,000,000 рублей, а потребители уплачи-

ваютъ 320,000.000 руб. — болѣе, чѣмъ вдвое; за плоды производители получаютъ 70,000,000 р., а потребители платятъ 200,000,000 р. — почти втрое: за молоко производители получаютъ 170,000,000 р., а потребители платятъ 370,000,000 р.; вслѣдствіе этого молоко сдѣлалось окончательно недоступнымъ для массы народа, что отзывается гибельнымъ образомъ на здоровьи дѣтей. Не надо забывать при этомъ, что производители изъ получаемыхъ ими денегъ должны еще оплачивать ренту за землю. Англійскій народъ за удовлетвореніе необходимѣйшихъ своихъ потребностей платитъ втрое, вчетверо и впятеро болѣе, чѣмъ стоитъ ихъ производство. Вотъ къ какимъ результатамъ привелъ этотъ варварскій соціальный порядокъ, который не былъ преобразованъ своевременно. Урокъ, который долженъ дать всякому понятіе о томъ, какъ важенъ правильный взглядъ на дѣло въ области политической и соціальной.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ. — XVII-ый вѣкъ: —

Глава IX.

Деспотическое управленіе, какъ начало паразитизма при раздѣленіи труда - - - - - - - - - 1

Глава X.

Почему органическій міръ слѣдуетъ раздѣлить на три отдѣла: растенія, животныя, человѣкъ. Семья, какъ источникъ коммунистическихъ идей и чувствъ. Вліяніе семьи на созданіе интеллигенціи во время возрожденія наукъ. Стремленіе интеллигенціи къ новой формѣ государственнаго устройства. Откуда возникла идея индивидуальной свободы - - - - - - - - - - - - 12

Глава XI.

XVII-ый вѣкъ (продолженіе). Какимъ образомъ Голландія и Англія доходили до новой формы политической организаціи - - - - - - - - - - - - 24

Глава XII.

XVII-ый вѣкъ (продолженіе). Господство общественнаго мнѣнія создало новую, болѣе высокую степень нравственности. Неспособность государей и дворянства выполнить политическую задачу, поставленную новыми условіями жизни - - - - - - - - - - - - 37

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ. — XVIII-ый вѣкъ:—

Глава xiii.

Всеобщій международный грабежъ и разбой вызываетъ новыя идеи и такъ называемый просвѣщенный деспотизмъ. Несообразности идеи просвѣщеннаго деспотизма вызываютъ ея поправку — энтузіазмъ демократическаго управленія и идеи свободы, равенства и братства- - 49

Глава xiv.

XVIII-ый вѣкъ (продолженіе). Учрежденіе федеративной демократіи въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки- - - - - - - - - - - - - 61

Глава xv.

XVIII-ый вѣкъ (продолженіе). Принципъ, способный уничтожить войну. Идея нравственности - - - - - 73

Глава xvi.

XVIII-ый вѣкъ (продолженіе). Идея нравственности- - 84

Глава xvii.

XVIII-ый вѣкъ (продолженіе). Идея нравственности (продолженіе) - - - - - - - - - - - 95

Глава xviii.

XVIII-ый вѣкъ (продолженіе). Идеи нревственности. Французская революція - - - - - - - - 108

Глава xix.

XVIII-ый вѣкъ (продолженіе). Французская революція (окончаніе) - - - - - - - - - - 119

Каталогъ

Фонда Вольной Русской Прессы.

1894.

Письма и деньги для главнаго склада адрессовать:
W. Voynich, 15, Augustus Road, Hammersmith, London, W.

1894.

Каталогъ

изданій, находящихся въ книжныхъ складахъ

«ФОНДА ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ПРЕССЫ.»

Главный складъ:—

London, 15, Augustus Rd., Brackenbury Rd., Hammersmith, W.

Открытъ ежедневно отъ 9 до 1 ч. по полудни.

Отдѣленія:—

1) New-York, A. Evalenko, 20, Jefferson Street.
2) New-York, L. Goldenberg, 51-52, Tribune Building.

Книги, отмѣченныя знакомъ ☞, поступили въ склады «Ф. В. Р. Прессы» втеченіе послѣдняго мѣсяца.

а). Русскія книги.

Аксельродъ. Задачи рабоч. интел. въ Россіи. 1893, цѣна 5п. (0,50 фр.).
—Рабоч. движеніе и соц.-демократія. 1885, ц. 10 п. (1,00).
Алексѣевъ И. Рѣчь на судѣ. 1890, ц. 1½ п. (0,15).
Алисовъ. До 10 брошюръ по 2½ п. (0,25).
—Черный годъ. 1892, ц. 2½ п. (025).
—Терроръ. 1893, ц. 2½ п. (0.25).
Бакунинъ. Всѣмъ славянскимъ друзьямъ. 1888, ц. 10 п. (1,00).
—Всемірный революціонный союзъ. 1888, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).
—Парижская Коммуна и понятіе о государственности. Съ предисловіемъ П. Кропоткина. 1892, 2½ п. (0,25).
—Романовъ, Пугачевъ или Пестель. Изд. Герцена. 1860, ц. 6 п. (0,60).
Бардина. Рѣчь на Судѣ. 1893, ц. ½ п. (0.05).
Біографія Домбровскаго. 1893. ц. 2 п. (0,25).
Благонамѣренный, Берлинъ, 1859, №№ 1—12, по 1 ш. (1,25).
Борисовъ И. Начало конца, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю. 1880, ц. 10 п. (1,00).

Впередъ. Непериодическое обозрѣніе. Лондонъ, 1874, Т. III, п. 10 ш. (12,50 фр.).
Впередъ „ „ 1876, Т. IV, ц. 3 ш. (3,75).
Впередъ „ „ 1877, Т. V, ц. 15 ш. (18,75).
Впередъ. Двухнедѣльное обозрѣніе. Лондонъ—
№ 13—24 (1875 г. второе полугодіе) ц. 6 ш. (7,50).
№ 25—36 (1876 г. первое полугодіе) ц. 6 ш. (7,50).
№ 37—48 (1876 г. второе полугодіе) ц. 6 ш. (7,50).
Отдѣльные номера по 6 п. (0,60).
Волховскій Ф. Чему учитъ «Конституція графа Лорисъ-Меликова». 1893, ц. 4 п. (0,40).
Вѣстникъ Народной Воли № № 1—5 по 4 ш. (5,00).
Въ память столѣтія Пугачевщины. 1874. Изданіе журнала «Впередъ», ц. 6 п. (0,60).
Гамбонъ. Послѣдняя революція (Коммуна). 1874, ц. 6 п. (0,60).
Г. Гейне. Германія, ц. 2 ш. (2,50).
Герценъ. Былое и думы. 1861, Т. 1, 2 по 8 ш. (10,00); Т. 3 по 6 ш. (7,50).
—За пять лѣтъ (55—60). Статьи изъ Колокола. 1861, ц. 6 ш, (7,50).
—Крещен. собственность. 1858, ц. 2 ш. (2,50).
—Кто виноватъ? Романъ въ 2-хъ частяхъ. 1859, ц. 6 ш. (7,50).
—Письма изъ Франціи и Италіи. 1858, ц. 8 ш. (10,00).
—Прерванные разсказы. 1857, ц. 5 ш. (6,25).
—Русскій народъ и соціализмъ. 1858, ц. 2 ш. (2,50).
—Старый міръ и Россія. 1858, ц. 2 ш. (2,50).
—Съ того берега. 1858, ц. 6 ш. (7,50).
—Тюрьма и ссылка. 1858, ц. 5 ш. (6,25).
—Франція или Англія? 1858, ц. 1 ш. 6 п. (2,00).
—14-ое Декабря 1825 г. и Императоръ Николай. Изд. «Полярной Звѣзды». 1858, ц. 7 ш. 6 п. (9,40).
—Собраніе Сочиненій. 10 Том. ц. 35 ш. (44,00).
—Посмертный Томъ. ц. 5 ш. (6,25).
Голоса изъ Россіи. Изд. Герцена. Кн. 1 — 9 по 2 ш. (2,50).
Горе русской земли. 1893, ц. 4 п. (0,40).
Государственный элементъ въ будущемъ обществѣ. (Изданіе журнала «Впередъ»). 1875, ц. 3 ш. (3,75).
Д. Мокріевичъ. По двумъ вопросамъ. 1890, п. 4 п. (0,40).
—За Байкаломъ. Разсказъ. 1892, ц. 10 п. (1,00).
10-е вольной русской типографіи въ Лондонѣ. (Рѣчи и воззванія Герцена). Составл. Чернецкимъ. 1863, п. 2 ш. 6 п. (3,10).
Дикштейнъ. Кто чѣмъ живетъ. 2-е изданіе. 1893, ц. 3 п. (0,30).
Драгомановъ. Вольный союзъ. 1884, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
—Діонизій III СПб. и Платонъ II Москов. 1882, ц. 5 п. (0,50).
—До чего довоевались? 1878, ц. 2 п. (0,20).
—За что старика (Трепова) обидѣли? изъ «Общины» ц. 5 п. (0.50).

Драгомановъ. Историч. Польша и великорус. демократія. 1882, ц. 3 ш. (3,50 фр.).
Либерализмъ и земство въ Россіи. 1889, п. 10 п. (1,00).
—Къ біографіи Желябова, ц. 5 п. (0,50).
—Наканунѣ новыхъ смутъ. 1887, ц. 5 п. (0,50).
—Терроризмъ и свобода, муравьи и корова. 1880, ц. 5 п. (0,50).
—Турки внутренніе и внѣшніе. 1876, п. 10 п. (1,00).
—Было бы болото, а черти будутъ! 1880, п. 10 п. (1,00).
—Учащаяся молодежь и полит. агитація, 1882, ц. 2 п. (0,20).
Емельяненко. Мотивы неволи. Сборн. Стихотв. ц. 1 п. (0,10).
Записки Имп. Екатерины II. Изд. Герцена. 1859, ц. 8 ш. (10,00).
Записки Южно-русскаго соціалиста 1877, п. 10 п. (1,00).
Записки княгини Е. Р. Дашковой. Съ предисловіемъ Герцена. 1859, 505 стр. 12 ш. (15,00).
Записки П. В. Лопухина. Съ предисл. Герцена. 1860, ц. 6 ш. (7,50).
Засуличъ. Варлен передъ судомъ. 1890, ц. 2 п. (0,20).
Звѣрства надъ политич. ссыльными въ Сибири. 1882, п. 2 п. (0,20).
Игнатій. Для истинныхъ христіанъ. 1883, п. 10 п. (1,00).
Историческій сборникъ Вольной Русской Типографіи въ Лондонѣ. Съ предисловіемъ Герцена. Кн. 2. 1860, ц. 7 ш. 6 п. (9,40).
Каутскій. Экономическія ученія Маркса въ популярномъ изложеніи. 1888. ц. 10 п. (1.00).
Кельсіевъ. Сборникъ о расколѣ. 1861, вып. 1 и 2 по 8 ш. (10,00); вып. 3 (скопцы), ц. 10 ш. (12,50); вып. 4, ц. 9 ш. (11,25).
Кеннанъ. Сибирь и ссылка. Томъ I, ц. 1 ш. 6 п. (2,00); Томъ II, п. 2 ш. 6 п. (3,00).
—Послѣднее заявленіе русск. либераловъ. 1890, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
—Тюремная жизнь русс. революціонеровъ. 1889, п. 1 ш. 3 п. (1,50).
—Русскіе государственные преступники. 1891, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
—Петропавловская крѣпость 1889, п. 1 ш. 8 п. (2,00).
Колоколъ. *№№* 1—155, п. 200 ш. (250,00).
Конституція графа Лорисъ-Меликова. 1893, п. 3 п. (0,30).
Короленко. Чудная. Очеркъ. 1893, ц. 1 п. (0,10).
Костомаровъ. Письмо къ Герцену. 1880, п. 10 п. (1,00).
Кудрявцевъ. Первое «Presto» и идеалы Христа. 1893.
Кюхельбекеръ. Избранныя стихотворенія, ц. 1 ш. (1,25).
Лавровъ. Опытъ исторіи мысли. Вып. 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 8 по 1 ш. 8 п. (2,00).
—Послѣдовательныя поколѣнія. Въ память Елисѣева и Шелгунова, 1893, ц. 10 п. (1,00).
—Историческія письма. 1892, ц. 3 ш. 4 п. (4,00).
Лермонтовъ. Демонъ и запрещенныя стихотв. 1879, п. 1 ш. (1,25).
Лопатинскій процессъ. 1890, ц. 10 п. (1,00).
Марксъ. Манифестъ коммун. партіи. 1882, п. 10 п. (1,00).
—Нищета философіи. 1886, п. 2 ш. (2,50).

Маркъ. Рѣчь о свободной торговлѣ. 1885, ц. 7½ п. (0,75 фр.).
- Введеніе къ крит. филос. права Гегеля. 1887, ц 10 п. (1,00).
—Гражданская война во Франціи. 1893, ц. 10 п. (1,00).
Мартьяновъ. Народъ и государство. 1863, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
Международная Библіотека: 29 томовъ. 1875 — 1888.
I. **Панаевъ.** Новгородское возмущеніе въ 1831, ц. 1ш. (1,25).
II. **Матерьялы для біографіи Павла I.** ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
III. **Князь Трубецкой.** Записки Декабристовъ, ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
IV. **Якушкинъ.** Записки Декабристовъ, ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
V. **Присутственный день Уголовнаго Суда. Судебныя сцены,** ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
VI. **Объ аристократіи, въ особенности русской,** ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
VII. **Тайное Общество и 14 Декабря 1825,** ц. 4 ш. (5,00).
VIII. **Матерьялы для біографіи А. С. Пушкина,** ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
IX. **Общество пропаганды 1849 г.** ц. 2 ш. (2,50).
X. **Матерьялы для біографіи К. Ѳ. Рылѣева,** ц. 1ш. 6п. (1,75).
XI. **Бѣлый терроръ, или выстрѣлъ 4 Апрѣля 1865 года,** ц. 1 ш. 6 п. (1.75).
XII. **Нѣкоторыя выписки изъ бумагъ Данилевскаго,** ц. 1 ш. (1,25).
XIII. **Собраніе запрещенныхъ стиховъ и прозы,** ц. 2 ш. (2.50).
XIV. **Воспоминанія Княгини Е. Р. Дашковой,** ц. 4 ш. (5,00).
XV. **Записки Екатерины II.** ц. 4 ш. (5,00).
XVI. **Князь Щербатовъ. О поврежденіи нравовъ въ Россіи,** ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
XVII. **Радищевъ, А. Путешествіе изъ С. Петербурга въ Москву.** ц. 3 ш. (3,75).
XVIII. **Уильмотъ. Письма изъ Россіи.** ц. 1 ш. (1,25).
XIX. **Матерьялы для біографіи Кн. Е. Р. Дашковой,** ц. 2 ш. (2,50)
XX. **Сибирь и русское правительство,** ц. 2 ш. (2,50).
XXI. **Скопческія духовныя пѣсни,** 2 ш. (2,50).
XXII. **Матерьялы для исторіи царствованія Николая Павловича** ц. 3 ш. (3,75).
XXIII. **Памяти Братьевъ Бестужевыхъ,** ц. 9 п. (1,00).
XXIV. **Историческіе документы изъ временъ царствованія Александра I-го.** ц. 2 ш. (2,50)
XXV. **Матерьялы для будущей исторіи Сибири и ссылки Михайлова.** ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
XXVI. **Финансовое положеніе Россіи.** ц. 1 ш. (1,25).
XXVII. **Павлеченія изъ распоряженій по дѣламъ о раскольникахъ при Николаѣ и Александрѣ II,** ц. 1 ш. (1,25).
XXVIII. **Краткое обозрѣніе существующихъ въ Россіи расколовъ,** ересей и сектъ. Составилъ Липранди, ц. 1 ш. (1,25).
XXIX. **Процессъ пятидесяти.** ц. 1 ш. 6 п. (1,75).
Мерзеевъ. Стихотворенія 1881, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
На родинѣ. 1881, №№ 1 и 2, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).

Огаревъ. Стихотв. съ портр. автора, 432 стр. 1860. ц. 10 ш. 6 п. (13,00 фр.).
—Разборъ новаго крѣпостного права. 1861. 1 ш. 6 п. (2,00).
—За пять лѣтъ (статьи изъ «Колокола»). 1861. ц. 9 ш. (11,25).
Ораторы бунтовщики (статьи изъ «Набата») ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
Первое Мая 1891 г. Рѣчи рабочихъ въ Петербургѣ и адресъ Шелгунову. Съ пред. Г. Плеханова. 1891, ц. 5 п. (0,50).
Плехановъ. Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи. 1892, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).
—О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи. 1892, ц. 10 п. (1,00).
—Біографія Лассаля. 1887, ц. 7½ п. (0,75).
—Ежегодный праздникъ рабочихъ. 1891, ц. 1½ п. (0,15)
—Новый защитникъ самодержавія. 1889, ц. 10 п. (1,00).
—Наши разногласія. 1885. ц. 2 ш. 5 п. (3,00).
Подъ судъ (Прибав. листы къ Колоколу). 1862, №№ 1—13. по 6 п. (0,60).
Полярная Звѣзда за 55—62 гг. подъ ред. Герцена, по 8 ш. (10,00).
По поводу Самарскаго голода 1874 г. Изд. «Впередъ». п. 2 ш. (2,50).
Прогрессъ. Еженед. газ. Н.-Іоркъ, 1892, №№ 1—15 по 2½ п. (0,25).
Радищевъ. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву и **Щербатовъ.** О поврежденіи нравовъ въ Россіи. Изд. Герцена, ц. 10 ш. (13,00).
Ренанъ. Жизнь Іисуса, ц. 6 ш. (7,50).
Русскія Новости. Еженед. газ. Н.-Іоркъ, 1893, по 1½ п. (0,15).
Рылѣевъ. Думы, ц. 1 ш. (1,25).
—Войнаровскій и запрещенныя стихотворенія. ц. 1 ш. (1,25).
С. З. 18 лѣтъ войны чиновнич. съ земствомъ. 1883. 1 ш. 3 п. (1,50).
Свободная Россія. Женева 1889, №№ 1—3 по 5 п. (0,50).
Самоуправленіе. Женева 1889, №№ 2—4 по 5 п. (0,50).
Сергѣевскій голодъ въ Россіи. 1892, ц. 10 п. (1,00).
—По поводу недавнихъ прокламацій. ц. 2½ п. (0,25).
Собраніе матерьяловъ для исторіи возрожденія Россіи. 1887, 8 томовъ. ц. 38 ш. (47,50).
I. Револ. опыты возбуждающагося нигилизма ц. 6 ш. 4 п. (8,00).
II. Біограф. очерки изъ жизни вольнодумцевъ въ началѣ XIX-го столѣтія, ц. 5 ш. 4 п. (6.75).
III. Аристократія и бюрократія въ Россіи, ц. 3 ш. 4 п. (4,25).
IV. Нравственные взгляды на Россію въ концѣ минувшаго вѣка, ц. 4 ш. 4 п. (5,50).
V. Матер. для исторіи царств. Екатерины II, ц. 4 ш. 4 п. (5,50).
VI. Біографія и воспоминанія кн. Дашковой, ц. 5 ш. 4 п. (6,75).
VII. Изъ временъ Александра I и Николая I. ц. 6 ш. (7,50).
VIII. Раскольники въ Россіи, ц. 3 ш. 4 п. (4,25).
Собраніе постановл. по расколу. 1863, Т. 1 и 2 по 8 ш. (10,00).
Союзъ или борьба? ц. 10 п. (1,00).

Стоглавъ. Соборъ, бывшій въ Москвѣ при Иванѣ Грозномъ. 1860, ц. 8 ш. (10,00 фр.) [по 4 ш. (5,00).

Соц.-демократъ, №№ 1, 2, 3. 1890—1892, по 2 ш. 5 п. (3,00); № 4

Старикова, Н. Зарницы. Драматическія сцены. 1894, ц. 3 п. (0,30).

Степнякъ, С. Чего намъ нужно и Начало конца. 92. изд. 2, ц. 2 п. (0,25).

—Заграничная агитація. 1892, ц. 2 п. (0,25).

—Подпольная Россія. 1893, ц. 2 ш. (2,50).

— Съ портретами и въ переплетѣ. ц. 3 ш. 4 п. (4,00 фр.)

Толстой Л. Исповѣдь, ц. 2 ш. 5 п. (3,00).

—Какова моя жизнь? 1886, ц. 3 ш. 4 п. (4,00).

—О жизни. 1891, ц. 3 ш. 4 п. (4,00).

—Деньги. 1890, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).

—Письмо къ N. N. ц. 10 п. (1,00).

—Понятіе о Богѣ. 1889, ц. 10 п. (1,00).

—Критика догмат. богословія, 1891. ц. 2 ш. 5 п. (3,00).

—Крейцерова соната. 1890, ц. 2 ш. (2,50).

—Послѣсловіе къ Крейцеровой сонатѣ, ц. 8 п. (0,75).

—Николай Палкинъ, 1891. ц. 10 п. (1,00).

—Работникъ Емельянъ и пустой барабанъ. 1891, ц. 10 п. (1,00).

—Въ чемъ моя вѣра. 1892, ц. 4 ш. (5,00).

—Что-же намъ дѣлать? 1893, ц. 2 ш. 6 п. (3,00).

—Ученіе 12-ти Апостоловъ. 1892, 10 п. (1,00).

—Ученіе Бондарева. 1892, ц. 10 п. (1,00).

—Письмо къ Французу. 1892, ц. 10 п. (1,00).

—Соединеніе и переводъ 4-хъ Евангелій. Томъ I. 1892, ц. 5 ш. (6,25); Томъ II. 1893, ц. 4 ш. (5,00).

—Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ. Повѣсть. 1892. ц. 2 ш. 3 п. (3,00).

Толстой Ал. Сказка про то, какъ царь Археянъ ходилъ Богу жаловаться. 1893. ц. 1 ш. 3 п. (1,50).

Тургеневъ и Кавелинъ. Письма къ Герцену. 1892, ц. 2 ш. 6 п. (3,00).

Трубецкой, Н. Муравьевъ, Луниннъ, Пущинъ. Записки декабристовъ. Изд. Герцена. 1863, ц. 4 ш. (5,00).

Фейербахъ. Сущность христіанства. 490 стр. 1860, ц. 7 ш. 6 п. (9,40).

Финансовое положеніе Россіи, ц. 1 ш. (1,25).

Флеровскій Н. «Азбука соціальныхъ наукъ.» Греко-римская цивилизація, средніе вѣка, возрожденіе наукъ. 1894, ц. 1 ш. 3 п. (1,50); XII и XVIII вѣка современной западно-европейской цивилизаціи. 1894. ц. 1 ш. (1,25); XIX вѣкъ современной западно-европейской цивилизаціи, 1894, ц. 2 ш. (2,50).

Хаснинъ. Еврей къ Евреямъ. 1892, ц. 4 п. (0,40).

Хитрая Механика. Изд. 4-ое «Впередъ». 1877. ц. 3 п. (0,30).

Цебрикова. Каторга и ссылка. 1891, ц. 10 п. (1,00).

Чего хотятъ соціаль-демократы? 1888. ц. 8 п. (0,80).

Че-ко. Опытъ соціологіи. 1883, ц. 4 ш. (5,00).

Чернышевскій. Научились-ли? 1879, ц. 5 п. (0,50).

Чернышевскій. Судъ надъ нимъ и біографія Лессинга, ц. 3 ш. 4 п. (4,00 фр.).
—Объ общин. владѣніи землею. 1879, ц. 4 ш. (5,00).
—Письма безъ адреса. 1890, ц. 1 ш. 8 п. (2,00).
—Прологъ пролога. Романъ изъ начала 60-хъ годовъ. 1877, Изд. «Впередъ». ц. 3 ш. (3,75).
—Заговорщики и соумышленники Наполеона III (по Кинглеку). 1890, ц. 2 ш. 6 п. (3,00).
Шевченко. Марія (поэма), 1885. ц. 5 п. (0,50).
Щедринъ. Какъ высѣкли д. с. совѣтника. 1890, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).
—Орелъ-Меценатъ. 1890, ц. 7 п. (0,75).
—Новыя сказки. Топтыгинъ. I, II, III. 1893, ц. 2 ш. (2,50).
—Три сказки. 1890, ц. 10 п. (1,00).
—Чужую бѣду руками разведу. 1890, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).
Якушкинъ. Записки Декабристовъ. Изд. Герцена, 62, 2 ш. 6 п. (3.00).
Энгельсъ. Разв. научнаго соціализма. ц. 1 ш. (1,25).
—Людвигъ Фейербахъ. 1892, ц. 1 ш. 3 п. (1,50).

Кромѣ того **Фондомъ В. Р. П.** публикуются отъ времени до времени отрывочныя новости, замѣтки и сообщенія на отдѣльныхъ летучихъ листкахъ. Цѣна за каждые 4 экз. 1 пенни (10 сант., 10 пфен. или 2 цента). На пересылку прилагается за каждую дюжину или часть дюжины ½ пенни или 5 сант.

б). Рѣдкія русскія книги.

Вольное Слово. Журналъ. Полныя коллекціи. ц. 30 ш. (37,50).
Впередъ. Двухнедѣльное обозрѣніе. Полныя коллекціи NN. 1—48. Лондонъ 1875—1876. Цѣна 100 ш. (125 фр.).
—Журналъ. Годовое обозрѣніе. Полныя коллекціи. Томы 1—5. Лондонъ 1873—1877. ц. 100 ш. (125 фр.).
Внушителя словили. Лондонъ 1875. ц. 2 ш. (2,50).
Изъ-за рѣшетки. Сборникъ стихотв. русскихъ заключенниковъ по полит. причинамъ въ періодъ 1873—1877. ц. 10 ш. (12,50).
Лавровъ. Русской Соціально-революціонной молодежи. По поводу брошюры: Задачи револ. пропаганды въ Россіи 1874, ц. 5 ш. (6,25).
Общественная служба въ будущемъ обществѣ. Двѣ записки представленныя на Брюссельскій Конгрессъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ въ 1874. Лондонъ 1875, ц. 5 ш. (6,25).
О смутномъ времени на Руси. Народное изданіе. Лондонъ 1875. ц. 2 ш. (2,50).
Процессъ пятидесяти. Изданіе «Впередъ». ц. 1 ш. (1,25).
Процессъ В. Осинскаго, С. Лешернъ-фонъ-Герцфельдъ и В. Волошенко. 1879, ц. 10 п. (1,00).

Сказка Говоруха. Народное изданіе. Лондонъ 1875. ц. 2 ш. (2,50 фр.).
Сказка о кривдѣ и правдѣ. 1875. Изд. «Впередъ», ц. 4 п. (0,40).
Славянскій вопросъ. 1876. Изд. «Впередъ». ц. 1 ш. (1,25).
Ткачевъ. Анархія мысли. Собраніе критич. очерковъ. Лондонъ 1879. ц. 3 ш. (3,75).
Флеровскій И. На жизнь и смерть. Изображеніе идеалистовъ. Романъ. ц. 8 ш. (10,00).
Цебрикова. Письмо къ Александру III. ц. 1891. 10 п. (1,00).

в.) Малороссійскія.

Громада. № 1, 1878 г., № 1. 2. 1881 г. по 1 ш. 8 п. (2,00); № 2, 1878 г. 4 ш. (5.00); № 4, 1879 г., № 5, 1882 г. по 4 ш. (5,00).
Драгоманов. Нові українські пісні. 1881. 2 ш. 6 п. (3,00).
—Политичні пісні укр. народу. 1885. Розд. I 2 ш. 10 (3,50); Розд. II. 3 ш. 2 п. (4,00).
Мірній и Білік. Хиба ревуть воли, як ясла повні? 1880. 4 ш. (5.00).
Подолинскій. Життьа і здоровіа людеі на Украіині. 2 ш. 6 п. (3,00).
—Ремесла і хвабрики на Украіині. 1879. 1 ш. 8 п. (2,00).
Шевченко. Марія мати Іесусова. 1882 5 п. (0,50).
—Поезіі. 2 ш. 6 п. (3,00).
Драгомановъ. Евангельска віра в старой Англіі. 1893. 2 п. (0,25).
Куліш. Магомет и Хадиза. Поэма. 1883. 1 ш. 8 п. (2,00).
—Хуторна поэзія. 1882. 1 ш. 8 п. (2,00).
Шекспирові творі. Поперекладав Куліш. Том I. (Отелло. Троія та Кресенда. Комедія помилок.) 1882. 4 ш. (5,00).
Про богацтво да бѣдносць (бѣлорусское изд.) 1881. 4 п. (0,40).

в). Польскія.

Bard oswobodzon. Polski. 200 narodowych piesni. 1 s. 6 d. (2,00).
Emigracja Polska od 1831—1863 roku. Krotki rys historyczny. 1 s. (1,25).
Mieroslawski L. Poezje. Pierwsze wydanie zbiorowe posmiertne. 1 s. (1,25).
Mirtow. (Lawrow.) Listy historyczne. 2 s. (2,50).
Pobudka, organ polski narod.-socyalnej partyi. Paryz. po 1 d. (0,10).
Praca. Za lat 15 roczniki po 2 s. 6 d. (3,00).
Roczniki Pobudki po 2 s. (2,50).
Wolne Polskie Slowo po 3 d. (0,30).
Przeglad Emigracyjny. Dwutygodnik ekonomiczno-spoleczny. 1893. Numer pojedynczy. 4 d. (0,40).
3 Maja. W setna rocznice konstytucyi 3 Maja. 6 d. (0,60).
Z dzisiejszej doby, No. V. W 30 rocznice powstania Styczniowego. Kilka slow o polityce narodowej. 1893. 2½ d. (0,25).

— No. VI. Kilka słów o stanowisku rzadu rosyjskiego w obec naszych ruchow robotniczych. 1893. 2½ d. (0,25).
— No. VII. Polityka rzadu wzgledem kosciola. 1893. 2½ d. (0,25).
Nasz patryotyzm. Podstawy programu współczesnej polityki narodowej 1893. 5 d. (0,60).
Sprawa Robotnicza. Organ Soc.-Demokrat. Wychodzi raz w miesiac, 3 s. (4,00) 1 dol. rocznie.

д.) Англійскія, Нѣмецкія и Французскія.

Free Russia. Annual subscription, post free . 1 s. 6 d. (3,00).
Bound Vols. of FREE RUSSIA—
1890, 1891, & 1892, complete 21 s. (26,15).
,, ,, without 1st. No. 6 s. 6 d. (8,00).
1890 & 1891, complete 20 s. (25,00).
,, without 1st No. 4 s. (5,00).
1892. 3 s. (3,75).
1892 & 1893 without 1st No. 4 s. (5,00).
1893, 3 s. (3,75).
—Amer. edit. Annual subscription, post free, 4 s. (5,00).
Journey under Arrest (A) 2nd edit. 3 d. (0,30).
Kennan. Siberia and the Exile System (2 vols. ill.). 32 s. (40,00).
Lanoe Falconer. Melle Ixe. 6th ed. 1 s. 6 d. (1,80).
Slaughter of Polit. Prisoners in Siberia (The). 27th thousand 1 d. (0,10).
Stepniak. The Career of a Nihilist, 2nd edit. Cloth. 3 s. 6 d. (4,40).
—The Russian Peasantry, 2nd edit. Cloth. 10 s. 6 d. (13,10).
—The Russian Storm-Cloud. Cloth. 7 s. 6 d. (9,40).
—Russia under the Tzars. Cloth. 3rd ed. 6 s. (7,50).
—Underground Russia. 3rd ed. Cloth. 6 s. (7,50).
To the Arctic Zone. 2 d. (0,25).
Peter Kropotkine. The Commune of Paris. 1 d. (0,10).
H. M. Thompson. Are Russian Internal Affairs Any Concern of Ours. 3 d. (0,30).
Bibliography of the Russian Question. 1 d. (0,10).
The Russian Extradition Treaty. Reasons why it should be abrogated, being a reply to prof. Moore's article in the July Forum. 5 d. (0,50).
Volkhovsky. At theMercy of Every Officials. 1 d. (0,15).
Frei Russland. 1892. 3 s. (3,70).
Stepniak. Der russische Bauer. 1 s. 6 d. (2,05).
Herzen. La conspiration russe de 1825. 1858. 1 s. (1,25).
—La France ou l'Angleterre ? 1858. 1 s. (1,25).
Ogareff. Essai sur la situation russe. 1862. - 3 s. (3,75).
Van Eeden. Lettre à Alexandre III (traduit du hollandais). 6 d. (0,60)
A. Herzen (professeur à Lausanne). Le peuple russe et son gouvernement. 1890. 1 s. (1,25).

e) Фототипіи.

Г. Кеннанъ; С. Перовская; Вѣра Засуличъ; В. Осинскій; С. Дикштейнъ — по 1 п. (0,10), за пересылку 2 п. (0,20). — Выписывающіе при этомъ книги за пересылку не платятъ.

Біографіи: Желябова, Перовской, Кибальчича, Гельфманъ; За Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаетъ, 1873; Записка министра Палена, 1875; Календарь Нар. Воли, 1883; Номера «Народной Воли»; Процессъ 193-хъ; Процессъ 16-ти; Сказка о 4-хъ братьяхъ; Сказка о копѣйкѣ; Мужицкая правда; Степняка. Біографія С. Бардиной; Убійство политическихъ ссыльныхъ въ Якутскѣ; Черный Передѣлъ, и Земля и Воля. Всѣ эти изданія распроданы и въ случаѣ необходимости могутъ быть перепечатаны въ нашей типографіи, если заказъ будетъ сдѣланъ въ количествѣ 500 экз.

Выписывающіе книги изъ складовъ по почтѣ прилагаютъ на пересылку по 1 пенни на каждый шиллингъ (10 сант. на франкъ) стоимости.

Лицамъ, лично извѣстнымъ или рекомендованнымъ складу, послѣдній доставляетъ книги въ Россію на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Заказъ долженъ быть сдѣланъ по крайней мѣрѣ за полтора мѣсяца до срока доставки; 2) деньги, по 10 фунтовъ стер. за пересылку первыхъ полутора пуда каждаго транспорта и по 3 фунта стор. за каждый слѣдующій пудъ вмѣстѣ со стоимостью книгъ, высылаются впередъ. Складъ доставляетъ въ Россію и непомѣщенныя въ каталогѣ изданія на иностранныхъ языкахъ, касающіяся Россіи, или вообще запрещенныя для ввоза.

Желающихъ получить каталогъ отдѣльно просятъ высылать 1 пенсовую или соотвѣтствующую марку (10 сант., 2 цент.).

P.S. — Въ виду устройства вѣрнаго собственнаго пути въ Россію и нѣкотораго притока пожертвованій на расширеніе дѣятельности Фонда В. Р. Прессы, администрація послѣдняго считаетъ возможнымъ принять пересылку въ Россію собственныхъ изданій на свой счетъ, если заказъ на нихъ будетъ, въ сложности, не менѣе пятисотъ экземпляровъ. Для Фонда безразлично, будетъ ли выписано одно названіе, или нѣсколько различныхъ названій, лишь бы тюкъ заключалъ въ себѣ не менѣе 500 брошюръ; въ такомъ случаѣ заказчикъ за пересылку ничего не платитъ.